

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

ИСТОРИЯ СЕЛЕНИЙ АШИТСКОГО ДЖИЕНА ЗАКАЗАНЬЯ

Казань – 2017

УДК 94(470.41)"18/19"
ББК 63.3(2Рос.Тат)
И 90

*Издание подготовлено в рамках
Государственной программы «Сохранение национальной
идентичности татарского народа (2014–2019 годы)»*

Серия «ИСТОРИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Научный редактор

доктор исторических наук, академик АН РТ *Р.Р.Салихов*

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *А.И.Ногманов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Р.Р.Исхаков*

кандидат исторических наук *А.Р.Мухаммадеев*

История селений Ашитского джиена Заказанья: коллективная монография / под ред. *А.И.Ногманова*. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 240 с. + 20 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-270-9

В коллективном труде сотрудников отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ раскрываются неизвестные страницы истории и повседневной жизни группы татарских селений Арского района Республики Татарстан, входивших в прошлом в так называемый Ашитский джиен. Исследование населенных пунктов, объединенных общим происхождением, семейными, экономическими и духовными связями, расширяет наши представления об истории освоения Заказанья, ранних формах организации татарского общества и их местных проявлениях, помогает разобраться в истоках татарского предпринимательства и его влиянии на духовную культуру народа.

ISBN 978-5-94981-270-9

УДК 94(470.41)"18/19"
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2017
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	4
ГЛАВА I. Ранняя история селений Ашитского джиена	8
Заселение края	8
Селения Ашитского джиена в русских письменных источниках XVI–XVII столетий	26
Эпиграфические памятники селений Мамсинской и Больше-Менгерской волостей	39
ГЛАВА II. Социально-экономическое развитие татарских деревень Заказанья в XIX – начале XX вв.	53
Социальный состав и демографическое развитие	53
Социальная организация и общественный быт	62
Земледелие и хозяйственная культура	74
Торговля и промыслы	86
ГЛАВА III. Духовная жизнь селений Ашитского джиена в XIX – начале XX вв.	103
Ташкичу	104
Мамся	119
Старый Ашит	129
Новый Кинер	132
Старый Кинер	140
ГЛАВА IV. Взаимодействие татарского населения с органами власти и управления в XIX – начале XX вв.	145
Крестьянское самоуправление, власть и земство	145
Продовольственный вопрос и налоги	150
Деятельность земства в сфере образования татарского населения	159
Медицинская помощь	167
Пожарная безопасность	174
Антиправительственные выступления	179
Противоправные деяния	195
Заключение	199
Приложения	202
Список сокращений	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных социокультурных и экономических условиях сохранение и развитие татарстанского села является важнейшим фактором дальнейшего процветания республики, укрепления национальной идентичности татарского народа и других народов Татарстана.

Село всегда было и остается хранителем национальных традиций, языка, духовной и материальной культуры народа. Однако выдающееся значение деревни заключается не только в охранительных функциях. Ее история преподносит нам удивительно актуальные уроки выживания, адаптации и, в конечном счете, социального и экономического успеха. В этой связи очень важно изучить те позитивные модели развития, которые нам предлагает прошлое татарской деревни, сумевшей в дореволюционный период, без всякой государственной поддержки, проявить предпринимательскую хватку, создать собственную систему воспитания и образования подрастающего поколения, оставаться самодостаточной и перспективной.

Поэтому в центре внимания настоящего исследования оказались населенные пункты северной части Заказанья, входившие в Мамсинскую и Больше-Менгерскую волости Казанского уезда и в XIX – начале XX века показавшие высокие темпы экономического и культурного развития. Следует особо подчеркнуть, что данная проблематика до сего времени оставалась фактически неизученной. Комплексное исследование сел современного Арского и других муниципальных районов Татарстана, находящихся на территории Заказанья, не проводилось.

Между тем, именно этот регион представляет серьезный научный интерес, так как именно здесь формировалась предпринимательская культура татарских сел, существовали сильные родовые кланы, авторитетные представители духовенства, оказывавшие определенное воздействие, в том числе и на губернский центр – Казань.

Рассматриваемые в данной работе деревни объединены в первую очередь общим происхождением, теснейшими родственными связями. Селения Мамсинской и Больше-Менгерской волостей возникли

относительно поздно, в XVII–XVIII столетиях. Их основатели в первые десятилетия после падения Казанского ханства мигрировали из аулов Приказанья, а также деревень бывшего Алатского княжества, на северные окраины региона, в глухие леса, населенные преимущественно марийцами. Народная память, легенды о происхождении этих сел сохранили типовые сюжеты, которые фиксировали приход в лесные края больших родственных групп татарского населения, которые сразу же занялись вырубкой деревьев на больших площадях под пашню и выгон для скота. Этот процесс сопровождался тесным взаимодействием с марийским населением, которое в ряде случаев продолжало жить в одной общине с татарами-мусульманами.

В начале XVII века, благодаря переселенцам из сел Нижняя Береска, Кошар и других аулов бывшего Алатского княжества, возникли деревни Старый Кинер и Мамся. Из этого же региона вышли основатели Старого Ашита. Их родословные восходят к знати древних аулов Заказанья: Старого и Большого Менгера, Кошара. В середине XVII столетия ряд семей Старого Ашита перебрались на место современной деревни Ташкичу и дали жизнь этому знаменитому населенному пункту.

Несмотря на тяжелые периоды, связанные с миссионерскими кампаниями, тяжелым сельскохозяйственным освоением лесной местности, деревни Мамсинской и Больше-Менгерской волостей успешно развивались, показывали устойчивый демографический рост. Одним из мощных стимулирующих факторов стала корабельная повинность, способствовавшая мобильности крестьян, их активному занятию промыслами. В середине XVIII века возникла крупнейшая деревня региона – починок по речке Мамсе или Новый Кинер, быстро ставшая одним из крупнейших центров крестьянского предпринимательства в Заказанье. Вообще для сел этой округи была характерна энергичная и разноплановая коммерческая деятельность. Крестьяне торговали буквально всем: изделиями кустарных промыслов, продуктами, мануфактурой, одеждой. Ушлые торговцы-татары буквально заволокли Уржумский уезд Вятской губернии, снабжая товарами марийские и русские деревни края. Интересно, что они даже продавали деревянные кресты православным жителям уезда. В то же время мы видим тесные связи деревень

Мамсинской и Больше-Менгерской волостей с оренбуржьем, казахской степью и Бухарой.

В начале XX века богатые крестьяне начинают переключаться на европейские рынки, знакомиться с новыми технологиями и возможностями западной коммерческой и производственной культуры. Так, например, предприниматели из Старого Ашита, торговавшие мусульманской одеждой и головными уборами, направляли своих приказчиков для изучения рынка и производственных мощностей не только в Стамбул, но и в Вену, другие европейские страны. Наиболее успешные предприниматели из этих аулов быстро завоевывали лидирующие позиции в губернии и становились богатейшими купцами Казани. Уроженцы деревни Мамся, миллионеры Галикеевы, занимавшиеся мануфактурной коммерцией и мыловаренным производством, являлись авторитетными и влиятельными общественными деятелями татарского мира. Сафа Галикеев был ближайшим сподвижником Шигабутдина Марджани, помогал ему в строительстве приходского медресе. Сын торговца – Мухамедсадык Галикеев, купец 1-й гильдии, стал надежным соратником выдающегося религиозного деятеля и педагога Галимзяна Баруди.

Представитель древнего и богатого рода ашитских предпринимателей Сибгатулла Хасанов в начале XX века выбился в лидеры делового мира Казани, а его сын Ахметгарай Хасани, не без материального участия отца, начал издавать первый общенациональный литературно-художественный журнал «Аң» (Сознание).

Экономическая успешность создавала особые условия для развития духовной культуры и образования. Во всех указанных селениях существовали сильные мусульманские общины, возглавляемые высокообразованными хазратами. Например, в деревне Новый Кинер было четыре махалли с большими мектебами и медресе, выпускники которых впоследствии становились прославленными проповедниками и педагогами. Так, Габдельгазиз бине Гайса аль-Кенери возглавлял общину деревни Кушлавич. Его сын Габид служил имам-хатибом в селах Арбаш, Карелино, Урнашбаш. Другой сын – Фаяз являлся муэдрином знаменитого Кшкарского медресе.

Деревня Мамся также славилась своим учебным заведением и своими известными уроженцами, внесшими значительный вклад в

ПРЕДИСЛОВИЕ

религиозную жизнь народа. Достаточно упомянуть династию имама Ихсана бине Гумара бине Кадырмета бине Саида бине Ирмана бине Исанкола аль-Мамсави, представители которой были муллами в деревнях Бурбаш и Мазарбаш. Они успешно руководили крупными медресе и оставили после себя многочисленных учеников и последователей.

Однако наибольшую славу этому краю принесли мусульманские школы в деревнях Старый Ашит и Ташкичу, в которых трудились дед и отец Шигабутдина Марджани. Несмотря на то, что выдающийся мыслитель родился в деревне Ябынчы (по-русски – Епанчино; ныне Атнинский район РТ), становление его личности связано с регионом Мамсинской волости. Его дед по материнской линии Габденасир бине Сейфульмулюк в 1792–1834 годах исполнял обязанности духовного наставника в Старом Ашите и обучил множество шакирдов. В 1821 году отец Ш.Марджани – Багаутдин хазрат перевелся из мечети Ябынчы в приход деревни Ташкичу, где также основал большое медресе. Именно с Ташкичу связаны первые яркие жизненные впечатления Шигабутдина. Здесь он начал осваивать науки, приобрел друзей, не раз становился безоговорочным батыром сабантуев. И сегодня память об этом времени хранит прекрасная каменная мечеть, построенная в 1819 году фабрикантами из соседней деревни Нижняя Ура Хозясеитовыми.

Проследив прошлое татарских аулов на протяжении трехсот лет, можно сделать вывод о неисчерпаемом творческом и созидательном потенциале села. Речь идет о неукротимом поступательном развитии, несмотря на постоянные трудности и драматические коллизии истории. В XIX – начале XX века деревенское Заказанье можно было с полным правом назвать землей процветания и очагом национальной культуры. Пять деревень двух небольших волостей Казанского уезда дали татарскому миру выдающегося мыслителя Шигабутдина Марджани, литератора и публициста Гарая Хасани, талантливого писателя Махмуда Галяу, журналиста Закарию Садретдинова и многих других деятелей светской и духовной культуры. И это – безусловный исторический феномен.

Р.Р.Салихов

доктор исторических наук, академик АН РТ

ГЛАВА I

Ранняя история селений Ашитского джиена

Заселение края

Р.Р.Салихов

Понятие «Заказанье» имеет два толкования: географическое и этнографическое. Первое означает довольно обширный район Среднего Поволжья – территорию Татарстана к северу от Камы между Волгой и Вяткой. В географической литературе оно известно под названием «Западное Предкамье» (в отличие от «Восточного Предкамья» – к востоку от Вятки). Однако «Заказанье» – это не только чисто географическое название: история, язык и традиционная этнография основного, татарского населения этого района, несмотря на наличие отдельных местных различий, рассматриваются как единое целое.

При всем этом имеется центр данной территории, который включает в себя земли в бассейнах Казанки и Ашита в пределах современных Арского, Атнинского и Высокогорского районов Республики Татарстан. По-другому его называют «Белой стороной» («Ак як»). Это и есть Заказанье в классическом понятии, воспетое в песнях и поэмах, центр бывшего Казанского ханства, район распространения классических форм этнографии и искусства казанских татар.

Северные районы Заказанья были издавна населены людьми. Свидетельством тому являются археологические находки вблизи дер. Старый Ашит Арского района. В 1956 году на правом берегу р. Ашит были обнаружены фрагменты лепной посуды с примесью дресвы и шамота в глиняном тесте, характерной для племен, населявших Среднее Поволжье в 1-й половине 1 тысячелетия н.э. В 2006 году отрядом Института истории им. Ш.Марджани АН РТ на краю надпойменной террасы р. Ашит был найден фрагмент прикамско-приуральской керамики с толченой раковинной в тесте, отли-

чающей материальную культуру прикамско-приуральских и поволжских финнов VIII–IX веков¹.

Другое дело, что подобных свидетельств немного, поскольку население края было малочисленным, а основным его занятием являлись охота и рыболовство. Объектом исследований для археологов, как правило, являются земледельческие оседлые цивилизации, оставляющие после себя множество предметов материальной культуры. Северное Заказанье же долгое время оставалось зоной сплошных лесных пространств, разрезанных реками и оврагами, а потому не очень привлекательных для земледельцев. Как показывает исторический опыт, такие территории начинают включаться в хозяйственный оборот, когда этого требуют определенные политические или экономические обстоятельства.

По мнению известного историка Р.Г.Фахрутдинова, северные лесные районы по бассейнам Казанки и Ашита начали осваиваться булгарами в конце XII века². Именно в этот период Волжская Булгария находилась на пике политического и экономического могущества, и активно расширяла свои владения. Остатки первых булгарских селений в Заказанье обнаружены и обследованы возле современных деревень Бужа, Чурилино, Средняя Серда, Сосновка и Уньба Арского и Высокогорского районов. Примерно с конца XIII века булгары понемногу осваивают территории в бассейне реки Ашит. Свидетельство тому – несколько кладбищ с эпитафиями первой половины XIV века. Массовое освоение Заказанья произошло еще позже, во второй половине XIV столетия. В это время приходят в упадок и прекращают существование ряд городских центров Закамья, доживали свой век Болгар, Биляр, Джукетау. Люди уходили на север, покидая обжитые места. Сосредоточием массового булгарского населения стало Заказанье с новым политическим, эконо-

---

¹ Свод археологических памятников Арского района // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С.121.

² Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С.189.

мическим и культурным центром – Казанью. Возникло Казанское княжество – предшественник будущего Казанского ханства.

Освоение булгарами Заказанья подтверждается археологическими и эпиграфическими памятниками. Каменных надгробий второй половины XIV века сохранилось немного, буквально единичные экземпляры: эпитафии 1357 и 1399 годов вблизи дер. Нырсы (Тюлячинский р-н), эпитафия 1382 года на кладбище дер. Ямашурма (Высокогорский р-н). Это явление объясняется определенной деградацией болгарской культуры, связанной с вышеотмеченными политическими и экономическими затруднениями. Уже во второй половине XV века, т.е. в начальный период Казанского ханства, традиция установления надгробий постепенно возобновлялась и полностью восстановилась в первой половине XVI века – в развитый период существования этого государства.

Заселение предками современных татар Заказанья подтверждается и письменными источниками, а также произведениями народного фольклора. Летопись «Давтар-и Чингиз-намэ», «Таварихи Булгария» Хисамутдина, многочисленные легенды и предания ярко свидетельствуют о построении Казани (Иски-Казани) выходцами из города Булгар во главе с болгарскими царевичами.

Многие княжеские фамилии булгар нашли новую родину в Заказанье. В «Таварихи Булгария» перечисляются имена князей и шейхов XIV века, выходцев из Булгара, доживавших свой век на землях в бассейнах Казанки и Шошмы: Иштиряк сын Байтиряка, Адель сын Абдуллы, Зульмухаммед сын Мухаремма, Тазетдин сын Хаджи-Армали, Хасан-Шаих сын Кадыра, Балтач сын Надира, Салуч сын Абайдана, Исмагил сын Абзана³. Именами некоторых этих князей и шейхов были названы отдельные деревни, существующие и в настоящее время: Хасаншаих, Балтаси, Салаусь, Смаиль.

Исследование родословных и исторических легенд показывает, что основателями деревень северного Заказанья, до 1920 года административно входивших в Мамсинскую и Больше-Менгерскую волости Казанского уезда, являлись татары, переселившиеся сюда из

---

³ Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С.191.

разных районов Среднего Поволжья в период Золотой Орды и более поздние исторические отрезки. По сохранившимся преданиям часть местных жителей являлись потомками людей, пришедших с Горной стороны⁴. Ученые отмечают в родовой структуре, языке и традиционной культуре местного населения заметные древнекипчакские включения, свидетельствующие о важной роли ногайско-кипчакского компонента в этногенезе татар региона.

Определенную роль в формировании облика жителей края сыграл и финно-угорский компонент. В бассейне рек Ашит и Шошма сохранилось большое количество топонимов и мест религиозного культа марийского происхождения. В легендах, бытующих в народе, татары выступают в роли пришлого элемента, вытеснившего автохтонное финно-угорское население дальше на север и частично ассимилировавшего его⁵. Так, со слов старожила дер. Новый Кинер Сафы Тухватуллина было записано предание о том, что дер. Старый Кинер⁶ основали два человека по имени Бигиш и Мокиш. Первый из них был *черемеш* (мариец), а второй *ар* (удмурт)⁷. В шеджере отдельных семей Заказанья также встречается информация о наличии у них «черемисских родов». Об этом, в частности, известному этнографу Н.И. Воробьеву рассказал мулла дер. Ташкичу Мукмин во время обследования в 1946–1948 годах селений Арского района ТАССР экспедицией ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова⁸.

Материальным свидетельством обитания финно-угров в Заказанье в бассейнах рек Ашит и Шошма, а также по правым притокам верхнего течения Казанки, являются «черемисские кладбища» («чирмеш зираты»). По мнению археолога Р.Г. Фахрутдинова, мно-

---

⁴ Өхмэтжанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрәлләре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012. Б.19.

⁵ ЦПиМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Ф.77. Оп.1. Д.34. Л.104–104 об.

⁶ Имеется в виду дер. Старый Кинер, выходцами из которой позднее был основан Новый Кинер.

⁷ Полевые материалы экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2017 год. Яна Кенәр авылы тарихы.

⁸ Абдулмукмин Садретдинов (1865–1956), сын Садретдина Багаутдинова (брата Ш.Марджани) (ЦПиМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Ф.77. Оп.1. Д.34. Л.102).

гие «черемисские кладбища» являются старыми, заброшенными кладбищами татарских деревень, свидетельствуя о смешении в прошлом казанских татар с частью марийского населения⁹. В 1980 году Марийский институт языка, литературы и истории (г. Йошкар-Ола) организовал специальную экспедицию в северные районы Татарстана для изучения «черемисских кладбищ». Были проведены археологические разведки в селениях Кубян, Дусюм, Кунгер, Кошар, Ташкичу, Ашитбаш и Семитбаш Арского района ТАССР¹⁰, и в четырех пунктах были выявлены остатки погребений, не характерные для мусульман. Особенности погребального обряда (глубокие могильные ямы, остатки гробовища, крестиков) свидетельствуют о христианском влиянии. Кроме того, на Кунгерском кладбище и кладбище дер. Ташкичу были обнаружены элементы, напоминающие языческий погребальный обряд: ориентация умерших на северо-запад, вытянутое вдоль костяка положение рук, наличие костей животных. Тем самым археологические материалы подтверждают достоверность фольклорных источников, в частности легенд, повествующих о проживании «черемис» в бассейнах рек Ашит и Шошма¹¹. Наличие же в захоронениях русских монет XVIII–XIX веков свидетельствует, что процесс этнического взаимодействия татар и марийцев был долгим и не ограничивался рамками XVII столетия, когда была основана большая часть татарских селений региона.

Не исключено, что пришлое татарское население, принесшее с собой собственную родовую структуру, впитывало и отдельные элементы марийской родовой организации, по крайней мере, память об общности происхождения жителей отдельных деревень. О тесном общении татар и марийцев свидетельствует тот факт, что жители Старого и Нового Ашита во время проведения больших празд-

---

⁹ Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С.193.

¹⁰ Ныне деревни Кубян, Дусюм и Кунгер находятся в Атнинском районе РТ.

¹¹ Дроздова Г.И. О позднесредневековых «черемисских» кладбищах на территории Арского района РТ // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С.93.

ников специально приглашали на них марийцев-язычников из соседних деревень¹².

Научные изыскания последнего времени позволяют утверждать, что татарские селения на территории будущих Мамсинской и Больше-Менгерской волостей начали формироваться в конце XVI – XVII веках. Все они так или иначе были связаны общим происхождением и вели свое начало от аулов, существовавших еще в период Казанского ханства, от родов и династий, известных еще с золотоордынской эпохи. Народные предания связывают их с древними деревнями, входившими в состав Алатского княжества, а также населенными пунктами, относившимися к владениям казанских ханов и высшей знати татарского государства: Нижняя Береска, Кошар, Старый и Большой Менгер. От двух последних происходила дер. Старый Ашит. Это один из самых древних населенных пунктов Заказанья. На местном кладбище сохранились надгробия середины XIV века, а также периода Казанского ханства. Однако говорить о преемственности средневекового села и современного населенного пункта пока нет достаточных оснований. Ш.Марджани указывал, что аул на протяжении своей истории 4 раза менял местоположение. В последний раз это произошло, скорее всего, после взятия Казани, когда довольно большая группа татарского населения обосновалась на опустевших землях некоего татарского селения времен ханства, в результате чего появилось ясачное село с названием «Ашит пустоши Шатуловской (Шакуловской)».

Легендарным основателем деревни считается человек по имени Шахкул. Кем он был – беком, мурзой или духовным деятелем, принадлежали ли жители Старого Ашита к его роду или относились к совершенно другому племенному объединению, пока точно установить невозможно. Однако, по легенде, именно он основал Старый Ашит, поселившись, предположительно, в начале XVII века на «пустое» место у древнего татарского кладбища с памятниками золотоордынской эпохи «Иске йорт өсте зираты» в 1 км к югу от современной деревни. Ш.Марджани писал, что рядом с ней протекала речка Ша-

---

¹² Эсливанов В. Отчет епархиального миссионера Казанской епархии за 1914 г. // Известия по Казанской епархии. 1915. №45. С.1191.

кул¹³. Так что пустошь могла быть названа и по старинному гидрониму, связанному с личностью еще золотоордынской эпохи.

На наш взгляд, основное население аула своим происхождением, вероятно, было обязано крымской и касимовской татарской знати, проживавшей в деревнях Менгер и Починок Шигалеевский, в первую очередь, родовому клану «Хасан-Хусаина». Такое предположение высказывает, в частности, известный исследователь татарских шаджаре М.И.Ахметзянов, который предполагает определенное родство деревень Старый Менгер, Тазлар (ныне дер. Таш-Чишма Арского р-на) и Старый Ашит¹⁴. Причем Ашит, скорее всего, был основан в конце XVI – начале XVII века выходцами из Менгера. С этого времени вплоть до середины XVIII века деревня являлась ясачной. Основными занятиями ее жителей были земледелие и торговля. Уже в ранний период своей истории Старый Ашит отличался большим количеством жителей, что в середине XVII столетия вызвало миграцию ряда родов деревни на новое место и основание широко известного ныне аула Ташкичу. Ш.Марджани считал, что эта деревня возникла в 1717 году благодаря переселению многочисленной семьи некоего Туйхужи бине Туйка¹⁵. Однако в переписной книге Алатской дороги 1679 года это село уже фигурирует. Кроме того, в ландратской книге 1716 года в деревне Худайкуловская пустошь (Ташкичу) значатся только сыновья Туйхужи в возрасте от 30 до 50 лет. Самого его уже нет в живых¹⁶. Значит, населенный пункт появился значительно раньше XVIII века. Ташкичу, так же как и Старый Ашит, была ясачной деревней, но очень зажиточной и предприимчивой.

---

¹³ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.228.

¹⁴ Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Т.1. Казан: ИЯЛИ, 2011. Б.322.

¹⁵ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.225–227.

¹⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.141. Л.174 об.–176 об.

Есть все основания считать родственными данным селам деревни Старый и Новый Кинер, а также дер. Мамся. Во всяком случае, легенды упорно связывают происхождение всех этих населенных пунктов. Известный этнограф Н.И. Воробьев во время полевых экспедиций записал следующую информацию: «Старожилы этого села говорят, что когда-то наши предки переехали в Старый Кинер из деревень Кубян, Береска, Берези, Азяк иле»¹⁷, т.е. из мест, входивших в зону влияния разгромленного в ходе Казанской войны 1552–1557 годов Алатского княжества, в непосредственной близости от деревень Кошар и Старый Менгер.

Вопрос происхождения деревень Старый и Новый Кинер в какой-то степени могло бы прояснить известное в литературе предание, согласно которому их основателем являлся некий Исанкол, пришедший сюда с сыновьями со стороны дер. Кошар¹⁸. Однако анализ ревизских сказок близлежащих служилых и ясачных деревень не дает достаточной уверенности в том, что именно Исанкол основал Старый Кинер. Следы его родословной, восходящие к сыновьям Ирману и Бикею, напрямую относятся только к ясачной деревне Мамся¹⁹.

Очевидно лишь то, что татарское население Старого Кинера в этот период активно подсеялось к уже существовавшей финно-угорской, вероятно сильно тюркизированной деревне. По материалам начала XVIII века, она состояла из двух частей: собственно селения Шинер-Кинер, где, по видимости, жили потомки коренных ясачных чувашей, и «Починка по речке Шинер», в котором обосновались татарские семьи, также платившие в тот период ясак. Их родословные в большинстве своем прослеживаются в позднейшей истории Старого и Нового Кинера²⁰.

Среди коренных жителей Шинер-Кинера, потомки которых уже не фигурируют в переписях второй половины XVIII века, были сы-

---

¹⁷ ЦПИМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Ф.77. Оп.1. Д.34. Л.21.

¹⁸ Татар халык ижаты. Риваятләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б.161.

¹⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.141. Л.131 об.–133 об., 140 об.–143.

²⁰ Там же. Л.178 об.–184.

новья неких Темеша, Болтая, Моктея и других крестьян, имена которых близки марийским. В начале этого столетия исламизация, судя по имянаречению, была на начальном этапе своего развития. Практически все жители, за редким исключением, получали имена в соответствии с тюркской традицией. В Починке по речке Шинер имела место аналогичная ситуация. Здесь также наблюдалась смешанная картина, характеризовавшая совместную жизнь мусульманского и полуязыческого населения. Однако именно этот небольшой населенный пункт, в который постоянно вливались татары, обладавшие, вероятно, определенными ресурсами, имел тенденцию к расширению и вскоре фактически слился с Шинер-Кинером. Из числа новых членов общины, не связанных происхождением ни с этой деревней, ни с починком, были семьи Кулаша Кутлина, Муслима Ермакова, Аита Муштариева, Асана Алакаева, Сеита Хайбуллина и многих других. По нашим приблизительным подсчетам, пришлые татары в середине XVIII века составляли здесь 50% всех родов. Причем Кулаш Кутлин и его сын Ермак, например, являлись духовными лидерами аула. Последний был женат на внучке знаменитого хазрата Юнуса бин Ивана из дер. Ура (ныне с. Нижняя Ура Арского р-на), а потомки от этого брака еще долгое время занимались религиозным наставничеством²¹. Вполне возможно, что Кулаш Кутлин мог принадлежать к клану арских князей, проживавших в дер. Ура. Были в Старом Ашите и относительно состоятельные люди, которые содержали двух жен, роднились с богатыми семьями князей и мурз из соседних аулов: Большой и Старый Менгер, Ура, Карадуван, Кшкар и др. Среди них Биктемир Назыров, Назир Елаев, Ертук Алкин и др.

Следует отметить следующее обстоятельство. Укоренившееся в литературе представление о том, что татарские деревни, именуемые в документах второй половины XVIII века как служилые, были населены потомками татарской знати, а ясачные села – податными людьми, являвшимися таковыми еще в период Казанского ханства, нуждается в существенных оговорках. Действительно, по Алатской дороге, например, в сравнительно небольшом количестве

---

²¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.806–819.

аулов проживали представители древних княжеских и мурзинских родов, чье высокое происхождение, в большинстве случаев за лояльность и военные заслуги, подтвердила и новая русская администрация края. Феодалы этих деревень имели собственных крепостных крестьян и официально числились в служилом сословии. Среди таких населенных пунктов можно назвать такие исторические селения, как Ура, Старый и Большой Менгер, Кошар, Кшкар, Морзабаш, Каенсар, Айшияз и ряд других.

В то же время значительное количество служилых татарских сел, в середине XVIII века числившихся за Адмиралтейством, еще в начале столетия являлись ясачными. Среди них были такие аулы, как Старый Ашит, Старый Узюм, Починок Шигалеев, Старый Кинер, Большие Вережи, Большая Серда, Кичкинешево и многие другие. Известно, что основателями и жителями ряда таких сел являлись представители знатных династий, известных еще с периода Казанского ханства.

Например, в Старом Ашите проживали потомки рода тархана Хасан-Хусаина, в Починке Шигалеев – потомки близкого окружения Шах-Али хана, в Старом Узюме – потомки духовного сословия ханского времени, в Больших Вережах – выходцы из высших слоев Алатского княжества и т.д. Таким образом, уплата ясака населением этих деревень не означала автоматического нахождения его в податном сословии средневекового татарского государства. Скорее всего, новый социальный статус, исключавший какие-либо привилегии, жители данных населенных пунктов получили после вхождения в состав Русского государства. Причины этого явления могли быть разными, но главным фактором, вероятно, стал отказ части элиты бывшего ханства от сотрудничества с новыми властями, либо активное сопротивление в период казанских войн.

После издания Указа 1748 года, когда инородцы, перешедшие в православие, получили возможность освободиться от корабельных работ²², нехватка рабочих рук стала компенсироваться татарскими ясачными крестьянами, которые в течение нескольких лет были пе-

---

²² Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве XVI–XVIII вв. Казань, 2002. С.142–143.

реведены в служилое сословие, с возложением на них лашманской повинности. При этом ряд деревень продолжали платить ясак. Это относится, например, к таким селениям, как Тазлар, Мамся, Ташкичу и другим, имевшим тесные родственные связи со служилыми аулами Старый Менгер, Кошар, Старый Ашит. На наш взгляд, в период массовой приписки деревень к корабельным работам, ясачными оставались те села, в которых была стабильная и достаточно высокая выплата ясака и не очень большое количество беглых крестьян. То есть учитывалась «специализация» того или иного аула: сугубо земледельческие оставались ясачными, а те, где работа на земле не давала требуемого результата и где население было склонно к скотоводству, торговле, отхожим промыслам и миграции, причислялись к Адмиралтейству.

К таким деревням относился и Старый Кинер, как мы уже отмечали, состоявший в начале XVIII века из двух частей: собственно деревни Шинер-Кинер, существовавшей, вероятно, в период Казанского ханства и Починка на речке Шинер, возникшего во второй половине XVII столетия. Причем починок, имевший более позднее происхождение, населенный преимущественно татарскими крестьянами, в отличие от «ясашных чувашей» Шинер-Кинера, в дальнейшем составил «генетическую» основу села и, соответственно дер. Новый Кинер.

Размещение в Старом Кинере в течение сравнительно небольшого промежутка времени большого числа крестьян при ограниченности земельных угодий, вероятно, привело к серьезному социальному кризису, поиску новых территорий для хозяйственного освоения. Свободная земля была найдена в 5 км к северо-востоку от Старого Кинера на берегах речки Мамси – небольшом притоке реки Ашит. Именно сюда в период между 2-й и 3-й государственными ревизиями (1747–1762 гг.) в массовом порядке стали переселяться жители Старого Кинера, положив тем самым начало «Новопоселенному починку по речке Мамсе» или Новому Кинеру. В этот период из Старого Кинера на новое место переселилась треть всех семей деревни. Среди них преобладали молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет, мечтавшие о жизни в достатке и собственном участке зем-

ли²³. Следует отметить, что миграция старокинерских татар в новый «починок» вскоре приобрела лавинообразный характер: туда переместились представители всех родов Старого Кинера, что привело к резкому росту численности населения новой деревни.

Очевидно, здесь мы имеем дело с решением всей «старокинерской общины», своеобразным «договором», необходимость которого была вызвана острейшим земельным вопросом, реальной опасностью как внутриобщинных, так и внутрисемейных конфликтов. Возможно, основатели Нового Кинера, его первые поселенцы выполняли волю авторитетных старейшин Старого Кинера, отправивших их на поиски другого места обитания. Во всяком случае, на это указывает легенда, косвенно связанная с возникновением селения.

Показательно и то, что возникновение «Новопоселенного починка по речке Мамсе» совпало с переводом в служилое сословие населения дер. Старый Кинер. Не исключено, что массовое переселение стало попыткой избежать тяжелейшей корабельной повинности, исчезнуть на какое-то время из поля зрения властей.

Выход из состава населенного пункта одновременно большого количества семей и последовавший за этим неминуемый разрыв традиционных связей, нарушение прежней кланово-родовой системы, жизненная необходимость создания на пустом месте нового села заложили основы для быстрого и энергичного роста молодой формирующейся общины Нового Кинера.

Не имея ярко выраженного лидера в лице помещика, поддерживаемого властями князя или мурзы, непрерываемого духовного авторитета, принадлежа к одному сословию, переселенцы стали создавать новую крестьянскую мусульманскую махаллю, свободную от ненужных ограничений и сковывающих традиций. Переселенцев объединяла одна цель – выжить на «целине», что было невозможно без определенного равноправия, взаимовыручки, инициативности, свободы действия. Эти качества и стали фактором развития небольшого на первых порах «починка», вынужденного из-за общего земельного надела вступить в тяжелую конкуренцию с родовым гнездом, дер. Старый Кинер, где уже сложились определен-

---

²³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.820–825.

ная иерархия семей, влиятельная религиозная власть, свои каноны поведения.

Н.И. Воробьев записал интересные свидетельства старожилов: «Первыми основателями Б.Кинера считают Бакия, Ягфара, Муканая и Бикмухамеда. С тех пор прошло 6–7 поколений. Раньше здесь были сплошные леса. Первые поселенцы свои дворы построили друг от друга на большом расстоянии: говорят, что вечером боялись посещать своих сельчан от изобилующих в то время в этих краях медведей и волков. Для построек и пашен землю очищали от лесов»²⁴. Произошло фактическое переселение жителей Старого Кинера на новое место.

Вообще данный аул, как и многие другие селения Заказанья в этот период, являлся одним из транзитных центров активных миграционных потоков, когда татарские крестьяне постоянно меняли место проживания, спасаясь от православных миссионеров, непомерных налогов и неурожаев. Судя по короткому историческому промежутку, в который из двух починков сформировалась одна деревня Шинер-Кинер, основное население которой затем перебралось в Починок по речке Мамся, мы имеем дело с крайне нестабильной социальной ситуацией, а также полукочевым образом жизни заказанских татар того времени. Поэтому в родовой дер. Шинер-Кинер остались лишь семьи, имевшие достаточно прочные общественные и экономические позиции. Однако их кажущаяся успешность не стала условием дальнейшего процветания селения, которое постепенно теряло темпы развития, значительно уступая с начала XIX столетия по росту населения и степени зажиточности Новому Кинеру.

Еще одно из интересующих нас селений северного Заказанья – дер. Мамся, судя по легендам, также имеет корни в землях Алатского княжества (ныне территория Атнинского и Высокогорского районов РТ). Она возникла и развивалась из двух небольших деревушек – Починка Байчуринского и Починка на речке Окше, возникновение которых также можно отнести ко второй половине XVII века.

Основателем аула стал Исанкол-бабай со своими многочисленными сыновьями. То, что народная молва, вопреки документальным

---

²⁴ ЦПИМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Ф.77. Оп.1. Д.34. Л.21.

свидетельствам, упорно связывает этого человека со Старым Кинером²⁵, может лишь означать наличие родственных уз, принадлежность к одному родоплеменному клану первых жителей Кинера и Мамси. Потомки Исанкула жили в обоих починках, хотя в Починке Байчуринском еще в начале XVIII века проживал сын его первооснователя Ибрай Байчурин²⁶. Кстати, от Исанкула происходит род знаменитых купцов Галикеевых. Впоследствии оба починка слились в один аул, который и получил название Мамся.

Таким образом, татарское заселение региона бывших Мамсинской и Больше-Менгерской волостей происходило в течение XVII–XVIII столетий. Основателями аулов стали представители древних родов, проживавших в период Казанского ханства в деревнях Кубян, Береска, Берези, Старый и Большой Менгер, Кошар. Миграция, по всей видимости, была обусловлена последствиями боевых действий на территории бывшего Алатского княжества, а также усилившимся миссионерским давлением.

Одним из убедительных подтверждений наличия общих исторических корней у деревень Старый Кинер, Новый Кинер, Ташкичу, Мамся и Старый Ашит является принадлежность к неофициальному объединению, известному как «Ашыт джиены²⁷» – «джиен Ашит». Джиены как форма родовых сообществ сложились у тюркотатар еще в древние времена. Они представляли собой общественно-территориальную единицу с определенными социально-историческими и культурно-бытовыми функциями²⁸.

В Волжской Булгарии и Казанском ханстве несколько соседних селений объединялись в джиенные округа. Они именовались по названию головного села, в котором проводились все общественно значимые мероприятия: сходы (собрания), советы старейшин, совместные празднества. От 3 до 20 джиенных округов составляли более крупные объединения, известные в научной литературе под названи-

---

²⁵ Татар халык ижаты. Риваятләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б.161.

²⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.573.

²⁷ От татарского *жыен* – собрание.

²⁸ Татарская энциклопедия. Т.2. Казань, 2005. С.276.

ем «конфедерации джиенных округов». Их отличала территориальная целостность, основанная на кровнородственных отношениях и тесных экономических связях. Большинство центров джиенных конфедераций совпадали с центрами феодальных округов.

По мнению известного татарского языковеда Н.Б. Бургановой, формирование татарских джиенных округов Заказанья началось в период Золотой Орды, когда данная территория начала активно колонизироваться тюрко-татарским населением. Родственные группы, занимая определенную территорию, как правило, в бассейне рек, селились в одной деревне. Постепенно, с ростом населения, эта группа распалась на новые родовые союзы. Так, «в результате постоянного отпочкования родственных групп и расселения их в близком соседстве образовывалось характерное для казанских татар гнездовое размещение деревень... и это нашло свое отражение в системе размещения джиенов (по долинам рек) и в связях джиенных округов внутри одной конфедерации»²⁹.

По мере изживания феодальной раздробленности, ускорившейся с падением Казанского ханства, а также быстрого развития товарно-денежных отношений, социально-организаторская функция джиенов постепенно утрачивалась, однако культурно-бытовая роль не только сохранялась, но и возрастала. В условиях дореволюционной российской действительности они выполняли своеобразную компенсаторную функцию, предоставляя татарскому населению отдушину от тягот повседневной жизни.

Реликты этой архаичной социальной организации сохранились у местных жителей в форме ежегодно проводившихся праздников Джиен. Существовали различные локальные варианты их проведения, связанные с особенностями расселения татар, их взаимодействия с другими этносами, влиянием христианизации и т.д. Классический сценарий джиенного праздника сложился именно в Заказанье, где значительно дольше сохранялись родственно-общинные отношения. Проводился он в весенне-летний период, с конца посевных

---

²⁹ Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар (исследование и положение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С.21.

работ до начала сенокоса. Деревни одного округа праздновали джиен в определенной очередности. В течение 3–5 дней устраивались семейные торжества с приемом гостей из соседних деревень, молодежные гулянья и вечерние игрища. Большая часть головных сел джиенных округов и конфедераций, куда ежегодно в определенные дни стекались народные массы для праздничного увеселения, превращались также в центры ярмарочной торговли. К празднику приурочивали свадебные церемонии и другие события, значимые для татарского населения.

Центром Ашитского джиена, известного как *Ашит каршысы* (крепость рода Ашит), *Катык жыены*, *Ашит иле* (Ашитская страна), являлось селение Старый Ашит³⁰. Тем самым выражался его «материнский» статус по отношению к деревням Старый Кинер, Новый Кинер, Ташкичу и Мамся. Наряду с ними в ашитскую джиенную конфедерацию входили также деревни Старый Тазлар (Таш-Чишма), Сюрда и Пичментау³¹.

Ежегодно в конце мая, числа 27-го, население окрестных деревень съезжалось в Старый Ашит, где на косогоре возле речки проводился *Ашит каршысы*, сопровождавшийся играми, прогулками, песнями и плясками. Местом же постоянного общения жителей джиенного округа являлся базар в том же Старом Ашите, проводившийся по четвергам и привлекавший торговцев и покупателей со всей округи. Именно на базаре происходил обмен последними новостями, завязывались деловые и человеческие контакты, порой перераставшие в родственные отношения. Поддержанию родственных, экономических и культурных связей между селениями Ашитского джиена не препятствовало то, что в административном плане Старый Ашит относился к Больше-Менгерской волости Казанского уезда, в то время как остальные селения – к Мамсинской волости.

Еще одним веским доказательством общности селений северного Заказанья является то, что их жители создавали семьи в основ-

---

³⁰ Бурганова Н.Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар (исследование и положение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С.29.

³¹ Там же. С.29.

ном в рамках своего джиенного округа. Если по каким-то причинам часть родственников переселялась на новые земли, часто весьма удаленные от родины, связи между ними не терялись и всячески поддерживались. Доказательством тому являются браки, заключенные между жителями этих деревень.

Одним из источников, позволяющих определить круг внешних связей и контактов жителей конкретных селений, являются метрические книги, в которых фиксировались все заключаемые брачные союзы с обязательным указанием места проживания брачующихся. Анализ метрических книг показывает, что основная масса браков заключалась между молодыми людьми одного региона, хотя имели место и специфические особенности. В некоторых деревнях предпочитали выбирать невесту из числа односельчан, в других же женились на девушках из соседних деревень. Подобный выбор был не случайным и является показателем ментальности, открытости или закрытости конкретного сельского общества.

Изучение метрических книг определенной деревни позволяет установить круг селений, между которыми существовали брачные и родственные связи. Жители населенных пунктов Ашитского джиена, помимо браков между собой, вступали в брачные союзы с жителями других деревень Мамсинской и Больше-Менгерской волостей, а также с жителями близлежащих деревень Кармышской и Арской волостей Казанского уезда. Прослеживаются также тесные контакты с деревнями Кунгер, Верхние Шаши, Катаймас, Служилая Ура, Кулларово Царевококшайского уезда, что объясняется территориальной близостью этих селений, расположенных в пешей доступности на правом берегу р. Ашит. Также по метрическим книгам установлена взаимосвязь деревень Ашитского джиена с татарскими селениями, ныне входящими в состав Республики Марий Эл (Параньга, Алашайка (Мазарбаш) и др.)³². Известно, что несколько имамов,

---

³² География семейно-брачных отношений деревень Мамся, Старый Ашит, Ташкичу, Новый Кинер и Старый Кинер по состоянию на конец XIX – начало XX веков отражена на картах, в основу которых легли материалы, собранные и предоставленные Э.К. Салаховой (см. цветную вклейку; разработка карт В.Р. Тихоновой).

вышедших из названных деревень, служили в татарских аулах Мамсинской волости еще до того, как ввели институт указных мулл. Это тоже указывает на связи, сложившиеся в давние времена.

Подтверждением тесных контактов жителей Ашитского джиена с Марийским краем является документ «Вақыфнама»³³, посредством которого известный купец дер. Старый Ашит Тухватулла Гайнуллович Хасанов оформил в виде вакуфа средства, предназначенные для постройки и содержания мечетей и мектебе. Среди деревень нынешнего Арского и Сабинского районов РТ (Старый Ашит, Нижняя Ура, Кзыл-Яр, Ашитбаш, Наласа, Хасаншаих, Нижний Утар) в документе упоминается татарская деревня Иске Авыл, ныне дер. Тоштоял Мари-Турекского района Республики Марий Эл.

С проникновением капиталистических отношений в деревню родственный фактор в географии брачных отношений стал постепенно вытесняться экономическим фактором. В селениях, в которых были развиты ремесло, предпринимательство и торговля, жители предпочитали родниться с представителями схожих по образу жизни населенных пунктов. Например, в дер. Новый Кинер часто заключались брачные контакты с уроженцами дер. Служилая Ура (по метрическим книгам «Байлар Орысы» – Богатая Ура), где население также занималось предпринимательством. Отражением новой экономической реальности можно считать появление в конце XIX – начале XX века в селениях Ашитского джиена (преимущественно в Новом Кинере) браков, обе стороны которых официально являлись жителями других деревень. Скорее всего, это были люди, работавшие в Новом Кинере по найму и осевшие здесь на долгое время.

В этот же период в метрических книгах Нового Кинера, Ташкичу и Старого Ашита регистрируются браки местных девушек с мещанами городов Астрахань, Орск, Оренбург и Ташкент. Такое расширение географии брачных контактов свидетельствует о постепенном ослаблении родовых отношений в селениях северного Заказанья и о все большей степени открытости их населения для внешнего мира.

---

³³ См. Приложение №9.

**Селения Ашитского джиена в русских
письменных источниках XVI–XVII столетий**

А.И. Ногманов

Одной из ключевых проблем в изучении истории Заказанья является история заселения края. К сожалению, имеющаяся источниковая база не дает возможности восстановить в деталях особенности этого процесса. Подавляющая часть татарских письменных источников эпохи Казанского ханства оказалась безвозвратно утрачена. Археологические исследования региона носили в основном разведочный характер. Изучение эпитафических памятников на сегодняшний день находится в стадии выявления и фиксации сохранившихся объектов. В данной ситуации особое значение приобретают русские письменные источники XVI–XVII столетий, позволяющие в какой-то степени восполнить имеющиеся лакуны. Среди них важное место занимают материалы писцовых описаний. Они не имеют себе равных при изучении географии края в прошлом, истории населенных пунктов, их локализации и типов, при составлении родословий. Сведения, содержащиеся в них, могут быть использованы и для выяснения вопросов этнодемографического и культурно-исторического характера.

Самым ранним из известных описаний земель и населения Заказанья является Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Упоминание населенного пункта в данном источнике позволяет с большей долей вероятности отнести время его основания к эпохе Казанского ханства. В первую очередь, это касается татарских селений. Однако не стоит искать в писцовом описании упоминаний о населенных пунктах северной части Заказанья, входивших позднее в состав Мамсинской и Больше-Менгерской волостей. Помимо того, что многие селения еще просто не были основаны, они изначально не могли попасть в интересующий нас источник. Дело в том, что каждой из землеустроительных акций в России, а писцовые описания, безусловно, относились к их числу, были присущи свои особенности. Они проявлялись в выборе объекта и конкретной цели описания, в хронологических рамках его проведе-

ния, составе привлеченных к его осуществлению лиц и т.д. Ни одна из уцелевших писцовых книг в Казанском крае не претендует на охват всей территории региона.

Как указывает Д.А. Мустафина, подготовившая к изданию писцовое описание 1565–1568 годов, оно охватило в Казанском уезде дворцовые, церковно-монастырские и русские частновладельческие земли³⁴. Земель, принадлежавших служилым и ясачным людям из числа нерусского населения, описание не коснулось. Таким образом, селения, расположенные на территории Мамсинской и Больше-Менгерской волостей, не могли быть отражены в указанном источнике уже по той причине, что являлись территорией компактного расселения татар и марийцев. Кроме того, северная граница описания проходила на уровне дороги Казань – Арск и лишь в отдельных случаях захватывала местности к северу от нее. Основной пласт селений, упомянутых в писцовом описании, локализуется в южной части современного Высокогорского района, а также в Лаишевском и Пестречинском районах РТ.

В сложившейся ситуации фактически первым документальным источником, охватившим земли Казанского уезда с нерусским служилым и ясачным населением, является «Писцовая книга Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина», составленная в 1602–1603 годах³⁵. Она включает в себя описания селений, лежавших по Ногайской, Зюрейской, Арской, Галицкой и Алатской дорогам.

Примечательной чертой писцовой книги является скрупулезно и четко сделанное межевание и точный подсчет земельных владений. Это дает основание считать книгу одним из основных источников по истории социально-экономических отношений в Среднем Поволжье конца XVI – начала XVII веков. Не случайно Е.И. Чернышев писал: «В писцовой книге И. Болтина лучше, чем в каком-

---

³⁴ Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: публикация текста / Казан. гос. ун-т; изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2006. С.3.

³⁵ Писцовая книга Казанского уезда. 1602–1603 годов: Публикация текста. 1978. С.5.

либо другом документе этого времени, освещается положение татарских ясачников»³⁶.

Помимо прочих достоинств ценность данного издания заключается в том, что, кроме результатов «полевого» обследования, она базируется на большом круге конкретных документальных источников 1560–1590-х годов, не дошедших до наших дней³⁷. Тем самым, имеется возможность реконструировать некоторые детали земельного переустройства на территории Заказанья, происходившего в первые десятилетия после падения Казанского ханства.

Писцовая книга дает нам немало конкретных примеров и отголосков выселения татарских феодалов со своих земель. Так, нередко, говоря о земле, составители книги вспоминают, что эти владения в прошлом числились за тем или иным татарским крупным феодалом³⁸. О массовом процессе выселения нерусского населения и отторжения земель свидетельствует и большое количество «пустошей», которое мы встречаем в писцовой книге. Появившиеся в 1550–1570-е годы пустоши еще сохранялись в начале XVII столетия или только-только были вновь введены в хозяйственный оборот. Писцовая книга часто отмечает наличие пустошей или только недавно возникших на них деревень.

Вытесненные со своих земель татары, прежде всего представители феодальной верхушки, были вынуждены подыскивать себе новые места жительства. Одним из основных направлений их миграций стали земли в бассейне реки Ашит, в северной части Заказанья. Здесь образовывались новые *выставки*, *заимки*, *починки*, названия которых часто повторяют наименования деревень выселения. Переселения шли и в уже существующие деревни.

---

³⁶ Чернышев Н.И. Татарская деревня второй половины XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. г. Рига: Изд. АН Латв. ССР. 1963. С.180–181.

³⁷ Перечень их см.: Писцовая книга Казанского уезда. 1602–1603 годов: Публикация текста. 1978. С.7.

³⁸ Писцовая книга Казанского уезда. 1602–1603 годов: Публикация текста. 1978. С.61, 116.

В административном отношении эти населенные пункты были причислены к Алатской дороге Казанского уезда. Из селений, входивших позднее в Больше-Менгерскую волость, в писцовой книге 1602–1603 годов упоминается дер. Кошар, являвшаяся владением князя Багиша Яушева³⁹. Ему же принадлежала половина дер. Старый Менгер, другой частью которой владел служилый татарин Исей Утеев⁴⁰. Наряду с этими двумя селениями в источнике упоминается дер. Большой Менгер, населенная служилыми татарами и «ясашною чювашею»⁴¹. Примечательно, что небольшой участок спорной земли в этой деревне (15 четвертей⁴² в трех полях⁴³), на который претендовали и те и другие, был отписан «на государя до государеву указу»⁴⁴. То есть царская администрация контролировала ситуацию в данной части Заказанья и была в курсе происходивших здесь событий, включая земельные споры.

Однако пределы административного контроля, надо полагать, находились в прямой зависимости от границ оседлости населения. Деревня Кошар являлась самым северным из селений Алатской дороги, упомянутых в писцовой книге 1602–1603 годов. Населенные пункты будущей Мамсинской волости в ней вообще не фигурируют. Это может быть следствием специфики самого источника, который описывал конкретную территорию, и северные регионы Заказанья туда просто не попали. Однако более вероятным объяснением является то, что земли севернее дер. Кошар еще не были ос-

---

³⁹ Писцовая книга Казанского уезда. 1602–1603 годов: Публикация текста. 1978. С.153.

⁴⁰ Там же. С.164.

⁴¹ Там же. С.181.

⁴² Четверть – мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер. 1 четверть равнялась 0,5 дес. или 1200 квадратных сажений. В пересчете на современные меры площади – 0,54627 га.

⁴³ Пожалование поместными наделами в XVII столетии опиралось на применявшуюся в крестьянском хозяйстве систему трехполя, при которой при севообороте чередовались пар, озимые и яровые культуры. Соответственно, каждый земельный надел состоял из трех частей (полей).

⁴⁴ Там же. С.201–202.

воены. Писцовое описание 1602–1603 годов, как и любое другое описание, преследовало сугубо практические цели – разграничение земельных владений и учет населения для определения потенциальных налогоплательщиков. Если бы к северу от дер. Кошар существовали другие деревни, этот факт, несомненно, стал бы известен И.Болтину, и эти селения, вместе с населявшими их людьми, также подверглись бы описанию.

Анализ имеющихся документальных источников показывает, что начало XVII столетия стало своеобразным рубежом в освоении северных районов Заказанья. И есть все основания считать, что именно писцовое описание 1602–1603 годов дало толчок к заселению земель в бассейне р. Ашит, поскольку четко обозначило границы уже заселенной территории и районы, пригодные для массовых земельных раздач.

То, что эти раздачи уже вскоре последовали, и охватили, в том числе, территорию будущей Мамсинской волости, свидетельствуют документы, связанные с дер. Пичментау Арского района РТ. Это одно из наиболее ранних по времени основания селений Мамсинской волости, возникшее не позднее начала XVII столетия. В дореволюционных источниках оно, как правило, фигурирует под названием Старая Сердобряжка, однако в ходу были и другие наименования. Например, в дозорных книгах Юрия Змеева, датированных 1614 годом, селение фигурирует как «починок на пустоши за Ашитом по обе стороны Сердю-вражка»⁴⁵. Понятие «починок» в то время означало недавно возникший населенный пункт. О молодости селения говорит и тот факт, что на момент переписи в нем было всего «два двора ясашных». В то же время определение «починок на пустоши» означает, что населенный пункт возник на месте другого селения, по каким-то причинам покинутого жителями (запустевшего). В преданиях, бытующих в данной части Арского района, неизменно упоминаются марийцы как первые жители этих мест. В связи с чем, можно предположить, что марийское

---

⁴⁵ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. II. Саранск, 1950. С. 25.

поселение на месте дер. Пичментау могло запустеть в результате третьей черемисской войны 1581–1585 годов⁴⁶, вызвавшей значительные миграции марийского населения, или даже раньше.

Жителями «починка на пустоши за Ашитом» были «ясашные чюваши». Следует отметить, что в реалиях XVI–XVII вв. понятие «чюваши» указывало не на этническую, а на социальную принадлежность. Так называлось тяглое население Казанского края, платившее ясак государству за право пользования землей. В Заказанье под «чювашиами» подразумевались ясачные татары, а на правом берегу Волги, в так называемой Горной стороне, ими могли быть как татары, так и этнические чуваша. Своеобразным социальным противовесом «ясашным чювашиам» являлись «служилые татары», которые ясака не платили и наделялись землей взамен воинской (реже дипломатической) службы. Между этими двумя категориями постоянно возникали земельные споры, инициаторами которых в большинстве случаев являлись служилые татары.

Один из таких конфликтов, тянувшихся многие годы, имел место в дер. Пичментау и был связан со служилыми татарами Сабакаевыми. На разных стадиях земельных споров в них втягивались жители окрестных селений. Благодаря этому, в частности, в документальных источниках впервые упоминаются дер. Старый Кинер и еще целый ряд селений Заказанья. Родоначальником рода Сабакаевых, который обосновался в дер. Пичментау, был служилый татарин Сабакай Ногаев. В 1616 году ему были пожалованы поместья

---

⁴⁶ Третья черемисская война – вооруженное выступление марийского народа против политики царских властей. Началось в 1581 году. Вместе с марийцами в восстании участвовали чуваша, мордва и татары. На подавление восстания были отправлены войска под общим командованием воеводы Ивана Мстиславского. Были проведены карательные операции, а также были возведены крепости Козьмодемьянск, Царевкокшайск, Царевосанчурск. В 1584 году состоялся последний зимний поход царских войск. Весной 1585 года марийцы «били челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси», прося мира. Они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Следствием восстания стал запрет марийцам заниматься кузнечным делом, селиться в городах и оставаться в них на ночлег. Они были выселены с берегов крупных рек, в том числе с Вятки.

наделы в деревнях Узюм, Чюваш, Пустошь Азияс, Пустошь Хозяшевская, прежним владельцем которых был служилый татарин Чемейко Ишеев. Сам Ишеев получил их в 1612 г., однако в 1616 г. был обвинен в «измене», т.е. и выслан в Москву. Возможно, под «изменной» подразумевалось участие в восстании 1615–1616 гг. под предводительством Е.Шугурова. Поместья Ишеева были конфискованы и переданы С.Ногаеву, скорее всего, за отличие в подавлении упомянутого восстания.

В 1627 г. Ногаев увеличил свои владения за счет земель, пожалованных ему в «Починке Сюрда», – еще одном старинном названии дер. Пичментау. Общий размер земельных владений в селении составил 210 четвертей (по 70 четвертей в трех полях). В 1634 году, вероятно, уже после смерти Сабакая Ногаева, поместья были переданы его пятерым сыновьям: Кебяку, Кубяку, Уразмаету, Келмаету и Абдулу Сабакаевым. Земли для «прокормления» им явно не хватало, поэтому братья попытались увеличить свои владения за счет вытеснения из селения «ясашных чюваш». По свидетельству источников, на рубеже 1630–1640-х гг. они «выслали ис тое деревни «ясашную чювашу» Агишка Кудайбахтыева да Полатка Няпикова да Ятычка», захватив принадлежавшие тем пашенные ясачные земли и сенные покосы. Аналогичным образом они пытались выжить из Починка Сюрда «ясашного чюваша» Чемея Чепалева, который в 1642 году пожаловался в Казань на их противоправные действия.

Для разбирательства дела в Сюрду послали из Казани служилого человека Богдана Глухова, который должен был выяснить у жителей окрестных деревень: кому действительно принадлежала земля в данном селении, на каком основании Сабакаевы притесняли Чемея Чепалева, а до него других чювашей, а также насколько давно они владеют пашенной ясачной землей. Опросив в общей сложности 91 человека, Глухов выяснил, что земля в Починке Сюрда издавна была ясачная. Владели ею «ясашные чюваши» еще в Смутное время, в эпоху правления в Казани дьяка Никанора Шульгина, поэтому захват их земель Сабакаевыми был осуществлен незаконно. Незаконным было и то, что «чювашенина Чемейка Чепалева служилой татарин Кебечко Сабакаев з братьями ис Починка Сюрди вон высылают, жити ему, Чемейку, в том починке с собой вместе не велят».

Рассмотрев факты, собранные Б. Глуховым, казанские воеводы М.М. Темкин-Ростовский и С.Л. Хрущев приказали «чювашину Чремышку Чепаяву ясашною своею землею и санными покосы в починке по речке Сюрде владеть против дозорных книг Юрия Змеева 122-го (1614) году по прежнему»⁴⁷. Земельные же владения братьев Сабакаевых предписывалось привести к тем размерам, какие были определены в 1627 году при пожаловании их отца, т.е. 210 четвертей в 3 полях. Излишки, возникшие в результате насильственного изъятия земельных угодий у «ясашных чювашей», предписывалось «отписать на государя». В том же 1642 г. передел земли был осуществлен, и братьям Сабакаевым пришлось довольствоваться отцовским наделом, в распоряжении которым у них вскоре возникли внутрисемейные распри. 22 апреля 1643 г. Ко(у)бьяк и Уразмамет Сабакаевы «били челом государю», прося отмежевать их старшему брату Кебеку часть от общего владения. Объясняли они это тем, что Кебек Сабакаев, будучи «не верстан», не ездит в службу, но полностью распоряжается отцовским поместьем, запрещая братьям пахать пашню. В случае удовлетворения прошения младших братьев на долю Кебека из 70 четвертей совместного надела пришлось бы всего 14 четвертей.

Для разбора челобитной в «Починок Сюрду-вражка» направили казанца Ефима Скрыпицына⁴⁸. Когда в сопровождении свидетелей он прибыл в деревню, выяснилось, что Сабакаевы уже договорились между собой и заявили, что со своим «большим братом Кебеч-

---

⁴⁷ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. II. Саранск, 1950. С. 25.

⁴⁸ Сам Ефим Скрыпицын был служилым человеком. Служил из оклада в 300 четвертей, довольно значительного по тем временам. Известно, что в 1645 году он получил в поместье 25 четвертей земли в дер. Сия и, чтобы довести надел до положенного, обратился к властям с челобитной о пожаловании ему земель по р. Вятке, у озер Быз и Кушак, расположенных вблизи деревень Деуково, Люга и Ошторма (ныне Кукморский р-н РТ). Однако при разборе челобитной выяснилось, что на эти земли с 1622 года имели владенные грамоты «безьясачные чюваши» дер. Люга «Девучка Чермышов с товарищи // Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. II. Саранск, 1950. С. 100.

ком в том земляном деле мирны». Е.Скрыпицыну не оставалось ничего другого как в присутствии свидетелей измерить в селении поместную и ясачную землю, отмежевав их друг от друга. При этом обнаружили излишки в 80 четвертей земли сверх наделов, числящихся за Сабакаевыми и Ч.Чепаевым, которые были отписаны на «государя», т.е. в казну.

В описываемой ситуации для нас особенно важно то обстоятельство, что в связи с размежеванием земель в Починке Сюрда впервые в документальных источниках появляется упоминание об ясачной деревне Кинер (ныне дер. Старый Кинер Арского р-на), земли которой граничили с наделом «ясашного чувашина» Чемея Чепаева. Более того, до нас дошли имена жителей деревни, присутствовавших в качестве свидетелей при процедуре размежевания земель. Это были ясачные чуваша Чимбулатка Айгильдин, Кугушка Агышев, Акбулатко Аманлыков, Янмаматко Кусюков, Акбулатко Бигилдин, Тойгильдейко Агышев, Тохтарко Баишев, Янбайхтейко Амынлыков, Ишейко Тансарин и Ишейко Яметев. Результаты размежевания земельных наделов Е.Скрыпицын 5 мая 1643 года зафиксировал в особых «отдельных книгах»⁴⁹, оригинал которых хранится в Москве, в Российском государственном архиве древних актов⁵⁰.

Из этого источника и были заимствованы все вышеприведенные факты из ранней истории деревень Пичментгау и Старый Кинер. Они позволяют сделать предварительные выводы о времени основания этих селений, хотя и весьма условные. Так, можно со всей определенностью утверждать, что ясачная деревня Кинер (Старый Кинер), упоминаемая в отдельных книгах Е. Скрыпицына, возникла значительно раньше 1642–1643 годов. На это указывает тот факт, что в источнике она фигурирует как деревня, а не как Починок Кинер, что указывало бы на ее недавнее образование. На момент межевания селение уже было довольно большим. Каждый из 10 жителей деревни, выступавших в роли свидетелей при размежевании владений братьев Сабакаевых, вероятно, представлял отдельный

---

⁴⁹ Отдельные книги – в XVII столетии, специальные книги, в которых фиксировалась передача земель в руки конкретных владельцев.

⁵⁰ РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д.6481.

двор. Соответственно, дворов или ясаков (налогооблагаемых единиц) в деревне тоже было не менее 10.

Что касается дер. Пичментау, в отдельных книгах Е. Скрыпичина говорится, что она существовала уже в Смутное время при дьяке Никаноре Шульгине, который был фактическим правителем Казани в 1611–1613 годах. Дозорные книги Юрия Змеева 1614 года лишь документально подтвердили факт существования селения. Таким образом, есть все основания полагать, что дер. Пичментау образовалась в период между писцовым описанием 1602–1603 годов и 1611 годом.

Спустя десять лет после событий 1643 года деревни Пичментау и Старый Кинер встречаются в Писцовой книге Алатской дороги 1653 года С.Волынского. О дер. Пичментау в ней говорится следующее: «Деревня, что был починок Сюрдю Врашки, Псмен тож на речке Сюрдю за служилыми татарами в поместье за Кебечком да Кубячком да за Уразмаметком, да за Кельмаметком Сабакаевыми, да за племянники их родными за Абдулковыми детьми Сабакаева ж – за Иштеречком да Ишейком»⁵¹. Этот небольшой отрывок содержит в себе немало ценной информации. Из него можно сделать вывод, что дер. Пичментау по-прежнему оставалась в общем семейном владении Сабакаевых. Более того, число владельцев увеличилось, так как вместо умершего Абдула Сабакаева в их число вошли его сыновья Иштеряк и Ишей. Изменился и статус поселения: вместо починка оно стало именоваться деревней. Выражение же «Псмен тож» свидетельствует о том, что в обиход уже вошло название Пичментау, слегка искаженное русскими писцами. Из той же переписной книги 1653 года узнаем, что земли в размере 51 десятины, отписанные в 1643 году в казну у братьев Сабакаевых, по-прежнему оставались пустыми и граничили с одной стороны с пашенными полевыми землями ясачной деревни Кинер.

Отличительной чертой земельных споров в России было то, что они могли длиться десятилетиями. О новом витке многолетней тяжбы между служилыми татарами Сабакаевыми и их соседями,

---

⁵¹ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001. С.279–280.

«ясашными чувашами», сообщает книга «розыска» Василия Козлова «О земле спорной, у служилых татар, Кобяка Сабакова с братьями, и ясачных чуваш Чемека Чепая с товарищами, по Алатской дороге в деревне Сюрдю-Врашке», хранящаяся в РГАДА⁵². Из источника, датированного 1672 годом, следует, что ясачным татарам дер. Кинер во главе с Чемяком Чепаявым (к тому времени он уже числился не в дер. Сюрдю-Вражек, а в Кинере) удалось каким-то образом захватить часть поместья Сабакаевых. Возможно, это случилось во время нахождения братьев на военной службе.

Ясачные татары даже смогли узаконить захват земель, выдав их за вновь очищенные от леса участки. Отвод производил князь Борис Болховской, не заметивший подлога. Однако в 1672 году по жалобе Кобяка Собакаева в дер. Сюрдю-Вражек выехал казанец Василий Козлов. Он нашел очевидцев событий 1643 и 1653 годов, которые подтвердили, что вначале Ефим Скрыпицын, а затем Семен Волынский, отмежевали поместный надел братьев Сабакаевых в размере 210 четвертей в трех полях, от земель ясачных чувашей дер. Кинер. Участки были измерены заново, и земля, принадлежавшая Сабакаевым, возвращена владельцам. Таким образом, можно говорить о повторении ситуации 1643 года, только на этот раз в роли захватчиков земельных угодий выступили ясачные чуваша. Примечательно также, что спустя три десятилетия были живы основные действующие лица этой истории: Кобяк Собаков (Сабакаев) и Чемяк (Чемей) Чепаяв.

К сожалению, другие документальные источники, столь детально рисующие социально-экономическую жизнь селений Мамсинской и Больше-Менгерской волостей в XVII столетии, пока не обнаружены. Материалы же писцовых описаний обширных территорий, в частности, уже упоминавшаяся писцовая книга С.Волынского, не могут в полной мере заменить документы, посвященные конкретным селениям.

Писцовые описания дают некую стандартизированную картину реальной жизни, поскольку, следуя изначально заданным параметрам, описывают лишь те стороны жизни населения, в фиксации ко-

---

⁵² Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. II. Саранск, 1950. С. 130; РГАДА. Ф. Кн. №2. Л. 18–26.

торых было заинтересовано государство. Вместе с тем, только они дают наглядное представление о глобальных изменениях, происшедших в тех или иных регионах в разные отрезки времени. Сравнение писцовых описаний конкретных территорий, разделенных между собой несколькими десятилетиями, дает ценную информацию для анализа и умозаключений.

Описание селений Алатской дороги производилось С.Волынским в 1653 году. С описанием, произведенным И. Болтиным, их разделяет ровно столетие. За это время в северной части Заказанья, на территории будущих Мамсинской и Больше-Менгерской волостей, произошли большие изменения. Эти земли переживали стадию активного хозяйственно-экономического освоения. Появились новые селения, которые располагались не только на берегах рек, что было типично для прежних лет, но и на водоразделах. С другой стороны, шел процесс оживления пустошей и укрупнения уже существующих поселений.

Помимо известных по писцовой книге И. Болтина деревень Кошар, Старый Менгер и Новый Менгер на территории будущей Больше-Менгерской волости упоминаются: «деревня ново стала по речке Мокше», которая идентифицируется с современной деревней Мокша Арского района. Здесь же фигурируют «ясачная деревня Мендюш» (ныне дер. Мендюш) и «сельцо, что была пустошь Кишкар» (дер. Кшкар), принадлежавшее служилым татарам Янбаевым⁵³.

На территории будущей Мамсинской волости, упомянуты уже известные нам дер. Сюрдю-Врашка (Пичментау) и Кинер (Старый Кинер), другие населенные пункты не зафиксированы. В то же время в непосредственной близости от Пичментау, ниже по течению р. Ашит и на ее притоках появились деревни, не упоминавшиеся в писцовой книге 1602–1603 годов. К северо-западу возникла «деревня Уры на речке Уры», позднее носившая название Служилая Ура (ныне дер. Нижняя Ура Арского р-на РТ), помещиками которой являлись представители рода князей Хозесеитовых, а также служилые татары Мурзагильдей Маметев, Ямей Байсеитов, Кайбулат Кудеяров. Юго-западнее Пичментау образовались ясачные деревни Узюм

---

⁵³ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001. С.279.

и «Куллар Кискенешево тож» (ныне деревни Старый Узюм и Таш-Чишма Атнинского р-на РТ).

Может возникнуть вопрос – почему в писцовом описании С. Волынского, проходившем в 1653 году, не упомянуты селения к востоку и северо-востоку от Кинера, который выступает крайней северо-восточной точкой описания? Вероятнее всего, это связано с объектом описания. Задачей С. Волынского было дать объективную картину состояния служилого землевладения, как русского, так и татарского. В связи с этим в писцовой книге 1653 года учитывались лишь селения служилых татар. В северо-восточной части Заказанья граница распространения татарского служилого землевладения в начале 1650-х годов проходила по линии дер. Ура – дер. Сюрда-Вражек. Восточнее и севернее этих населенных пунктов селений служилых татар на тот момент еще не было.

Подобная направленность источника обусловила выборочный характер информации об ясачных селениях. В писцовой книге С. Волынского упоминаются лишь те деревни «ясачных чуваш», в которых имелись участки земли, принадлежавшие служилым татарам. Также переписчики были вынуждены учитывать ясачные селения, чьи жители имели земельные споры со служилыми татарами, как это было в случае дер. Кинер. Таким образом, на территории будущей Мамсинской волости уже могли существовать селения ясачных татар (в т.ч. Старый Ашит, Мамся и Ташкичу), но они по определению не попадали в описание 1653 года.

Логика развития событий показывает, что писцовое описание С. Волынского, проходившее в Казанском уезде в 1647–1656 годах, как и описание И. Болтина 1602–1603 годов, стало одним из важных факторов последующего хозяйственно-экономического освоения края. Изменения, происходившие во второй половине XVII столетия, получили отражение в писцовых книгах 1680-х годов. К сожалению, землемерные работы в трех из пяти даруг Казанского уезда не были проведены в полном объеме⁵⁴. В частности, на территории Алатской дороги писцы, работавшие в 1685 году под руководством

---

⁵⁴ Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2009. С.34.

стольника В.С. Большого Сытина и подъячего Н. Шепелева, описали лишь 21 селение в окрестностях Казани. Для сравнения, в начале 1650-х годов писец С. Вольнский с командой побывали в 153 жилых и пустых селениях⁵⁵. Таким образом, восстановить реальную картину процесса заселения территории Мамсинской и Больше-Менгерской волостей во второй половине XVII столетия чрезвычайно сложно, и проведение подобного исследования остается задачей на будущее.

Эпиграфические памятники селений Мамсинской и Больше-Менгерской волостей

А.М.Гайнутдинов

Немым свидетелем древней истории Заказанья являются эпиграфические памятники разных эпох, рассеянные по территории края. В условиях, когда основная масса средневековых татарских письменных источников оказалась утрачена, тексты эпитафий, сохранившихся на каменных надгробиях, приобретают особую ценность. Не случайно исследователи в разное время проявляли интерес к этим памятникам. Упоминания о камнях, выявленных на территории Заказанья, можно обнаружить в трудах А. Рахима, Г.Юсупова, Ф. Хакимзянова, М. Ахметзянова. Предметом их внимания в основном являлись памятники периода Золотой Орды и эпохи Казанского ханства. Вместе с тем значительное число арабографичных надгробий XIX – начала XX столетия до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Между тем, именно в этот период Заказанье переживало экономический и духовный подъем, дало татарскому народу целую плеяду блестящих предпринимателей и религиозных деятелей.

Большие усилия в преодолении сложившейся ситуации предпринимает Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. Его сотрудниками были проведены полевые

---

⁵⁵ Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2009. С.33.

экспедиции на территории Арского района, в ходе которых фронтально обследовались кладбища населенных пунктов Старый Ашит, Старый Кинер, Новый Кинер, Мамся и Ташкичу, ранее входивших в состав Больше-Менгерской и Мамсинской волостей Казанского уезда Казанской губернии. В процессе работы было выявлено большое количество эпитафических памятников, содержащих ценные сведения по истории указанных селений. В настоящем очерке рассматриваются арабографичные памятники, установленные до 1939 года, т.е. до перевода татарского языка на кириллицу, когда еще сохранялись традиции, связанные с установкой мусульманских надгробий и их оформлением.

В таблице, представленной ниже, дана разбивка памятников по разным историческим периодам. Эти данные весьма показательны, так как наличие каменных надгробий говорит о материальном благосостоянии, духовном развитии, религиозности и грамотности жителей конкретного селения. Памятники из камня ставили в основном представители духовенства и высших слоев общества, так как их изготовление обходилось очень дорого. Один камень по цене равнялся стоимости лошади, а за более изящные и красивые памятники приходилось отдавать стоимость нескольких лошадей. Поэтому простые крестьяне в лучшем случае могли рассчитывать на установку после смерти необработанного природного камня без надписи.

Таблица 1

Название селения	Распределение по годам							Итого
	XIV–XV вв.	XVI–XVII вв.	XVIII в.	1800–1850 гг.	1851–1900 гг.	1901–1920 гг.	1921–1939 гг.	
Старый Ашит	2	2	–	1	36	54	19	114
Старый Кинер	–	–	–	–	8	18	8	34
Новый Кинер	–	–	–	1	61	78	12	152
Мамся	–	–	–	–	6	26	4	36
Ташкичу	–	–	–	2	14	11	5	32
Итого	2	2		4	125	197	48	378

Данные, приведенные в таблице 1, позволяют, даже без анализа содержания надписей на памятниках, сделать некоторые предварительные выводы:

1. Среди пяти рассматриваемых селений наибольшее число эпитафических памятников сохранилось в Новом Кинере (152) и Старом Ашите (114). Значительная разница с другими деревнями обусловлена объективными факторами. Так, Новый Кинер до революции являлся волостным центром, где концентрировались местные органы управления. Соответственно, в Старом Ашите располагался крупный базар, куда по четвергам до 1930-х годов съезжались жители окрестных селений. Таким образом, оба селения являлись местом притяжения, в том числе для проживания состоятельных людей, которые могли позволить себе установку каменных надгробий для членов семей.

2. Наиболее ранние эпитафические памятники (XIV–XVII вв.) сохранились в Старом Ашите. Тем самым подтверждается информация других источников, указывающих на особый статус населенного пункта. Старый Ашит являлся «Материнским селением» для других деревень Ашитского джиена и в целом одним из наиболее древних татарских поселений Заказанья.

3. Тотальное отсутствие каменных надгробий XVIII столетия на кладбищах Старого Ашита, Старого Кинера, Нового Кинера, Мамси и Ташкичу со всей определенностью указывает на тяжелое материальное положение татарского населения региона, в котором оно оказалось вследствие реформ Петра I и политики христианизации, проводимой императрицей Елизаветой Петровной в 1740–1750-х годах.

5. Установка каменных надгробий получила широкое распространение лишь во второй половине XIX столетия. В этом усматривается прямая связь с буржуазными реформами 1860-х годов, которые стимулировали предпринимательскую активность татар, способствовали образованию среди них зажиточной прослойки, повышению общей грамотности татарского населения.

4. Наиболее активно надмогильные памятники устанавливались в 1900–1910-х годах. Начиная с 1920-х годов число надгробий, выполненных в мусульманских традициях, начинает снижаться вследствие обеднения населения в результате Первой мировой войны,

Гражданской войны, голода 1921–1922 годов, а также распространения коммунистической идеологии. В 1930-е годы их счет уже идет на единицы. Дополнительные подсчеты показывают, что из 48 памятников 1921–1939 годов лишь 6 были установлены с 1930 по 1939 год.

Прежде чем перейти к детальному описанию кладбищ Старого Ашита, Старого Кинера, Нового Кинера, Мамси и Ташкичу, необходимо указать на ряд общих моментов, характерных для всех упомянутых селений. Во-первых, обращает на себя внимание местоположение кладбищ, которые в прошлом, как правило, располагались к югу и юго-востоку от деревень. В Старом Ашите, Старом Кинере и Мамсе ситуация не изменилась и в наши дни. Что касается кладбищ в Ташкичу и Новом Кинере, они со временем из-за постепенного расширения границ населенных пунктов оказались внутри сельских поселений. Кроме того, в XIX столетии в дер. Новый Кинер образовалось несколько махаллей, каждая из которых обзавелась отдельным кладбищем. Тем не менее, самое древнее кладбище деревни располагалось на ее юго-восточной или южной окраине.

Материал для изготовления надгробных камней жители вышеуказанных селений брали из карьеров сел Параньга и Новый Торъял (ныне Республика Марий Эл). До сих пор местные старожилы помнят, что в старину надмогильные плиты называли «Бэрэнге ташлары» («Камни Параньги»). Камни, добытые в тех краях, отличались пластичностью, эластичностью и достаточно легко поддавались обработке. Памятники, изготовленные из них, отличаются небольшими размерами, небольшой толщиной и полукруглым верхом. Такие надмогильные плиты встречаются практически на всех кладбищах севера Татарстана, и чем дальше к югу, тем реже они попадаются. Помимо параньгинских камней на кладбищах Заказанья можно встретить памятники, привезенные из Средней Азии и Оренбургского края, где проживали искусные мастера-резчики. Однако они представлены, как правило, единичными экземплярами, поскольку потянуть их стоимость мог лишь ограниченный круг лиц.

Сам процесс изготовления каменных надгробий был непростым и требовал много сил, терпения и трудолюбия. Поэтому для обработки отбирали недавно добытые и еще влажные камни. Если в процессе изготовления камень затвердевал, его помещали в воду, и

он снова становился пригодным для резьбы. Технология обработки была стандартной. Камень сначала пилили пилой, придавая ему форму, затем с помощью пера, трафаретов и специальных инструментов начинали писать и украшать орнаментами.

В процессе изучения эпиграфических памятников были установлены имена некоторых мастеров-резчиков, чьи изделия находятся на сельских кладбищах Заказанья – Фидай (дер. Старый Ашыт), мулла Вафа (дер. Старый Кинер), Зариф (дер. Мамся). В основном, именно у них заказывало памятники местное население. Росписи этих мастеров или именные знаки обычно помещались в конце текста или на оборотной стороне камней. К сожалению, многие резчики не оставляли своих автографов, поэтому их имена остаются неизвестными.

Еще один значимый факт, установленный при исследовании сельских кладбищ, – наличие в них захоронений выходцев из других деревень. Например, в дер. Старый Ашит были обнаружены могилы уроженцев дер. Пичментау (Арский р-н), дер. Нижняя Береске (Атнинский р-н), дер. Каракуль (Высокогорский р-н), с. Параньга (Параньгинский р-н Республики Марий Эл). На кладбище дер. Ташкичу выявлены захоронения бывших жителей деревень Старый Ашит, Ишнарат и Кысна Арского района, дер. Большие Яки Зеленодольского района. В дер. Новый Кинер есть могилы выходцев из дер. Куллар (ныне с. Кзыл-Яр Арского р-на) и уже упоминавшегося села Параньга. Встретилась вообще уникальная ситуация, когда младенец родился в дер. Янгулово (ныне Балтасинский р-н РТ), умер в дер. Ципья этого же района, но был похоронен почему-то в дер. Старый Ашит.

Подобные факты свидетельствуют, что у пяти рассматриваемых населенных пунктов были родственные связи, бытовые и деловые отношения не только с соседними, но и отдаленными селениями, в том числе с татарскими деревнями, расположенными на территории Республики Марий Эл. Вероятно, совокупность различных жизненных обстоятельств, а также объективных факторов, привлекала в Старый Ашит, Старый Кинер, Новый Кинер, Мамся и Ташкичу выходцев из других селений, которые оставались здесь на постоянное жительство.

Старый Ашит. Деревня Старый Ашит считается самым древним селением на реке Ашит⁵⁶, от которой и происходит его название. Ф. Гарипова, исследуя этимологию слова Ашит (по-татарски «Ашыт»), пришла к выводу, что оно тюркского происхождения и связано с племенем «ашина» («волк»)⁵⁷. Известно несколько названий селения, бытовавших в разное время: Иске Ашыт, Олы Ашыт, Пустошь Шатуловка, Пустошь Ашыт иле, Базарлы Ашыт⁵⁸. До образования в 1920 году ТАССР дер. Старый Ашит входила в Больше-Менгерскую волость Казанского уезда Казанской губернии, однако исторически и экономически была тесно связана с селениями Мамсинской волости того же уезда.

По свидетельству Ш. Марджани, деревня несколько раз меняла свое местоположение: сначала находилась на реке Шахкул, затем на реке Кучма, пока не обосновалась на том месте, где сейчас расположена⁵⁹. Историю этих переселений народные предания связывают с основателем деревни по имени Шахкул-баба. Поселившись на одном месте, спустя некоторое время он нашел родник «Күчмә чишмәсе» и решил переселиться поближе к нему. Позднее Шахкул-баба нашел родник «Салават чишмәсе» и вновь поменял место жительства. Это предание записал в июле 1973 г. известный археограф М.И. Ахметзянов со слов старожилов дер. Пичментау⁶⁰. Откуда был родом Шахкул-баба неизвестно. Считается, что некоторые семьи переселились в Старый Ашит из Горной

---

⁵⁶ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.228.

⁵⁷ Гарипова Ф.Г. Елгалар дөнъясына сәяхәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. Б.41.

⁵⁸ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.229.

⁵⁹ Там же. Б.228–229.

⁶⁰ Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрдәләре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012. Б.40.

стороны современного Татарстана. В настоящее время в деревне еще встречаются их потомки⁶¹.

В пользу того, что дер. Старый Ашит неоднократно меняла свое местоположение, говорит наличие в селении старого и нового кладбищ. Сотрудниками отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ было проведено фронтальное обследование этих кладбищ на предмет выявления исторических захоронений, а также сбора эпиграфических материалов, содержащих информацию по ранней истории татарских селений Заказанья.

Старое кладбище находится к западу от деревни на лугу. Оно уже давно не действует, заброшено и не огорожено. Там пасется скот, что считается недопустимым по народным поверьям. На сегодняшний день на кладбище сохранились 4 эпиграфических памятника. Один из них относится к периоду Казанского ханства и установлен на могиле неизвестной женщины, умершей в 940 г. по хиджре (1533–1534 гг.). К сожалению, сохранилась лишь средняя часть надмогильного камня размерами 130х43х19 см. Остальные фрагменты утрачены.

Второй эпиграфический памятник, датируемый XVI–XVII вв., также представлен лишь одним большим фрагментом размерами 124х48х19 см. Надписи на нем сильно повреждены, из-за чего невозможно атрибутировать и узнать точную дату смерти человека, которому установлен камень.

Помимо указанных памятников на кладбище когда-то находились еще 2 древние надмогильные плиты. В 1907 г. богач из дер. Старый Ашит Гатаулла Хасанов (1862 – 1927) установил на месте разрушившихся к тому времени надгробий новые камни, о чем упоминается в эпитафиях на них. В настоящее время эти памятники также находятся в полуразрушенном состоянии. По рассказам местных жителей, под каким-то из камней был похоронен человек по имени Кадер или Каим. На одной из надмогильных плит, установленных Г. Хасановым, можно прочитать слова «Хәлил гыялы», что

---

⁶¹ Әхмәтжанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрделәре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012. Б.19.

в переводе на русский язык означает «жена Халила». Размеры этих двух эпитафических памятников: 107х33х12 см и 113х36х12 см.

В середине XX в. видный эпитафист Г. Юсупов выявил на древнем кладбище Старого Ашита два памятника, относящихся к эпохе Золотой Орды. К сожалению, до нашего времени они не дошли. Возможно, этими памятниками являются два каменных фрагмента, обнаруженные сотрудниками отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ во время эпитафических экспедиций в Арском районе. Размеры фрагментов: 75х54х18 см и 113х36х12 см, они не содержат каких-либо надписей. По мнению Г. Юсупова, один из двух камней был установлен на могиле Туктара сына Джалура, который умер в 758 г. по хиджре (1357 г.)⁶². Примечательно, что языковед Ф. Хакимзянов прочитал имя на камне совсем по-другому: Рамазан сын Хальмуша⁶³. Таким образом, остается загадкой, кто там похоронен: Туктар сын Джалура или Рамазан сын Хальмуша.

Второй памятник золотоордынского периода, установленный на могиле Салиха сына Тутая, относился к VIII в. по хиджре (XIV в.)⁶⁴. Помимо этих надмогильных плит, в 1947 г. Г. Юсуповым были обнаружены еще два памятника той же эпохи, которые уже тогда оказались нечитаемы. Один из них находился на том же кладбище под землей, второй примерно в 0,5 км к югу от древнего кладбища, называемого «Ялгыз каен зираты» («Кладбище с одинокой березой»). По местным преданиям, этот камень был установлен ханом на могиле своей дочери⁶⁵.

Таким образом, эпитафические памятники, сохранившиеся в окрестностях Старого Ашита, свидетельствуют о бесспорной древ-

---

⁶² Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁶³ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978. С.146.

⁶⁴ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960; Арча төбәге тарихы (История Арского края). Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б.41.

⁶⁵ Юсупов Г.В., Хисамутдинов Г.М. Булгарские эпитафические памятники, найденные летом 1947 г. // Эпитафика Востока. Т.4. 1951. С.70.

ности селения. Время его основания можно с уверенностью отнести к периоду Казанского ханства, не исключая того, что это могло случиться еще раньше, в эпоху Золотой Орды.

На другом, более позднем кладбище дер. Старый Ашит сохранились 108 эпитафических памятников, 35 из которых относятся к XIX в., остальные к началу XX в. Самым ранним памятником следовало бы считать надмогильный камень, установленный на могиле Хайруллы сына Захидуллы, умершего в 1835 г. Однако этот камень был изготовлен намного позже, в конце XIX – начале XX вв. Поэтому наиболее древними из сохранившихся надгробий являются памятники, установленные на захоронениях Мухаммадсадык сына Мухаммадьюсуфа и Мухаммадвали сына Мухаммадьюсуфа, умерших в 1869 г.

Среди памятников, сохранившихся на деревенском зирате, можно выделить надмогильные камни муллы Габдулгали сына муллы Габдулбасыра, умершего в 1915 г., и его сына Габделбэдига, умершего в 1910 г. Габдулгали хазрат был троюродным братом выдающегося ученого-просветителя Ш.Марджани. Родословная муллы Габдулгали выглядит следующим образом: Габдулгали бин Габдулбасыр бин Габдуннасыр бин Сайфульмулюк бин Музаффар бин Муртаза бин Гали бин Юсуф⁶⁶. Он родился в 1840 г., сначала был имам-хатыбом первой мечети дер. Старый Ашит, а с 1882 г. служил во второй мечети этого же села⁶⁷.

К сожалению, не сохранилась надмогильная плита родного деда Ш. Марджани – муллы Габдуннасыра бин Сайфульмулюка⁶⁸ [4, б.247]. Он был родом из дер. Чукалы Симбирского уезда, долгое время (с 1792 г.) работал имамом-мударрисом в дер. Старый Ашит. Ш. Марджани так описывает своего деда: «Он был известен сильной богобоязненностью, аскетизмом, знанием исламского права.

---

⁶⁶ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.281.

⁶⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3734. Л.2–17.

⁶⁸ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.247.

Его вероубеждение было правильным, имел чистое сердце. Старался, чтобы его поведение и все дела соответствовали шариату и Сунне пророка. Одежда его была скромной, как и его жизнь. Никого не боялся, всегда говорил правду, в своем поклонении Богу придерживался разных мазхабов (мусульманских правовых школ)»⁶⁹. Габденнасыр хазрат умер в 1833 г. в возрасте 75 лет⁷⁰. Его родословная, приводимая со слов самого Ш. Марджани, выглядит следующим образом: Габденнасыр бин Сайфельмулюк бин Музаффар бин Муртаза бин Гали бин Юсуф⁷¹.

Бабушка Марджани Бибимахбуба (ее мать из рода мурз дер. Старый Менгер – Зубайда бинте Гашур бин Мухаммад бин Ясни бин Утай) умерла в 1258 (1843) г. и тоже была похоронена в Старом Ашите⁷². Здесь же похоронен дядя мелла Габдерракиб (умер в 1282 (1865) г.) сын Габденнасыра⁷³. Таким образом семья Ш.Марджани в нескольких поколениях была связана с дер. Старый Ашит.

Особняком от других захоронений дер. Старый Ашит стоит могила жителя деревни по имени Макалай бин Суфи. Она находится на берегу Ашита, чуть выше моста через реку. По местным преданиям, Макалай обладал невероятной физической силой, однако в результате конфликта с баями дер. Кшкар был убит в 1756 году по их приказу⁷⁴.

Старый Кинер. Согласно народным преданиям, дер. Старый Кинер основал человек по имени Исанкул, который пришел сюда вместе с девятью сыновьями из дер. Кошар (по другим преданиям, из дер. Береске)⁷⁵. Однако документальные материалы не подтвер-

---

⁶⁹ Мәржани: Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләренәң вәләдәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтилә нәшер ителде. Казан: «Мәгариф» матбағасы: Нашире Салих бине Сабит Гобәйдуллин, 1333 (1915). Б.7.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Мәржани Ш.Б. Әл-кыйсмес-сани мин мөстәфадел-әхбари фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Казан университеты тәбгыханәсе, 1900. Б.147.

⁷² Там же. Б.283–284.

⁷³ Там же. Б.284.

⁷⁴ Там же. Б.229.

⁷⁵ Арча төбәге тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Б.64.

ждают основание Старого Кинера Исанкулом. Его родословная полностью относится только к истории деревни Мамся.

На деревенском кладбище сохранились 34 эпитафических памятника, 6 из которых относятся к XIX в., остальные к началу XX столетия. Самым древним из них является памятник, установленный на могиле Мухаммадрахима Бикчантаева, умершего в 1885 г. Захоронений известных людей на кладбище не выявлено.

Мамся. На кладбище дер. Мамся сохранились 36 эпитафических памятников, 6 из которых относятся к XIX в., остальные к началу XX столетия. Самым древним памятником можно было бы считать надмогильный камень Шахиахмаду сыну Салимджана, умершему в 1804 г., однако данный камень был изготовлен намного позже – в конце XIX – начале XX вв. Поэтому самым древним эпитафическим памятником на деревенском кладбище является камень, установленный на могиле Бикмухаммада сына Бикбауа, скончавшегося в 1873 г.

Среди прочих захоронений обращает на себя внимание памятник на могиле муллы Шарафутдина Фахрутдинова (1837–1919). Он был родом из дер. Малый Ашняк (ныне Рыбно-Слободский р-н РТ) и утвержден имамом дер. Мамся 28 ноября 1869 г.⁷⁶

Ташкичу. В официальных документах дореволюционного периода и метрических книгах обычно употреблялось другое название деревни – Кудайкулова Пустошь (по-татарски Ходайкол). В Ташкичу было два кладбища. Согласно Ш.Марджани, старое кладбище располагалось у р. Ашит по направлению к дер. Старый Ашит⁷⁷. Нам известны имена некоторых людей, как правило, священнослужителей, похороненных на этом кладбище: Габдельбаки муадзин (отец меллы Яхьи), Давлетша бин Иштиряк бин Туйхуджа, Иштиряк бин Туйхуджа, Муса бин Гали бин Абубакр, Муса бин Биккул (ум. в 1795 г.)⁷⁸.

---

⁷⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4954. Л.2–15.

⁷⁷ Маржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.226.

⁷⁸ Маржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.226.

Новое кладбище расположено непосредственно на окраине деревни. Со слов Ш.Марджани, первым человеком, которого там похоронили, был шакирд-инвалид, вторым – внучка меллы Габдельхакима, умершая в детстве, третьим – сам мелла Габдельхаким бин Габбас, который родился в дер. Балтаси и служил некоторое время в дер. Ташкичу имамом. Марджани упоминает и других людей, упокоившихся на этом кладбище: это его отец (мелла Бахаутдин бин Субхан) и мать (Бибихубайба дочь Габденнасы́ра), мелла Габдессалым бин Габдрахман, Бибихадича дочь хаджи Мухаммада бин Хусаина (ум. в 1814 г.), Насы́булла бин Фатхулла бин Яхья бин Габдельбаки (ум. в 1869 г.), Фатхулла бин Яхья бин Габдельбаки, Яхья бин Габдельбаки, Фаез бин Гадель бин Абубакр (ум. в 1824 г.)⁷⁹. Могилы некоторых названных людей, к сожалению, уже утрачены.

В результате исследования кладбища дер. Ташкичу, проведенного сотрудниками Института истории АН РТ, удалось выявить 32 арабграфических памятника, установленных до 1939 г. Из них 16 относятся к XIX в., остальные к 1-й трети XX столетия.

Самым древним из сохранившихся надгробий является памятник, установленный на могиле Сагиды Рафиковой, умершей в 1245 г. по хиджре (1829–1830 гг.). Наибольший интерес представляют захоронения родственников Ш.Марджани, выросшего в Ташкичу. Как уже отмечалось, на местном кладбище похоронены его родители: Бахаутдин сын Субхана (полное имя Бахаутдин бин Субхан бин Габдулкарим бин Габдутауваб бин Габдулгани бин Габдулкуптдус бин Ядаш бин Ядкар бин Гумар)⁸⁰ и Хубайба дочь Габденнасы́ра (Хубайба бинт Габдуннасы́р бин Сайфульмулюк бин Музаффар бин Муртаза бин Гали бин Юсуф)⁸¹. Отец Марджани родился в 1786–1787 гг. в дер. Большие Яки (ныне Зеленодольский р-н РТ) и умер в 1856 г., мать родилась в 1795 г.⁸², а умерла в 1823 г. в

---

⁷⁹ Там же. Б.226–227.

⁸⁰ Мәржани: Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләренең вәләдәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтилә нәшер ителде. Казан: «Мәгариф» матбағасы: Нашире Салих бине Сабит Гобәйдуллин, 1333 (1915). Б.3.

⁸¹ Там же. Б.147.

⁸² Мәржани Ш.Б. Әл-кыйсмес-сани мин мөстәфадел-әхбари фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Казан университеты тәбгыханәсе, 1900. Б.149.

возрасте 28 лет во время родов⁸³. Им установлен общий камень размерами 104x40x17 см.

На кладбище также сохранился памятник, установленный Галяутдину Багаутдинову, умершему в 1908 г. Он является не только родным братом Ш. Марджани, но и отцом известного писателя, драматурга, журналиста, публициста, переводчика Махмута Галяя.

Среди других эпитафических памятников стоит выделить надмогильный камень Бибиасмы – дочери муллы Ягкуба, умершей в 1896 г. Она являлась женой родного брата Ш. Марджани – Садрутдин хазрата, который долгое время служил в дер. Ташкичу имам-хатыбом. Родословная этой женщины выглядит следующим образом: Бибиасма бинт Ягкуб бин Яхья бин Джагфар⁸⁴. Сам Садрутдин родился в дер. Ташкичу в 1826 г., умер здесь же в 1876 г..⁸⁵ Могила хазрата, к сожалению, утрачена, однако на кладбище сохранился памятник на могиле его сына Габдулмуэмин хазрата (1868–1956), который тоже служил в Ташкичу имамом, получив назначение на эту должность в 1890 г.⁸⁶

Новый Кинер. В Новом Кинере имеются три кладбища. На первом и самом древнем, которое жители называют «Атау зираты» («Кладбище Атау»), к настоящему времени сохранились 85 эпитафических памятников. 38 из них относятся к XIX в., остальные к началу XX столетия. Самым древним памятником является надгробие на могиле Сайфуллы сына Файзуллы Булгари, умершего в 1822 г. Имеется также несколько надмогильных камней, датированных 1850-ми гг.

Как и в других селениях, довольно большую часть захоронений с каменными надгробиями составляют могилы религиозных деятелей. Среди них удалось идентифицировать памятник ишану Габдуррашиду сыну Сагида сыну Ярмака, умершему в 1856 г. Он был

---

⁸³ Там же. 1900. Б.131.

⁸⁴ Фәхреддин Ризәддин. Асар. 2 том. Казан: Рухият, 2009. Б.26.

⁸⁵ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.317.

⁸⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7100. Л.49 об.–50.

известен тем, что лечил людей с помощью мусульманских заговоров и молитв. Сын Габдуррашида по имени Бахаутдин (ум. в 1903 г.) являлся купцом второй гильдии, его памятник также дошел до наших дней.

Среди других духовных деятелей, похороненных на кладбище, можно упомянуть династию имамов второй соборной мечети, служивших здесь в XIX столетии. На кладбище обнаружены памятники Мухаммадкамалу Ильясову, умершему в 1861 г. и его сыну Джалалутдину (ум. в 1904 г.), вступившему в эту должность сразу после смерти отца. Отец Мухаммад-хазрата Ильяс также был муллой. Здесь же, на кладбище, находится захоронение Ахмадгалляма сына муллы Мухаммадьюнуса, который в 1880 г. был утвержден муадзином второй мечети Нового Кинера⁸⁷.

На **втором кладбище** селения, которое находится возле ремонтно-тракторной станции, сохранились 35 эпитафических памятников. 7 из них относятся к XIX в., остальные к началу XX столетия. Самой ранней по времени установки является надмогильная плита Габдуннафигу Габдуссаттарову, умершему в 1866 г. Также относительно древним памятником является надгробный камень на могиле Габдулфаттаха Габдулхаликова, скончавшегося в 1874 г.

На **третьем** кладбище, известном как «Ямаш зираты» («Кладбище Ямаша»), к настоящему времени сохранились 34 эпитафических памятника. 12 из них относятся к концу XIX в., остальные к началу XX столетия. Самым древним памятником считается надмогильная плита, установленная на могиле Мухаммаджана Биккулова, умершего в 1887 г. На памятнике написано следующее: «Бу өчүнче мэхэллэ мазарына эувэл куйылган ражүлө рэхмэти Мөхэммеджан Биккол углының каберидүр» («Это – могила первого человека, похороненного на кладбище третьей махалли – милостивого Мухаммаджана сына Биккула»). Эта надпись дает понять, что третье кладбище основано в 1887 г., как и третья махалля.

---

⁸⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1688. Л.2–13.

ГЛАВА II

Социально-экономическое развитие татарских деревень Заказанья в XIX – начале XX вв.

Социальный состав и демографическое развитие

Х.З.Багаутдинова

Для изучения формирования поселенческой структуры, социального и демографического развития татарского населения Заказанья в конце XVIII – первой половине XIX веков особое значение имеют документы ревизий, проводившихся в Российской империи с 1719 года до конца 1850-х годов. Ревизские сказки показывают сложный социальный состав жителей селений Новый Кинер, Старый Кинер, Ташкичу, Мамся и Старый Ашит. Несмотря на то, что к концу XVIII – началу XIX столетий в результате политики унификации татарского служилого сословия прежние социальные маркеры сельского населения региона приобрели условный характер, они продолжали фиксироваться в официальных статистических и фискально-учетных документах. Так, в материалах 5–8-й государственных ревизий зафиксировано наличие в интересующих нас татарских деревнях представителей таких социальных групп, как лашманы, служилые и ясачные татары. При этом в разных селениях их соотношение было различным.

По данным 5-й ревизии (1795 г.), в Старом Ашите в 100 дворах проживало 600 служилых татар, в Старом Кинере в 21 дворе насчитывалось 142 служилых татарина. В Новом Кинере в 101 дворе числилось 660 служилых татар и в 1 дворе – 6 ясачных татар. В деревнях Мамся и Ташкичу, напротив, в основном проживали ясачные татары: в первой – в 70 дворах 452 души мужского и женского пола, во второй – в 80 дворах 525 душ мужского и жен-

ского пола¹. Примечательно, что основателями этих деревень были служилые татары, выходцы из Старого Ашита и других татарских селений Заказанья. В частности, согласно Ш. Марджани, дер. Ташкичу была основана около 1717 г. жителем дер. Старый Ашит Гуйхужой бин Гуйкя².

В материалах 5-й государственной ревизии среди местных служилых татар встречаются также *лашманы*. Представители этой категории населения с 1718 года выполняли повинность по рубке и вывозке к речным пристаням корабельного леса (дуб, мачтовая сосна, ильм и др.). Этот лес в дальнейшем отправлялся на верфи Казани, Астрахани и Санкт-Петербурга, где из него строились корабли для российского военно-морского флота. Основную часть лашманов составляли бывшие татарские мурзы и служилые татары, доля ясачных татар, как и представителей других нерусских народов (чувашей и мордвы), была незначительной. Данная повинность была тяжким бременем для татарского населения, требовала большого труда и отнимала много времени, что негативно сказывалось на его хозяйственной деятельности.

В 1795 году в изучаемых деревнях, наряду с татарами, были учтены представители других этноконфессиональных групп: в дер. Ташкичу – 1 некрещеный чувашин³, в дер. Старый Кинер – 6 некрещеных марийцев⁴. Марийцы-язычники проживали в Старом Кинере до начала 1810-х годов. Последние представители этой народности – Шагильда Лочик и его сын Шибай – умерли, соответственно, в 1817 и 1818 годах. В 1834 году в селении числились также 4 новокрещеных татарина⁵.

Анализ материалов последующих ревизий подтверждает тенденцию к «отмиранию» прежней социальной стратификации татарского общества и его унификации. Завершающей точкой в этом

---

¹ РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.402. Л.367 об., 374, 375 об.–376.

² Мәржани Ш. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.225.

³ РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.402. Л.367 об.

⁴ Там же. Л.375 об.

⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.28. Л.418 об.–419.

процессе стала реформа государственной деревни, проведенная на рубеже 1830–1840-х годов министром государственных имуществ П.Д. Киселевым. С этого времени все жители изучаемых деревень были отнесены к категории государственных крестьян. Впрочем, такая социальная однородность просуществовала сравнительно недолго.

В результате буржуазных реформ 1860-х годов, развития торговли и предпринимательской деятельности, в среде татарского населения Мамсинской и Больше-Менгерской волостей формируются новые социальные страты – купцы и мещане. Так, в середине 1880-х годов в дер. Новый Кинер проживало 5 купцов, 12 мещан, а также 7 человек, отнесенных к военному сословию⁶. Представители двух последних социальных групп появились здесь вследствие преобразования селения в волостной центр. В деревне разместились волостные учреждения со своим штатом служащих и военных команд. В это же время в дер. Старый Ашит, наряду с государственными крестьянами, числились 5 мещан, работавших на местном базаре⁷.

Статистические материалы XIX – начала XX веков демонстрируют рост народонаселения рассматриваемых деревень. По данным 7-й ревизии (1816 г.), в дер. Старый Ашит проживало 639 чел. в 125 дворах, в Ташкичу – 594 чел. в 105 дворах, в Старом Кинере – 197 чел. в 35 дворах, в Новом Кинере – 927 чел. в 161 дворе, в Мамсе – 647 чел. в 125 дворах⁸.

Положительная динамика численности сохранялась вплоть до 1917 года. В 1834 году в Старом Ашите числилось 807 чел. на 120 дворов⁹, в 1858 году – 1140 чел. на 118 дворов¹⁰, в 1875 году – 1225

---

⁶ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XIV. Мамсинская волость. Казань, 1885. С.3–4.

⁷ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XV. Больше-Менгерская волость. Казань, 1885. С.1.

⁸ ГА РТ. Ф.324. Оп.740. Д.37. Л.52 об., 53, 55 об., 140–141 об.

⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.28. Л.36–72.

¹⁰ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Обработан А.Артемяевым. Санкт-Петербург, 1866. С.15.

чел. на 197 дворов¹¹, в 1878 году – 1277 чел. на 198 дворов¹², в 1885 году – 1321 чел. на 192 двора¹³, в 1897 году – 1138 чел.¹⁴, в 1906 г. – 1438 чел. на 278 дворов¹⁵. Некоторое уменьшение численности жителей дер. Старый Ашит отмечается после установления советской власти, что можно объяснить убылью населения в годы Первой мировой и Гражданской войны. В 1920 году в этом населенном пункте в 247 дворах проживало 1363 чел.¹⁶

Схожая картина наблюдалась и в других деревнях:

Переписи населения	Ташкичу	Старый Кинер	Новый Кинер	Мамся
	(чел./дв.)	(чел./дв.)	(чел./дв.)	(чел./дв.)
1834* ¹	731/120	262/41	1072/146	770/109
1858* ²	960/134	359/49	1555/212	916/121
1878* ³	956/108	468/55	1758/180	987/113
1885* ⁴	920/127	528/65	1927/250	1031/149
1897* ⁵	815	477	1998	1110
1906* ⁶	842/188	654/112	2395/402	1252/220

*¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.26. Л.134–165, 265–276; Д.28. Л.84–87, 206–256, 317–321, 406–420.

*² Список населенных мест по сведениям 1859 г. Обработан А. Артемьевым. Санкт-Петербург, 1866. С.15, 16.

*³ Список населенных мест Казанской губернии. Вып.1. Составил член и секретарь Казанского губернского статистического комитета Н.Н. Вечеслав. Казань, 1879. С.186–187, 190–191.

¹¹ Естественное приращение сельского населения Казанской губернии по приходам, с обозначением племенного его состава и отношений между полами. Н.Н. Вечеслав. Т.1. Казань, 1877. С.34–35.

¹² Список населенных мест Казанской губернии. Вып.1. Составил член и секретарь Казанского губернского статистического комитета Н.Н. Вечеслав. Казань, 1879. С.114–115.

¹³ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XV. Больше-Менгерская волость. Казань, 1885. С.1.

¹⁴ Список селений Казанской губернии. Составлен К.П. Берстель. Казань, 1908. С.7.

¹⁵ Список селений Казанской губернии. Вып.1. Казань: Лито-типография И.Н.Харитоновна, 1910. С.6.

¹⁶ ГА РТ. Ф.Р-1296. Оп.2. Д.227. Л.30.

*⁴ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XIV. Мамсинская волость. Казань, 1885. С.1, 3–4, 6–8.

*⁵ Список селений Казанской губернии. Составлен К.П. Берстель. Казань, 1908. С.17, 18.

*⁶ Список селений Казанской губернии. Вып.1. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1910. С.6, 16, 18, 31.

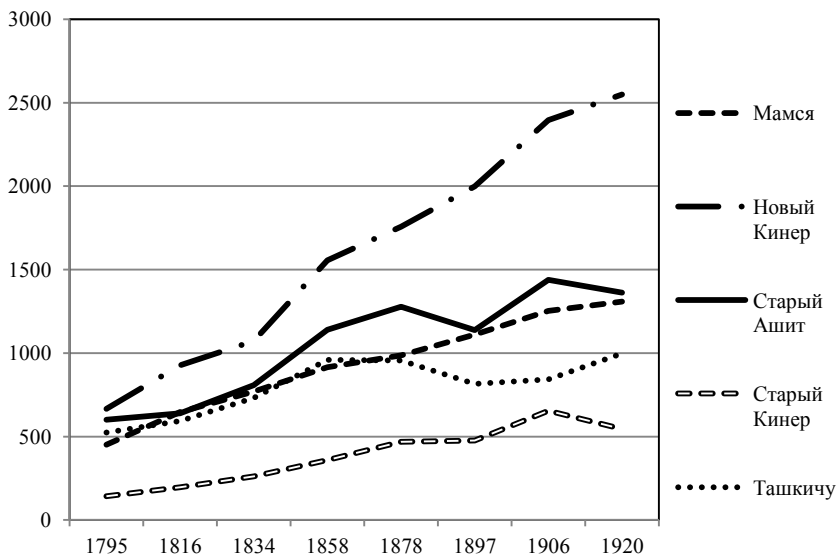
Всероссийская перепись населения 1920 года зафиксировала разноплановую динамику: если в деревнях Новый Кинер, Ташкичу и Мамсях сохранился положительный прирост населения (2550 чел., 998 чел. и 1309 чел.), то в дер. Старый Кинер отмечается снижение численности жителей (545 чел.)¹⁷ (см. рис. 1).

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода эти деревни динамично развивались, численность их жителей (за редким исключением) стабильно росла. Благодаря быстрому росту народонаселения деревни Старый Ашит, Новый Кинер и Ташкичу становятся одними из наиболее крупных татарских населенных пунктов Заказанья. Помимо естественного прироста населения увеличению численности жителей указанных населенных пунктов способствовали миграционные процессы. Например, в материалах 8-й государственной ревизии (1834 г.) имеется информация о причислении к сельским общинам дер. Старый Ашит оренбургского купца Гали Шахмуратова, дер. Новый Кинер – казанского мещанина Габдулвали Салихова и жителя Ишимского уезда Тобольской губернии Миргали Мукминова, дер. Мамся – крестьянина дер. Тюнтер Малмыжского уезда Вятской губернии Тазутдина Хайбуллина¹⁸.

---

¹⁷ ГА РТ. Ф.Р-1296. Оп.2. Д.227. Л.29, 30.

¹⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.26. Л.319 об.–320; Д.28. Л.69 об.–70, 252 об.–253.

Рис. 1. Динамика численности жителей (1795–1920 гг.)

Диаграмма составлена по следующим источникам: РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.402. Л.367 об., 374, 375 об.–376; ГА РТ. Ф.324. Оп.740. Д.37. Л.52об., 53, 140–141; ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.26. Л.134–165, 265–276; Д.28. Л.36–72, 84–87, 206–256, 317–321, 406–420; Список населенных мест по сведениям 1859 г. Обработан А. Артемьевым. Санкт-Петербург, 1866. С.15, 16; Список населенных мест Казанской губернии. Вып.1. Составил член и секретарь Казанского губернского статистического комитета Н.Н. Вечеслав. Казань, 1879. С.114–115, 186–187, 190–191; Список селений Казанской губернии. Составлен К.П. Берстель. Казань, 1908. С.17, 18; Список селений Казанской губернии. Вып.1. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1910. С.6, 16, 18, 31; ГА РТ. Ф.Р-1296. Оп.2. Д.227. Л.29, 30.

Новопоселенцев привлекало наличие большой торговой площадки (Старый Ашит) и институтов волостного управления (Новый Кинер). Быстрый рост народонаселения дер. Мамся, наряду с другими причинами, можно объяснить «поглощением» ею соседнего

татарского селения – Починка по речке Окше. В рассматриваемой местности случаи слияния нескольких татарских деревень были довольно типичны. По данным земской статистики, в Казанской губернии в 1880-е годы было зафиксировано 12 случаев объединения деревень. Из них 5 случаев имели место в Мамсинской волости (дер. Мамся и Починок по речке Окше, дер. Новая Ясашная Сердобряжка и Починок Бигашевский, дер. Старая Сердобряжка и Починок Собакаев, дер. Шурабаш и дер. Бигашевская пустошь, дер. Ташлинуур и Починок Кременский)¹⁹.

В селениях Мамсинской и Больше-Менгерской волостей наблюдался и обратный процесс – миграция местных жителей в другие регионы империи, в первую очередь на Южный Урал и в Сибирь. Как видно из вышеприведенных статистических данных, Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. показала некоторую убыль (дер. Ташкичу, Старый Ашит) или незначительный рост (дер. Старый и Новый Кинер, Мамся) жителей этих населенных пунктов. Причины такой демографической ситуации исследователи обычно объясняют социально-политическим фоном, сопровождавшим проведение переписи, а именно негласным бойкотом со стороны татар, вызванным необдуманными действиями местной администрации. Это привело к появлению слухов о якобы готовящейся в рамках переписи массовой насильственной христианизации и русификации татар²⁰. Однако есть веские основания считать, что другой причиной убыли населения была его миграция, обусловленная нарастанием «земельного голода» и высокой социальной мобильностью татар.

Данные выводы подтверждаются и документальными источниками. Например, в 1873 году три семейства общей численностью 15 человек выселились из Нового Кинера в дер. Метлашино Ишимского округа Тобольской губернии²¹. По сведениям И.А. Износкова, в

---

¹⁹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.18.

²⁰ См.: Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С.110–135.

²¹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.19.

середине 1880-х годов из жителей дер. Мамся 4 чел. фактически не жили в месте приписки, а 39 чел. уходили на продолжительные заработки. В дер. Новый Кинер 145 чел. проживали в других местах, 67 чел. уходили на продолжительные заработки. В Старом Кинере это соотношение выражалось цифрами 108 и 14, в Старом Ашите – 79 и 45, в Ташкичу – 62 и 52²². По рассказам старожилов Нового Кинера, до революции в их селении было много торгового люда, который посещал родную деревню лишь по большим праздникам, таким как Сабантуй и Джиен. Доходило до того, что однодеревенцы при встрече не узнавали друг друга²³.

Пик переселенческой кампании пришелся на 1890-е годы, когда в Среднем Поволжье несколько неурожайных лет подряд вызвали массовый голод среди сельского населения. Источники фиксируют довольно широкий географический охват миграции из селений Мамсинской и Больше-Менгерской волостей. Особой популярностью у переселенцев пользовалась Оренбургская губерния, где с XVIII века существовала многочисленная диаспора выходцев из Заказанья. Так, из дер. Старый Ашит со своими семьями туда переселились: в 1893 году – Сафиулла Гизетуллин, Мухаметсадык Галиев и Ахметзян Мухаметзянов, в 1894 году – Халиулла Хайбуллин, Шарып Абдувалиев, Шарафутдин Бакеев, Ахметгалей Валеев, в 1895 году – Хайрулла Гизетуллин²⁴, в 1896 году – Иван Ермолаев Левин (Сафаргалей Гумеров)²⁵; из дер. Ташкичу в 1892 году – Мухаметсадык Сулейманов и Сагирзян Мухаметшарипов, в 1893 году – Гайнетдин Гизетуллин и Файзрахман Ганиев (Абдулганиев), в 1895 году – Хисамутдин Мухтаров и Галимзян Шамсутдинов; из Нового Кинера в 1892 году – Усман Сулейманов Ермаков, в 1893 году – Байрамгалей Курбангалиев, в 1895 году – Абдулкадыр Абдулхаиров, Алексей Никандров (Мухаметгалей Сафаргалеев), Ша-

---

²² Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885. С.1–4, 7–8.

²³ Әхмәтжан М. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр жыентыгы). Казан, 2014. Б.275.

²⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13161. Л.47 об., 49, 103 об., 41, 169 об., 17 об., 34, 54 об.

²⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.1155. Л.18.

рафутдин Шамсутдинов и Юсуп Зябиров; из дер. Мамся в 1891 году – Мухаметзян Шагиахметов, в 1893 году – Нугуман Ибрагимов, в 1894 году – Самигулла Ибатуллин, Аухадей Хисамутдинов, Ахметсафа Ибрагимов, Гильман Исмагилов, Ахметсафа Ибрагимов, в 1895 году – Насыбулла Ибатуллин, Сафиулла Негаметуллин и Мухаметзариф Мухаметгалеев; из Старого Кинера в 1896 году – Гимадутдин Назмутдинов²⁶.

Отмечены также факты переселения в Уфимскую губернию. В 1894 году туда перебрался Хамит Абдряшитов из Нового Кинера. Наиболее дальним местом миграции оказалась Омская губерния. В этот край в 1891 году перебрался из Старого Кинера Якуб Юсупов с семейством и братьями Ибрагимом и Шангараем, в 1894 году – Мухаметша Мухаметкамалов из дер. Новый Кинер²⁷.

Следует отметить, что на переселение чаще всего решались бедные татарские крестьяне, не видевшие для себя перспективы на родине. Например, за крестьянином дер. Ташкичу Файзрахманом Ганиевым, выбравшим для места жительства Оренбургскую губернию, числилась недоимка 25 руб. 13 коп. Недоимки его односельчанина Галимзяна Шамсутдинова составляли 19 руб. 43 коп., у Шарифутдина Шамсутдинова из Нового Кинера – 48 руб. 41 коп., Нугуман Ибрагимов и Насыбулла Ибатуллин из дер. Мамся задолжали 22 руб. 40 коп и 13 руб. 22 коп. соответственно²⁸.

Помимо вышеописанных процессов, анализ статистических источников показывает усложнение этноконфессионального состава населения рассматриваемых деревень во второй половине XIX – начале XX веков. Вступление в эпоху капитализма, переход от натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям, рост трудовой мобильности привели к разрушению замкнутости татарской сельской общины и повышению социокультурной коммуникации с представителями других народов Среднего Поволжья. Особенно ярко эти тенденции проявились в татарских деревнях, являвшихся крупными тор-

---

²⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13161. Л.22 об., 48–48 об., 60 об., 67, 72 об., 73 об., 74–76 об., 83 об., 111, 118–118 об., 133, 169, 178, 180 об., 183 об., 184.

²⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13161. Л.19, 108 об., 185.

²⁸ Там же. Л.48 об., 72 об., 76 об., 183 об., 184.

говыми и промышленными центрами. Так, в 1909 г. в Старом Ашите проживало 25 русских²⁹. Большинство из них работали в сфере торговли или обеспечивали инфраструктуру ашитского базара – держали торговые лавки, работали в кузницах и других кустарных предприятиях, а также в харчевнях и на постоянных дворах.

Социальная организация и общественный быт

Х.З.Багаутдинова

Историко-культурная область Заказанья издревле являлась регионом экстенсивного аграрного освоения и земледельческого производства. Основой жизнедеятельности и хозяйственного уклада местного татарского населения были хлебопашество и скотоводство. К началу XIX столетия густые хвойно-лиственные леса, некогда покрывавшие сплошным массивом эту территорию, уступили место пашням и лугам. Впрочем, как в это, так и в последующее время, здесь сохранялись большие лесные угодья.

Развитию сельского хозяйства способствовали весьма благоприятные природно-географические условия края – умеренный климат, в основном равнинный рельеф, большое количество водных источников. Рельеф региона характеризовался преобладанием равнинных участков с небольшими холмами и увалами, рассеченными сетью рек и оврагов. Крупнейшей речной артерией была р. Ашит, имевшая большое количество притоков, формирующихся из местных ключей и ручьев. Наиболее распространенным видом почв являлись подзолы с небольшими участками чернозема.

Аграрный характер общества оказал существенное влияние на ход социального и культурного развития местных жителей, обусловил формирование особого менталитета, системы ценностей, поведенческих стереотипов в окружающем пространстве многонациональной средневожской деревни.

---

²⁹ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.8336. Л.14 об.–15.

Поземельная община, являвшаяся основным элементом социальной организации сельского татарского населения, сформировалась на основе джиенной родовой структуры его далеких предков. Как уже отмечалось, деревни Старый Ашит, Старый и Новый Кинер, Ташкичу и Мамся изначально входили в единый джиенный округ *Ашит каршысы* (крепость рода Ашит). Кроме них, в ашитскую джиенную конфедерацию входили также селения Таш-Чишма (Старый Тазлар), Сюрда (Ясашная Сердобряжка) и Пичментау (Старая Сердобряжка). Однако по мере разложения родовых отношений, роста народонаселения, под влиянием миграционных процессов и других социально-экономических факторов, в деревне вместо сложной патриархально-родовой организации общины у местного населения оформились простые соседско-территориальные сельские союзы, организовывавшиеся по принципу – «одна деревня» – «одно сельское общество».

Исключение составляли деревни Новый и Старый Кинер, жители которых, несмотря на фактическое разделение деревень в XVII веке, сохранили одну общую поземельную общину. Жизнь в большой (сложной) поземельной общине создавала существенные трудности сельским труженикам, так как порождала проблему чересполосицы. В случае Нового и Старого Кинера эта проблема была очень острой, учитывая многочисленность жителей и существенный недостаток в плодородных земельных наделах. В «Материалах сравнительной оценки земельных угодий уездов Казанской губернии» по этому поводу написано: «В татарских селениях Мамсе (Новый Кинер. – *Х.Б.*) и Шинер-Кинер (Старый Кинер. – *Х.Б.*), составляющих одну общину, земля поделена так, что крестьянам из деревни Мамси приходится ездить на свои поля через овраги и через деревню Шинер-Кинер по очень неудобной дороге. Кроме того, мамсинским крестьянам досталась самая плохая земля»³⁰. Данная ситуация создавала трения и даже вражду между хлебопашцами соседних деревень. Новокинерцы стремились обособиться и образовать отдельную общину. Против этого категорически выступали

---

³⁰ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.34–35.

их соседи, справедливо полагавшие, что после раздела на два самостоятельных общества придется размежевывать общий земельный фонд и в итоге неминуемо ухудшится качество их наделов³¹. Отсутствие консенсуса препятствовало окончательному «разрыву» и образованию двух самостоятельных общин. По факту это произошло лишь после революционных событий 1917 года.

К XIX столетию поземельные союзы являлись вполне сложившимися общественными институтами, основной ячейкой местного самоуправления на уровне отдельной деревни и волости. Они обладали широким кругом прав и полномочий, через которые рядовые общинники могли решать свои насущные проблемы. Низшим звеном в этой структуре были семьи, образовавшие отдельные дворы. Вплоть до пореформенного времени у жителей татарских селений Заказанья преобладали большие крестьянские патриархальные семейные союзы. По данным 10-й государственной ревизии, в дер. Старый Ашит семья в среднем состояла из 10 чел., в дер. Новый Кинер – 7 чел., в дер. Старый Кинер – 8 чел., в дер. Мамся – 8 чел., в дер. Ташкичу – 7 чел. Большая семья состояла из более мелких семей во главе с неотделившимися взрослыми сыновьями домохозяина.

Сохранение больших семей можно объяснить приверженностью татар патриархальным устоям жизни и хозяйственно-экономическими преимуществами, которые предоставлял такой способ социальной организации. Большому семейному коллективу, члены которого, кроме того, имели определенную трудовую и социальную специализацию, было значительно легче справиться с тяжелым и многогранным трудом хлебопашца, обеспечить всех членов семьи достойными условиями жизни. Не случайно большие семьи считались более состоятельными и в хозяйственном отношении «мощными» (т.е. обладавшими достаточными средствами производства для аграрной деятельности), нежели малочисленные³². В то же вре-

---

³¹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.35.

³² Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып.3 // Известия императорского

мя большая семья обладала существенным недостатком – жить в ней «рядовому» члену было значительно тяжелее, нежели членам малой семьи. Наряду со сложными условиями сосуществования большого количества людей под одной крышей, что вызывало периодические конфликты на бытовой почве, младшие члены семьи испытывали на себе постоянное давление и деспотическую власть домохозяина, должны были мириться с ограничением своей свободы. Домохозяин обладал беспрекословной властью, мог бесконтрольно наказывать своих детей и внуков.

Положение начинает меняться в эпоху Великих реформ. «Дух» капитализма, проникнув в крестьянскую семью, привел к тому, что «в новых условиях в основной своей массе молодое поколение сельских обывателей, едва обзаведшись семьей, спешило освободиться от довлевшей над ними власти отцов, деревню захлестнула волна самовольных семейных разделов»³³. Разделы, спровоцированные эмансипацией «сыновей» и падением влияния «отцов», приводили к увеличению количества малых семей. В 1906 году, спустя пять десятилетий после проведения 10-й ревизии, средняя численность семьи составляла: в Старом Ашите – 5, в Мамсе – 6, в Новом Кинере – 6, в Старом Кинере – 6, в Ташкичу – 4 человека.

У этого явления были как положительные, так и отрицательные стороны. К первым можно отнести повышение хозяйственной инициативы и мобильности большого числа молодых семейств, получивших возможность освободиться от опеки «стариков» и вести хозяйство по своему усмотрению. Среди негативных последствий разделов следует выделить дробление земельных наделов и увеличение числа «маломощных» хозяйств, которые из-за отсутствия средств производства не имели возможности полноценно обрабатывать свои земельные участки.

Основным распорядительным органом, решавшим возникавшие внутри общины вопросы, был сельский сход – *жыен*, участие в ко-

---

общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.69. Этнографический отдел. Т.2. Вып. 2. М., 1891. С.65.

³³ Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2016. С.21.

тором принимали главы семейств или иные члены семьи, которым делегировались эти полномочия. В 1884 году, по сведениям волостных правлений, в поземельных общинах деревень Новый и Старый Кинер в сельских сходах принимали участие в среднем по 260 и 70 домохозяев, в дер. Ташкичу – 140 домохозяев, в дер. Мамся – 172 домохозяина³⁴, в дер. Старый Ашит – 181 домохозяин³⁵. В Мамсинской и Больше-Менгерской волостях на сельских сходах чаще всего обсуждались вопросы об открытии мечетей, избрании мулл и т.д.³⁶

На уровне отдельной общины сходом руководил представитель сельской администрации – староста, на уровне волости – волостной старшина. Сельский староста являлся наиболее влиятельным членом общины и обладал широким кругом полномочий. Согласно «Положению о крестьянах» от 19 февраля 1861 года, он созывал и распускал сход, следил за соблюдением на нем порядка и предлагал для рассмотрения дела, приводил в исполнение приговоры и распоряжения волостного управления, наблюдал за целостью меж и межевых знаков, исправным состоянием дорог, мостов, гатей и перевозов, отбыванием повинностей и оплатой податей, принуждал к исполнению условий договоров, следил за порядком в общественных заведениях, а также за своевременной подачей статистических данных (ревизских сказок) в органы государственной власти, заведовал мирскими средствами и хозяйством, оказывал помощь полиции и органам исполнительной власти³⁷. Контроль над сельским самоуправлением со стороны государства осуществлялся Уездным по крестьянским делам присутствием, с 1874 года – мировыми посредниками, с 1889 года – земскими начальниками.

Волость, как среднее звено сельского управления, выступавшее посредником между государством и сельской общиной, появилось в Среднем Поволжье в конце XVIII века. В 1797 году казенным ведомством (орган, заведовавший управлением государственными крестья-

---

³⁴ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. Приложение. С.2.

³⁵ Там же. С.6

³⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1688. Л.2.

³⁷ ПСЗ-2. Т.36. Ч.1. №36657.

янами) были разработаны специальные уставы, регламентировавшие общественное устройство в крестьянских селениях, и учреждены волости. С этого времени верховная власть стала использовать сельскую общину как административно-податную единицу, практически не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь³⁸. Селения, рассматриваемые в настоящей работе, вошли в состав Мамсинской волости (деревни Новый и Старый Кинер, Мамся, Ташкичу) с центром в дер. Новый Кинер. Деревня Старый Ашит в административном отношении была отнесена к Ново-Менгерской волости, центр которой находился в дер. Большой Менгер Казанского уезда Казанской губернии.

«Положение о крестьянах» 1861 года четко определило систему волостного управления. С этого времени она состояла из волостного правления, решавшего административные вопросы в волости в рамках своей компетенции, волостного схода – органа сельского самоуправления и волостного крестьянского суда, в компетенцию которого входило решение спорных вопросов между крестьянами и общинами внутри волости и некоторых административных правонарушений.

Администрация волостного правления состояла из старшины, всех сельских старост, сборщиков податей, помощников старшины, заседателей и писаря. Обязательным в волостном правлении было присутствие только старшины и писаря. Писарь назначался мировым посредником, впоследствии – земским начальником, и играл в волостном правлении значимую роль.

Поскольку делопроизводство должно было вестись на русском языке, волостными писарями обычно становились русские, что иногда приводило к недопониманию и конфликтам. Особенно показательным случаем с писарем Мамсинской волости И.С.Завалишиным, который прямо заявлял крестьянам, что их скоро будут крестить в православную веру. В результате во время волнений 1878 года гнев толпы обернулся против него, и он подвергся избиениям³⁹.

---

³⁸ Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С.187.

³⁹ Чернышев Е. Волнения казанских татар в 1878 году // Вестник научного общества татароведения. 1927. №7. С.19.

Волостное правление имело характер контрольно-совещательного органа, решавшего широкий круг административных вопросов. В его деятельности сочетались элементы административного управления и сословного самоуправления. Волостной старшина избирался волостным сходом на три года из числа местных крестьян. С 1861 года он утверждался в должности и подчинялся мировому посреднику, с 1874 года – уездному по крестьянским делам присутствию, с 1889 по 1917 год – земскому начальнику. Волостной старшина отвечал за сохранение «общего порядка и спокойствия» в волости. Он был обязан доводить до населения законы и распоряжения правительства, наблюдать за исполнением паспортных правил и судебных приговоров, принимать меры к поимке преступников. В круг административных пономочий входили созыв и роспуск волостных сходов, приведение в исполнение их приговоров, наблюдение за исправным содержанием дорог и отбыванием крестьянами повинностей, распоряжение волостными средствами. Волостной суд состоял из 4–12 судей, выбираемых ежегодно сельскими сходами. Этот сословный крестьянский суд рассматривал споры и тяжбы между крестьянами (если сумма иска не превышала 100 рублей, с 1889 года – до 300 рублей), а также мелкие уголовные правонарушения⁴⁰.

В Казанском уезде, особенно в Заказанье, где большинство волостей были татарскими, в органах самоуправления также преобладали татары⁴¹. До нас дошли некоторые имена должностных лиц крестьянского самоуправления, имевших явно татарское происхождение. В 1893 году сельским старостой дер. Шинер-Кинер (Старый Кинер) был Мухаметзакир Абдулнасыров, а старшиной Мамсинской волости – некий Бикмухаметов. В 1880 году старостой этой же деревни состоял Абдрахман Насыров. Во время беспорядков 1878 года Мамсинского волостного старшину Галеева крестьяне самовольно сменили на жителя деревни Файзуллиной Сулеймана Габитова⁴².

---

⁴⁰ ПСЗ-2. Т.36. Ч.1. №36657.

⁴¹ Муллагалиев Р.М. Социально-экономическая жизнь татарской крестьянской общины Казанской губернии в пореформенный период: 60–90-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С.21.

⁴² Чернышев Е. Волнения казанских татар в 1878 году // Вестник научного общества татароведения. 1927. №7. С.193.

Финансовое содержание институтов волостного и сельского управления осуществлялось из мирских сборов. В фонде Казанской губернской казенной палаты Государственного архива РТ сохранились материалы, дающие общее представление об объемах финансирования низшего звена системы местного управления. Так, в 1905 году на содержание сельских администраций было израсходовано: на нужды сельских старост в Новом Кинере – 50 руб., в Старом Кинере – 25 руб., Мамсе – 20 руб., Ташкичу – 20 руб., Старом Ашите – 51 руб. 10 коп.; на сборщиков податей, соответственно – 40 руб., 21 руб., 35 руб. 30 коп., 30 руб., 55 руб.; на канцелярские и почтовые расходы – 2 руб. 75 коп., 75 коп., 1 руб. 90 коп., 1 руб. 50 коп., 2 руб. 80 коп. Кроме того, в Старом Ашите собиралось 20 руб. на найм квартиры для приезжавших чиновников, 90 руб. – на призыв новобранцев, 54 руб. и 8 руб. – на плату сторожам пожарного сарая и полей⁴³.

Сельская община являлась консервативным, мало подверженным изменениям общественным институтом. Большинство ее решений подкреплялось традициями, вобравшими в себя многовековой социально-хозяйственный и культурный опыт народа. Приверженность старине была защитной реакцией, направленной на предотвращение любых резких изменений, которые могли разрушить сложившийся порядок вещей, что, в свою очередь, было сопряжено с опасностью социальных потрясений и материальными потерями для сельского труженика. В этой связи большим влиянием в татарской поземельной общине пользовались старейшины (*картлар*), выступавшие как хранители традиций.

В своих решениях каждая община руководствовалась народным правосознанием (обычное право), нормами исламского права (шариат) и действующим российским законодательством. Главной чертой правоприменительной практики были прагматичные расчеты, направленные на предоставление каждому члену «мира» возможности прокормить себя и свою семью.

Общинное мироустройство предполагало коллективный характер деятельности и принятия решений. Одним из важных проявле-

---

⁴³ ГА РТ. Ф.3. Оп.1, Д.13869. Л.1–2; Д.13871. Л.178–183.

ний коллективного общинного сознания был институт круговой поруки. Вплоть до конца XIX века община в целом и каждый домохозяин в отдельности отвечали перед государством за оплату подушной подати и других повинностей всех членов мира. Коллективная ответственность не позволяла окончательно разориться и лишиться средств существования наиболее бедной прослойке деревни. С другой стороны, она стимулировала сельских жителей к взаимопомощи, усиленному труду, так как от их деятельности напрямую зависело не только их личное благополучие, но и благосостояние всей деревни, родственников и соседей. К числу наиболее значимых вопросов, входивших в компетенцию общины, относились распределение земельных наделов, передел пашен и сенокосов, пользование лесами, выгонами, разрешение земельных споров, связанных с нарушением межевых границ, захватом чужих участков⁴⁴.

Любые вопросы, возникавшие в общине, обсуждались всем миром, а решения сельского схода считались правомочными при положительном голосовании большинства. Для наиболее значимых вопросов, таких как периодический передел земли, был необходим определенный кворум. В последней трети XIX столетия он равнялся двум третям от числа всех состоящих в общине домохозяев. К ведению схода относились выбор сельских должностных лиц и назначение представителей от деревни на волостной сход, удаление вредных для общества людей, временное удаление (до 3 лет) со схода и прием новых членов, назначение опекунов и попечителей для сирот и недееспособных членов общины, дела, касающиеся мирских вопросов (переделы земли, тягло, повинности, совещания и ходатайства об общественных нуждах, контроль за деятельностью должностных лиц, дела по отбыванию рекрутской повинности)⁴⁵. Решение схода оформлялось в виде приговоров, которые могли быть устными, если речь шла о внутренних вопросах самоуправления, и пись-

---

⁴⁴ Денисова Н.П., Иванов В.П. Обычное право и народное правосознание // Чуваши: история и культура. Т.2 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары, 2009. С.65.

⁴⁵ Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. С.22.

менными, – когда дело касалось органов государственной власти, а также коренного передела земли.

Несмотря на высокий уровень демократизма, в общине ярко проявлялась социальная неоднородность сельского общества. На протяжении всего рассматриваемого периода решающие позиции в ней сохраняла наиболее богатая прослойка деревни – *кара байлар* (буквально с тат. – «черные богатеи», т.е. люди поднявшиеся из низов), *куштаннар* (коштань). Такие заправилы, пользуясь своим авторитетом, оказывали существенное влияние на сельское самоуправление как на уровне отдельной общины, так и волости. Они могли смещать с должностей неугодных представителей сельской администрации, навязывать сельским обывателям решения, исходя из своих личных интересов.

В ходе длительного периода развития землепользования и формирования общинного уклада жизни у татар-хлебопашцев сформировались своеобразные представления о характере коллективного земледельческого труда. Основу полевого хозяйства местного населения составляли наделы, формировавшиеся из общего фонда общинных земель. Местные татары использовали паровую зерновую систему земледелия с трехпольным севооборотом – пар, озимое и яровое.

Земля в рассматриваемых сельских общинах до 1880-х годов распределялась по ревизским душам или по тяглу. Пашня делилась на десятины, сотки и загоны. Соприкасавшиеся десятины разграничивались небольшими головниками (дорожками), достаточными для того, чтобы по ним можно было проехать с возом и сохой. Надельные участки, в свою очередь, отделялись друг от друга рубежами и межами.

Вплоть до второй половины XIX века у местного населения не было четкого хронологического периода передела общественных земель. Он мог варьироваться от нескольких до 25 лет. С 1880-х годов все больше крестьян переходят к новой уравнивательной системе распределения земли по наличным душам мужского пола. Указом от 8 июня 1893 года срок между коренными земельными переделами был официально определен в 12 лет⁴⁶.

---

⁴⁶ ПСЗ-3. Т.13. №9754.

Главной целью передела являлось справедливое распределение земли между общинниками, а его периодичность увязывалась с постоянным увеличением числа лиц мужского пола, достигших совершеннолетия и претендовавших на свою долю общинных земель. Перед переделом собирался сход, на который приглашались исключительно домохозяева или лица, заменяющие их. Последние, впрочем, обладали только совещательным голосом. При наличии кворума и желании большинства поделить землю составлялся приговор, утверждавшийся сельским старостой. Земля делилась по жребию. Все поля делились на большие участки, достающиеся отдельным группам крестьян (*имана*) в 8–10 человек. Большие участки вновь по жребию распределялись между ними. К началу XX века при переделе стало учитываться качество земли.

Некоторые коррективы в традицию общинного землепользования внесли социально-экономические изменения, произошедшие в стране во второй половине XIX – начале XX веков. Быстрое проникновение капиталистических отношений в татарскую деревню привело к сильному социальному расслоению. Наряду с богатыми крестьянами и «середняками», в рассматриваемых деревнях сформировались группы бедноты, фактически не имевшие средств производства, а часто и надельной земли. По данным волостных правлений, на 1 октября 1906 года в Старом Ашите насчитывалось 36 безземельных семей, в Новом Кинере – 15, в Старом Кинере – 7, в Ташкичу – 2, в Мамсе – 10. Кроме того, в Новом Кинере 23 домохозяйства сдавали свои наделы в аренду, используя полученные деньги на оплату государственных повинностей и налогов. В Старом Кинере таких домохозяйств было 11, в Ташкичу – 24⁴⁷.

Другим явлением, связанным с трансформацией социально-экономической ситуации в татарской деревне в пореформенный период, стало появление «единоличников», самостоятельно принимавших решение в области своей хозяйственной деятельности, в том числе и в сфере землепользования. В случае рассматриваемых

---

⁴⁷ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 1. Казанский уезд. Казань: Типо-литография И.В. Ермолаевой, 1907. С.24–25, 68–69, 72–73.

деревень этот процесс был тесно связан с широким распространением среди местных жителей торговой деятельности и отхожих промыслов. Наиболее деятельные и предприимчивые крестьяне (*кара байлар*), разбогатев на торговле и промыслах, имели возможность инвестировать средства в покупку земли, которая, как правило, сдавалась в аренду или обрабатывалась наемным трудом.

В 1906 году земские органы зафиксировали в Старом Ашите два единоличных хозяйства, владевших 62 дес. удобной для хлебопашества земли. Причем эти владения сформировались не за счет общинных земель крестьян дер. Старый Ашит, а посредством покупки земельных участков на свободном рынке (наделы находились в Уржумском уезде Вятской губернии)⁴⁸. В это же время в Старом и Новом Кинере числилось 19 единоличных домохозяйств, владевших 399 дес. земли, в Мамсе 2 единоличных домохозяйства владели 155,8 дес. удобной земли⁴⁹. Как и в случае со Старым Ашитом, наделы находились в Уржумском уезде Вятской губернии.

Резкий рост численности единоличников происходит в результате столыпинской аграрной реформы (1906–1911 гг.). Ее проведение было направлено на создание в деревне предприимчивого и независимого частного собственника, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земли, ликвидацию земельной чересполосицы. В ходе реформы в 1907–1909 гг. всего по Казанской губернии из общины вышли 17821 домохозяин. К этому времени за ними числилось 96682,1 дес. пашни и 23544,2 дес. прочих угодий⁵⁰. Формирование частного землевладения привело к появлению в татарской деревне нового типа сельского обывателя – хозяина и собственника земли, не зависящего более от «мира». Единоличник мог без оглядки на общину развивать свое хозяйство в соответствии с изменяющимся спросом и экономическими реалиями времени, внедрять новые агротехнические методы, не опасаясь

---

⁴⁸ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.1310. Л.59–60.

⁴⁹ Там же. Л.42–45.

⁵⁰ Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С.75.

лишиться своего участка при следующем переделе, улучшать качество земли. Тем не менее, новая модель системы земельной собственности не получила широкого распространения. В рассматриваемых татарских селениях вплоть до революции 1917 года подавляющее большинство жителей продолжали сохранять общинный характер хозяйствования.

Земледелие и хозяйственная культура

Х.З.Багаутдинова

Четкое распределение и размежевание земельных участков сельских общин произошло в результате Генерального межевания, проводившегося в Среднем Поволжье в конце XVIII – начале XIX века. В ходе межевания исследуемые татарские деревни вошли в состав нескольких «государственных дач».

Старый Ашит. Деревня Старый Ашит образовывала отдельную государственную дачу вместе с дер. Старый Тазлар и починком По речке Мокша. Общий земельный фонд общины составил 1881,3 дес. удобной и неудобной земли. Из них 48,7 дес. были отведены под усадьбы и огороды, 1665,7 дес. – под пашню, 165,1 дес. – под сенокосы, 1,8 дес. – под выгон скота. Аренда одной десятины пахотной земли дер. Старый Ашит в озимом поле в середине XIX века оценивалась в среднем в 1 руб. 50 коп., в яровом – в 1 руб. 10 коп., сенокосных лугов – в 3 руб. 15 коп. Наделы крестьян находились в 3 верстах от деревни на ровном возвышенном месте. Озимое поле засевали в основном рожью, яровое – овсом, полбой и гречихой⁵¹.

Начало посевного сезона зависело от конкретных климатических и природных условий. Вспашку под яровое поле начинали весной, после того как полностью высохла земля, что соответствовало середине апреля. В первую очередь засевали холодостойкими культурами, которые могли перенести весенние заморозки (овес и полба). Под яровые хлеба обычно ограничивались одной, реже дву-

---

⁵¹ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.109. Л.179–184.

мя вспашками, с последующим боронованием в два-три следа. Как правило, сначала сеяли «под борону», т.е. вспахивали землю, засеивали ее, а потом бороновили пашню. После окончания ярового сева начинали обрабатывать паровое поле под посев озимых: в первый раз пар вспахивали в конце мая – начале июля, после чего бороновили. Окончательную запашку делали непосредственно перед посевом озимых. Сев ржи проводили в начале августа⁵².

По данным 10-й государственной ревизии (1858 г.), средний душевой надел староашитцев составлял 3,18 дес. земли, что было недостаточно для нормального обеспечения крестьянской семьи. Хроническое малоземелье создавало богатую пищу для ссор и тяжб. Несмотря на периодические переделы, крестьяне часто были недовольны качеством и количеством своих наделов и сенокосных участков. Порой такие конфликты возникали между соседними общинами и крестьянскими хозяйствами. Такие случаи нашли отражение на страницах архивных документов. В 1823 году жители Старого Ашита подали коллективную жалобу в Казанский земский суд на служилого татарина дер. Кинер-Пинер (ныне дер. Кунгер Атнинского р-на РТ) Хамита Ибрагимова. Суть дела заключалась в том, что Х. Ибрагимов, по мнению староашитцев, без разрешения перестроил водяную мельницу, которую арендовал у них на 10 лет. В результате возведения новой дамбы и плотины у крестьян были затоплены сенокосные луга в объеме 200 копен, располагавшиеся в пойме р. Ашит. В ходе разбирательства дела оказалось, что при составлении арендного контракта были допущены существенные нарушения закона. В результате контракт был аннулирован, а мельница возвращена в ведение местной общины⁵³.

Благодаря развитию агрономии и истощению земельных наделов староашитцы в XIX веке внедряют практику унавоживания усадебных и пахотных земель. Этому способствовало наличие в деревне большого количества бесплатных, «безхозных» органических удобрений, являвшихся результатом функционирования местного

---

⁵² Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. С.29–30.

⁵³ ГА РТ. Ф.15. Оп.1. Д.6. Л.40–41.

базара и постоянных дворов. В 1860-х годах унавоженные участки пашни располагались в западной оконечности деревни и простирались на $\frac{1}{2}$ версты до оврагов Тиран Илга (*Тирэн елга*) и Ташли Илга (*Ташлы елга*). В то же время удобряемые участки составляли сравнительно малую долю в общем объеме наделов – всего 480,1 дес. Их расширению препятствовала общинная психология, лишавшая наиболее предприимчивых и деятельных хлебопашцев мотивации к «подкармливанию» земли органическими удобрениями. Они понимали, что после очередного передела вполне могли лишиться данных участков. Как писал один из чиновников Министерства внутренних дел, «переделы на слишком короткие сроки препятствуют удобрению (у татар. – *Х.Б.*). Крестьянин неохотно унавоживает землю, которая в первый же год после удобрения может быть у него отнята и передана в пользу другого двора»⁵⁴. Кроме того, для роста плодородия почв путем унавоживания требовались серьезные трудовые и логистические издержки.

Таким образом, основу общинных земель местных жителей составляли неудобряемые пашни, лежавшие к востоку от оврага Шатул-Илга (*Шатул елга*) до межи с владениями крестьян дер. Старый Тазлар; к югу и к юго-востоку – от удобряемой земли до границ владений жителей деревень Новый Кишит и Старый Тазлар⁵⁵. По качеству неудобряемые пашни делились на земли 2-го разряда (преобладание светло-серого суглинка) в количестве 1000,3 дес. и земли 3-го разряда (преобладание глинозема) в количестве 185,3 дес.

Весьма развито было у староашитцев усадебное хозяйство. Этому в немалой степени способствовало наличие в деревне базара. В «Хозяйственном описании деревень Мамсинской волости», датированном началом 1860-х годов, отмечалось, что «усадебные представляют выгоды для крестьян тем, что в этой деревне установлен еженедельный базар, на котором они могут сбывать свои сельские произведения, а некоторые хозяева по причине же базара занима-

---

⁵⁴ Цит. по: Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. С.26.

⁵⁵ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.109. Л.180 об.

ются мелочною торговлею и другими промыслами»⁵⁶. На усадебных участках, занимавших площадь до 600 саженой, выращивались овощи и отчасти фрукты. В пореформенный период в деревне получает популярность разведение картофеля.

Под сенокосы отводились участки в пойме р. Ашит и близлежащие овраги. Для заготовки сена использовался пырей с примесью мятлика и дятлины (клевер луговой), а также другие листовые травы. Жители Старого Ашита, как, впрочем, и жители других исследуемых поселений, за исключением дер. Ташкичу, перераспределяли сенокосы ежегодно. Луга делили по душам мужского пола, когда каждый домохозяин косил и заготавливал сено отдельно на своих участках, или на более значительные «делянки», распределявшиеся по числу «жеребьев», в состав которых входило 10–50 душ мужского пола. Каждый такой «жеребий» косил сообща свою делянку, а заготовленные копны делились по числу душ⁵⁷. Под выгон скота использовались заливные луга вдоль р. Ашит.

В начале 1860-х годов староашитцы имели в своих хозяйствах 138 лошадей, 28 жеребят, 125 коров, 34 телят, 235 овец и коз. 53 двора считались безлошадными⁵⁸. По кадастровой оценке середины 1880-х годов, в среднем на одно хозяйство деревни приходилось 0,9 лошадей⁵⁹. Скот являлся одним из важнейших факторов благосостояния крестьянского хозяйства. Кроме производимой им мясной и молочной продукции, он давал навоз, который был жизненно важен для удобрения земли. И так небольшое количество скота часто сокращалось в неурожайные годы, когда его приходилось забивать, от эпидемий и пр. Имеются сведения, что во время волнений татар в Мамсинской волости, имевших место в 1878 году, солдаты, пришедшие с губернатором Н.Я. Скарятиним, забивали крестьянский

---

⁵⁶ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.109. Л.180.

⁵⁷ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.36.

⁵⁸ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.109. Л.179.

⁵⁹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. Приложение. С.9.

скот на прокорм. Пострадавшие крестьяне в течение ряда лет пытались добиться компенсации за понесенные убытки⁶⁰.

Настоящим бедствием для крестьянских хозяйств являлись эпидемии скота. Например, в 1886 году в Старом Ашите вспыхнула эпидемия сибирской язвы, пришедшая вместе с кожами, которые скупали жители поселения. Крестьяне скрывали начало эпидемии, чтобы продолжать торговлю, в результате из 700 лошадей, имеющихся в деревне, осталось только 200, и болезнь стала переходить на людей. Для борьбы с ее распространением в Казанский уезд назначили 7 конных ветеринарных стражников, из них 2 в Казань и по одному в деревни Большой Менгер, Большая Атня, Балтаси, Старый Ашит и Старый Тазлар. Они следили за состоянием скотомогильников. В Старом Ашите и Большой Атне, куда пригоняли скот на базары, наблюдали, чтобы животных не продавали без расписок сельских старост, удостоверяющих, из какой местности приведен скот. Отмечалось, что особенно добросовестно относится к своему делу стражник в Старом Ашите. Но, несмотря на это, на базарах все равно продавалось много скота с подложными расписками старост. За такое преступление были отданы под суд три скотопромышленника дер. Старая Сердобряжка (ныне дер. Пичментау Арского р-на)⁶¹.

За пользование землей местные крестьяне платили высокие сборы и налоги. В 1880-х годах они выплачивали в пользу казны 1409 руб. 8 коп. подушной подати, 1854 руб. 62 коп. оброчной подати, 138 руб. 52 коп. государственного земельного налога. Кроме того, на них налагались общественные сборы: земский (496 руб. 76 коп.), мирской (201 руб. 98 коп.). Таким образом, общая годовая налоговая нагрузка на поземельную общину составляла 4101 руб. 46 коп., на 1 душу м.п. – 6 руб. 10 коп.⁶²

---

⁶⁰ См.: Приложение №5.

⁶¹ Постановления Казанского уездного земского собрания XXIII очередного с 15-го по 24-е октября 1887 года. Казань, 1888. С.274.

⁶² Постановления Казанского уездного земского собрания XXIII очередного с 15-го по 24-е октября 1887 года. Казань, 1888. С.274.

Старый Кинер и Новый Кинер. По плану Генерального межевания, поземельная община деревень Старый и Новый Кинер образовывала общую государственную дачу с соседними деревнями По речке Ломбе, Старая Сердобряжка, Шишор, Ясачная Сердобряжка и починками Собакаевский и Бигашевский. Во владении местных жителей находилось 2299,8 дес. удобной и неудобной земли. Из них 70,9 дес. находились под усадьбами и огородами, 1886,6 дес. – под пашней, 281,5 дес. были отведены под сенокосы, 60,8 дес. – под выгон скота. Аренда одной десятины пахотной земли Кинерской общины стоила в год: 1 руб. 29 коп. в озимом и 90 коп. в яровом поле. Аренда сенокосных лугов обходилась в среднем в 3 руб. 1 коп.⁶³

В конце 1850-х годов средний душевой надел местных жителей составлял 2,37 дес., что было существенно меньше, чем в соседних татарских селениях.

Сильный «земельный голод» и низкое качество почв заставляли крестьян относиться рачительно к своему основному богатству – земле, способствовали внедрению более эффективных форм хозяйствования. Этими же причинами можно объяснить весьма высокие показатели удобрения пашни. Татары-хлебопашцы понимали высокую ценность унавоживания земли – ведь в условиях малопродуктивных почв лесостепной зоны использование удобрений в среднем на $\frac{3}{4}$ повышало урожайность⁶⁴. По данным «Оценочных документов Казанского уезда», в начале 1860-х годов. 1543,21 дес. Пашни, принадлежавшей кинерской общине, считались удобряемыми, что составляло 82% от общего количества земли, отводившейся под пашню. При этом по качеству 629,7 дес. относились к первому (темно-серый суглинок с толщиной плодородного слоя до 5 вершков), 600,2 дес. – ко второму (темно-серый суглинок с толщиной плодородного слоя до 4 вершков), 313,3 дес. – к третьему разряду (темно-серый суглинок с толщиной плодородного слоя до 3 вершков). Неудобряемые земли (343,4 дес.) располагались на отдаленных участках к северо-востоку от дер. Новый Кинер на расчищенных участках леса⁶⁵.

---

⁶³ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.1 об., 4.

⁶⁴ Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1907 г. Казань, 1909. С.49–50.

⁶⁵ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.1–6 об.

Усадебные участки распределялись под дома и хозяйственные постройки, гуменики и огороды. Огородничество у кинерцев не пользовалось особой популярностью и не получило широкого распространения. На приусадебных участках сажали репу, капусту, лук и картофель. Выращенные продукты питания использовались только для собственных нужд.

Сенокосы делились на ежегодные и двухтретные⁶⁶. Они находились по берегам рек Ашит, Шошма и Безымянная, вдоль оврагов и на лесных опушках. Сенаж изготовляли из многолетних листовых трав: метлика и пырея, а также осоки. Под выгон скота отводились участки на заливных полях и оврагах. Общая доля сенокосов в земельном фонде деревень Новый и Старый Кинер, как, впрочем, и в других рассматриваемых деревнях, была весьма незначительной. В связи с хронической нехваткой пашенных земель под них использовались практически все удобные для хлебопашества земли. Если нормальное соотношение пашни к сенокосу в дореволюционный период составляло 1:1, то в случае кинерской поземельной общины данное соотношение было примерно 100:2. В связи с этим местные жители не имели возможности заготавливать достаточное количество сена, что сказывалось на поголовье мелкого и крупного скота. В начале 1860-х годов крестьяне имели в своих хозяйствах 302 лошади, 89 жеребят, 428 коров, 137 телят, 1388 овец и коз. 46 дворов считались безлошадными⁶⁷.

В 1880-х годах кинерская поземельная община выплачивала в пользу казны: 2228 руб. 76 коп. подушной подати, 2225 руб. 83 коп. оброчной подати, 247 руб. 54 коп. государственного земельного налога, 670 руб. 85 коп. лесного налога. Кроме того, на нее налагались общественные сборы: земский (721 руб. 39 коп.), мирской (398 руб. 64 коп.). Таким образом, общая налоговая нагрузка на поземельную общину составляла 6533 руб. 1 коп. в год, на 1 душу м.п. – 5 руб. 29 коп.⁶⁸

---

⁶⁶ Сенокосные участки, на которых из-за низкой продуктивности сено заготавливали из трех лет только два года.

⁶⁷ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.1.

⁶⁸ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. Приложение. С.5.

Ташкичу. По плану Генерального межевания дер. Ташкичу вместе с починками Байчуриинский (Мамся), на Окше, Березняк, а также деревнями Баклауш (Пшенгер), По речке Урмяк, Шушмабаш, Ишнарат и Угузиловка составляли одну общую дачу. Во владениях ташкичинцев находилось 1817,8 дес. земель. Из них 34,7 дес. составляли усадебные земли, 1280,6 дес. – пашни, 477,3 дес. – сенокосные луга, еще 25,2 дес. отводились под выгон домашнего скота. Средний душевой надел крестьян в конце 1850-х годов составлял 4,12 дес. удобной и неудобной земли⁶⁹.

Пашня разделялась на удобряемую и удобряемую, причем первая в процентном отношении явно уступала второй. Общий фонд удобряемых земель составлял 326,8 дес. (27%), удобряемых – 953,8 дес. (73%). Земли первой группы располагались к югу от деревни, по обе стороны оврага Ташкичинский на расстоянии до 1 версты, и к северу на расстояние 1 версты по обе стороны дороги, идущей в дер. Урмяк. Неудобряемые земли лежали к «югу от удобряемых земель по обе стороны Ташкичинского оврага, по границе владения деревни Ашит к служилых татар деревне на Янгушевских сенных покосах, к северу от удобряемых земель до Лашманского оврага и расчищенные поляны в лесах, ... начиная от Атаманского оврага до леса». Средняя стоимость арендной платы 1 дес. земли озимого поля составляла 1 руб. 29 коп., ярового поля – 90 коп., сенокосных лугов – от 2 руб. 45 коп. до 56 коп. в зависимости от качества произрастающих трав⁷⁰.

Сенокосы и выгоны располагались вдоль берега р. Ашит и близлежащих оврагов. Преобладали метличные травы с примесью цветочных. Жители дер. Ташкичу практически не перераспределяли сенокосы: за каждым домохозяйством закреплялся свой участок⁷¹. В начале 1860-х годов ташкичинцы имели в своих хозяйст-

---

⁶⁹ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.71–79 об.

⁷⁰ Там же. Л.79–79 об.

⁷¹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.36.

вах 139 лошадей, 25 жеребят, 183 коров, 47 телят, 628 овец и коз. 12 дворов считались безлошадными⁷².

В 1880-х годах ташкичинская община выплачивала в пользу казны: 1008 руб. 60 коп. подушной подати, 1135 руб. 19 коп. оброчной подати, 167 руб. 16 коп. государственного земельного налога, 219 руб. 62 коп. лесного налога. Кроме того, на нее налагались общественные сборы: земский (502 руб. 9 коп.) и мирской (180 руб. 40 коп.). Таким образом, общая налоговая нагрузка на поземельную общину составляла 3213 руб. 6 коп. в год, на одну душу мужского пола в среднем приходилось 6 руб. 68 коп. налогов⁷³.

Мамся. Община дер. Мамся располагала 1996,9 дес. земли. Из них 42,8 дес. находились под усадьбами и огородами, 1552 дес. – под пашней, 389,9 дес. – под сенокосными лугами, 12,2 дес. – под выгоном. Средняя стоимость арендной платы 1 дес. земли озимого поля составляла 1 р. 12 коп., ярового поля – 78 коп., сенокосных лугов – от 2 р. 45 коп. до 63 коп. в зависимости от качества произрастающих трав.

На одну душу мужского пола в середине XIX столетия приходилось 4,39 дес. земли. Удобряемые земли (547,3 дес.) лежали к западу от селения, по обе стороны дорог в деревни Старый Ашит и Шинер-Кинер (Старый Кинер); к северу по левую сторону речки Окша; на востоке – по обе стороны от безымянного оврага и к югу до безымянного ручья около мельницы. Неудобряемые земли (1004,7 дес.) располагались по границе с владениями государственных крестьян дер. Шинер-Кинер, на северо-востоке – от удобряемых земель до леса и владений жителей дер. Ташкичу.

Под сенокосы и выгоны обычно отводились заливные луга по берегам рек Ашит и Окша. В начале 1860-х годов мамсинцы имели в своих хозяйствах 160 лошадей, 40 жеребят, 175 коров, 48 телят, 686 овец и коз. 26 дворов считались безлошадными⁷⁴.

---

⁷² ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.71.

⁷³ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. Приложение. С.5.

⁷⁴ ГА РТ. Ф.91. Оп.6а. Д.107. Л.87–88.

В 1880-х годах мамсинская община выплачивала в пользу казны 1084 руб. 60 коп. подушной подати, 1281 руб. 20 коп. оброчной подати, 169 руб. 72 коп. государственного земельного налога, 326 руб. 58 коп. лесного налога. Кроме того, на нее налагались общественные сборы: земский (501 руб. 66 коп.) и мирской (193 руб. 16 коп.). Таким образом, общая налоговая нагрузка на поземельную общину составляла 3557 руб. 18 коп. в год, на одну душу мужского пола в среднем приходилось 6 руб. 71 коп. налогов⁷⁵.

После проведения аграрной реформы 1866 года и перераспределения сельскохозяйственных земель татарские хлебопашцы Среднего Поволжья получили значительно меньше наделов, чем прежде. Их средний размер составлял от 3,9 до 5,5 дес. на душу. В связи с тем, что наделы жителей исследуемых татарских деревень были и так весьма малы, данные реформы практически не привели к сокращению земельных фондов их общин. Напротив, за счет распашки неудобных для земледелия лесистых участков им удалось несколько увеличить количество обрабатываемой земли. В начале XX века, по данным владенных записей, крестьяне дер. Старый Ашит располагали 1995,2 дес. земли, в том числе 1918,7 дес. удобной; за жителями деревень Старый и Новый Кинер числилось 4122,5 дес., из них 4046,8 дес. удобной; жители дер. Ташкичу имели 2573,6 дес., в том числе 2530,2 дес. удобной; крестьяне дер. Мамся владели 2721,9 дес. земли, из них 2675,9 дес. удобной. В то же время, в связи с постепенным ростом народонаселения, количество надельной земли неуклонно сокращалось. К 1906 году средний душевой надел поземельной общины дер. Старый Ашит составлял 2,8 дес., деревень Старый и Новый Кинер – 2,6 дес., дер. Ташкичу – 4,8 дес., дер. Мамся – 4 дес. удобной земли⁷⁶.

---

⁷⁵ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. Приложение. С.5.

⁷⁶ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып.1. Казанский уезд. Казань: Типо-литография И.В. Ермолаевой, 1907. С.22–25, 66–69, 70–73.

По средней кадастровой оценке начала 1880-х годов, с одной десятины пашни местные жители получали до 30 четвертей хлеба, что соответствовало второй категории плодородия почв⁷⁷.

Основным земледельческим орудием труда татар-хлебопашцев этого региона была обыкновенная соха с двумя сошниками. Применялась «русская» соха с прямой палицей, отваливавшая землю на обе стороны, реже – «вятская» с кривой палицей. Использовалась также «косуля» (среднерусская соха с одним лемехом)⁷⁸. При распашке новых участков земли с глубоким слоем дерна применялся также тяжелый сабан. В качестве тягловой силы использовались лошади. В зависимости от состояния почв и материального обеспечения крестьян запрягали от одной до двух лошадей. В конце XIX – начале XX века начинают активно внедряться заводские и изготовленные кустарно металлические плуги. Основным орудием боронования оставалась классическая деревянная рамная борона.

Для жатвы хлеба вплоть до конца XIX столетия в основном использовались серпы. Безусловным преимуществом данного орудия труда являлись минимальные потери зерна при уборке, что имело немаловажное значение в условиях низких урожаев в зонах рискованного земледелия. При этом использование серпа было весьма трудоемким и малопродуктивным способом жатвы. В конце XIX века большую популярность при уборке озимых приобретают косы-литовки, ускорявшие процесс в 2–3 раза и значительно облегчавшие труд хлебопашца. Для уборки хлеба в основном использовались грабли и вилы, для обмолота – цепи⁷⁹.

Для помола зерна применялись мельницы. Наличие крупных речных артерий благоприятствовало развитию в регионе сети ротационных водяных мельниц. Изредка встречались и ветряные мельницы. По данным И.А. Износкова, в пользовании сельской общины дер. Старый Ашит находились две мукомольные мельницы, дер.

---

⁷⁷ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.99.

⁷⁸ Там же. С.54.

⁷⁹ Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. С.96–100.

Мамся – одна водяная мельница, дер. Новый Кинер – по одной водяной и ветряной мельнице, дер. Ташкичу – две водяные мельницы⁸⁰. Эти мукомольные предприятия ежегодно производили до 2200–3000 пудов муки и крупы, использовавшихся преимущественно для нужд местного населения⁸¹. Мельницы находились в собственности или аренде у местных жителей, или же у пришлых промышленников. Например, в 1870-е годы одна из мельниц в дер. Ташкичу арендовалась «заштатным причетником» Павлом Красновидовым за 54 руб. в год, другая – арской купеческой женой Бибигазизяной Абряшитовой за 53 руб. 13 коп. Мельница, арендуемая Валием Насыровым и Гайнуллой Хасановым в дер. Старый Ашит, обходилась им в 81 руб. Мухаметгалей Фаткуллин за аренду водяной мельницы в дер. Мамся ежегодно выплачивал сельской общине 50 руб.⁸² По мере развития прогресса технические новшества входили и в эту сферу жизни селян. В 1910-е годы житель Нового Кинера Галим Нафикович Нафиков приобрел «нефтяную мукомольную мельницу», которая работала на двухтактном двигателе шведской компании «Экваль» мощностью «в 20 силах молотовых». Мельница производила до 20000 пудов крупы и 1000 пудов «лопачной муки», ее обслуживали 2 работника. Общий торговый оборот мельницы за 1916 год составил 2200 руб.⁸³

Мука и крупа для повседневных нужд извлекались крестьянами с помощью деревянных ручных мельниц и крупорушек-ступ. Полученное зерно и муку хранили в срубных одно- и двухкамерных клетях. Внутри клетей сооружали сусеки из половинок бревен, жердей теса или самана. Сусеки делились на камеры для отдельных видов зерна и муки⁸⁴.

---

⁸⁰ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885. С.1–4, 6.

⁸¹ ГА РТ. Ф.81. Оп.1. Д.110а. Л.110 об., 159 об. –160.

⁸² Там же.

⁸³ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.11469. Л.1–27.

⁸⁴ Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. С.110.

Торговля и промыслы

Х.З.Багаутдинова

Несмотря на маленькие душевые наделы земли, низкую урожайность и высокую налоговую нагрузку, местные жители считались «достаточными» крестьянами, а сами деревни слыли довольно богатыми. Среди сельских обывателей было много зажиточных, по меркам дореволюционной татарской деревни, и даже состоятельных семейств. Этому способствовали высокая социальная мобильность и предприимчивость местных татар. Большинство из них, наряду с хлебопашеством и скотоводством, занималось неземледельческими занятиями, в первую очередь мелкой торговлей. Развитию торговли среди татар этой местности способствовало наличие вблизи крупного Уржумского тракта, связывавшего Казанскую и Вятскую губернии.

Для местных жителей торговля традиционно являлась весьма важной и значимой, а для некоторых домохозяйств и основной сферой деятельности, приносившей им значительно больший доход, нежели хлебопашество. Важную роль в этом играла социальная психология татарского населения региона. Несмотря на то, что к XIX столетию процесс деклассирования бывшего татарского служилого сословия здесь фактически завершился, у их потомков сохранились историческая память о принадлежности к военно-феодальной элите татарского общества – «белой кости» (*ак сөяк*) и тесные связи с представителями бывшего татарского служилого класса в других регионах. Это позволяло им, несмотря на принадлежность к «крестьянскому миру» средневолжской деревни, не замыкаться исключительно на аграрной сфере производства.

Старый Ашит. По сведениям И.А. Износкова, в середине 1880-х годов мелкой отхожей торговлей в дер. Старый Ашит занимались 12 чел., извлекавших из этого дела ежегодно до 650 руб.⁸⁵ В Государственном архиве РТ сохранился список жителей Старого Ашита, занимавшихся мелкой торговлей в 1904 году. Документ дает общее

---

⁸⁵ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XV. Больше-Менгерская волость. Казань, 1885. С.1.

представление о торговой и промышленной специализации местных крестьян. Согласно ему, житель деревни Тухватулла Гайнуллович Хасанов держал торговые лавки и 2 складских помещения на Старо-ашитском и Арском базарах, торговал мануфактурными товарами и имел приказчика Габдуллазяна Тохфатуллоевича Хасанова (оборот 2000 руб.). Крестьянка Фатыйха Ибрагимова держала торговую лавку по продаже чая с годовым оборотом в 80 руб. Торговые лавки имели также Гизатулла Файзуллин (200 руб.), Хайрулла Хабибуллин (100 руб.), Ахметгарей Ахметгалиев (150 руб.), Мухаметюсуп Якупов (120 руб.)⁸⁶. Ахметзян Гизатуллоевич Хасанов и его сын Хакимзян Ахметзянов держали торговые лавки на крупнейших базарах Казанской губернии. В базарные дни торговали в своих домах белым и ржаным хлебом, печеньем, а также горячей водой для чая Мухаметгалий Абдулхалеков, Мухаметзян Сулейманов, Мухаметгамин Гадеев и Шагимардан Мухаметгалиев⁸⁷.

Некоторые из крестьян, обогатившись на мелочной торговле, становились крупными купцами и промышленниками. В частности, в начале XX века Абдрахман Басыров открыл в Казани в доме наследников купца Юнусова торговые лавки по продаже «хлебно-бакалейных товаров». Оборот торговых предприятий А. Басырова за 1905 год составил 25000 руб.⁸⁸ В доме Юнусова держал торговую лавку по продаже чая и Абдулвалей Абдулбасыров (ежегодный оборот 12000 руб.)⁸⁹. На ул. Большой в Казани в своем доме держал лавку по продаже продуктов питания Муса Исхаков (ежегодный оборот 700 руб.)⁹⁰.

Наличие большого количества торговых людей и просто богатых жителей оказало влияние на архитектуру Старого Ашита. Наряду с характерными для татарской деревни деревянными домами и хозяйственными постройками, возведенными без определенного

---

⁸⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.37 об.–38; 32 об.–33.

⁸⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13832. Л.3 об.–4, 22 об.–23, 58 об.–59, 62 об.–63; 63 об.–64.

⁸⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2606. Л.278 об.–279.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.5779. Л.853 об.–854.

плана, здесь имелось много больших, добротных домов и торговых заведений. Были и кирпичные строения. В частности, до сих пор сохранились каменные здания торговых магазинов Гайнуллы бая (1823–1894) и его сына Гатауллы бая (1862–1927).

Представители сельской татарской буржуазии, разбогатевшие в сфере торговли, вели активную меценатскую деятельность, финансировали проекты в области развития школьного и религиозного просвещения своих соплеменников. Например, торговец Мухаммаджан Кулаков (ум. 1 июня 1909 г.), который был родом из дер. Старый Ашит, но жил в г. Уральске, построил там каменное медресе и большие мечети в селениях Калмыковка и Новая Казанка⁹¹. В 1911 году местный купец Тухфатулла Хасанов пожертвовал 25 рублей жителям Семиреченской области (Средняя Азия), пострадавшим от землетрясения⁹². В 1914 году несколько жителей Старого Ашита открыли артельную лавку и 1/3 дохода от нее решили отдавать школе для девочек в дер. Кшкар⁹³.

Одним из распространенных механизмов поддержки татарских культурно-просветительских институтов со стороны торговой буржуазии являлись вакуфы. Желая помочь развитию просвещения и сделать «богоугодное дело», баи передавали часть своего недвижимого имущества в пользу медресе, мечети и пр. Получаемый от нее доход должен был тратиться на содержание мугаллимов (учителей), шакирдов (учеников), имамов (мулл), строительство и обновление зданий.

Такая практика существовала и среди богатых жителей Старого Ашита. В фонде Оренбургского магометанского духовного собрания Национального архива Республики Башкортостан сохранилось вакуфнаме (документ на передачу имущества в вакуфный фонд) Тухватуллы Гайнулловича Хасанова (1847–1926)⁹⁴. В нем говорится о передаче в 1917 году Тухватулла баем 116 дес. земли, находив-

---

⁹¹ Йолдыз. 1909. 9 июль. Б.3.

⁹² Йолдыз. 1911. 20 март. Б.3.

⁹³ Кояш. 1914. 18 февраль. Б.4.

⁹⁴ Сын Гайнуллы Хасанова (1823–1894). Сохранились надмогильные камни представителей этого клана на кладбище дер. Старый Ашит. Их описания см.: Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. Б.44, 49, 50.

шейся в Уржумском уезде Вятской губернии, «в честь Аллаха» в вакуфное владение. Средства, получаемые с этого вакуфа, должны были пойти на строительство и содержание мечетей и школ в деревнях Старый Ашит (*Иске Ашыт*), Служилая Ура (*Байлар Орысы*), Старый Куллар (*Иске Коллар*), Иске Юрт (*Иске Авыл*), Ашитбаш (*Ашытбаш*), Наласа, Нижний Утар (*Тубән Утар*), Хасаншаех (*Хасәншиәх*) Казанской и Вятской губерний⁹⁵.

Важное место в жизни многих жителей Старого Ашита занимал местный базар. По данным Ш.Марджани, он открылся еще в 1805 году⁹⁶. Обслуживанием торгов, содержанием постоянных дворов и торговых лавок были заняты многие староашитцы. В середине 1870-х годов в деревне работали 15 торговых и одно питейное заведение, 7 харчевен⁹⁷. Наряду с продуктами питания и товарами народного потребления на базаре продавали строевой лес, дрова, мох, мочало, глиняную и деревянную посуду, земледельческие орудия и другие кустарные изделия⁹⁸.

По данным 1867 года, за торговый день здесь в среднем сбывалось: ичигов и татарских калош – 24 штуки, дров – до 15 сажень, бревен – 25 штук, птицы – 10 тушек, шкур – 20 штук, ржи – 25 пудов, овса – 30 пудов, муки ржаной – 30 пудов, муки пшеничной – 15 пудов, крупы – 6 пудов, соли – 5 пудов, солоду – 5 пудов, коров – 5 голов, поташа – 15 штук, холста – 10 кусков, семян льна – 3 пуда, семян конопли – 3 пуда, постного масла – 2 пуда, рыбы сухой – 5 пудов, посуды разной – 170 штук, свечей сальных – 3 пуда. Всего в базарный день привозилось товаров местного изготовления на сумму 700 руб., их них полностью продавалось товаров на 250 руб. Кроме того, на староашитском базаре торговали фабричными и привозными изделиями. Ежедневные объемы продаж составляли:

---

⁹⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.10. Д.375. Б/л.

⁹⁶ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.229.

⁹⁷ Список населенных мест Казанской губернии. Вып.1. Составил член и секретарь Казанского губернского статистического комитета Н.Н. Вечеслав. Казань, 1879. С.114–115.

⁹⁸ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.166. Л.16–17.

ситца – 80 штук, шалей – 30 штук, сукна – 10 штук, трико⁹⁹ – 20 штук, шелковых и шерстяных материй – 20 штук, сахару – 2 пуда, чаю – ½ пуда. Общая сумма завозимых товаров колебалась в районе 1000 руб., полностью продавались в течение торгового дня товары на сумму 200 руб. Всего в указанный период на базаре торговало до 30 человек, из них 20 были местными жителями. Средняя арендная плата за один торговый день составляла 5 руб. 47 коп.¹⁰⁰

Староашитский базар был крупнейшей торговой площадкой Завказанья. По рассказу информатора, уроженки дер. Старый Ашит Шарафиевой Мадина Салахетдиновны (1920 г.р.), на базар, проводившийся каждый четверг, даже в 1920-е годы собиралось большое количество народа со всего Среднего Поволжья. Они, в то время маленькие дети, после базара ходили по торговым рядам и собирали мелкие монеты, потерянные посетителями¹⁰¹.

Наряду с положительными сторонами развитой базарной торговли в деревне, необходимо отметить и ее отрицательные проявления для жизни староашитцев. Наплыв большого количества разномастного праздного народа в базарные дни приводил к росту преступности, возникновению конфликтов и беспорядков. Негативное влияние на нравственное состояние местного населения, особенно молодежи, оказывало наличие в деревне питейных заведений. Один из кабаков Староашитского базара принадлежал крестьянину Мамадышского уезда Казанской губернии Михаилу Осиповичу Бигинову. Ежегодно в нем продавалось до 480 ведер крепкого алкоголя на сумму 1440 руб. Второе питейное заведение содержал мещанин г.Арска Алексей Алексеевич Барышев, продававший до 480 ведер на сумму 1440 руб.¹⁰² По оценке старшего поколения дер. Старый Ашит, винная торговля «приносит исключительно только одни неприятности, потому что наше молодое поколение, благодаря дешевизне водки, стало

---

⁹⁹ Трико – род шерстяной ткани, которые идет на верхнее платье, называется сукно.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.36. Л.128–129.

¹⁰¹ Полевые материалы экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2017 год. Информатор из д. Старый Ашит Шарафиева Мадина Салахетдиновна (1920 г.р.).

¹⁰² ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.36. Л.129 об.–130.

пьянствовать, по ночам учинять безобразия, в базарные дни постоянно на улице происходят ссоры, драки, кражи, по поводу которых нам приходится усиливать надзор – по наблюдению за порядком, а также является и небезопасным в пожарном отношении ...»¹⁰³.

В 1903 году по инициативе старосты Абдулхалика Абдуллатыпова, других авторитетных жителей деревни, а также мусульманского духовенства, был составлен приговор с настоятельной просьбой к губернской администрации о закрытии питейных заведений. Под обращением подписались главы 172 семейств Старого Ашита¹⁰⁴. Этот приговор был поддержан земским начальником 5-го округа Казанского уезда¹⁰⁵. Управляющий акцизными сборами Казанской губернии со своей стороны также не нашел оснований, препятствующих закрытию винной торговли в деревне. Благодаря настойчивости староашитцев, винная лавка была закрыта в начале 1904 года. По этому поводу крестьяне в письме от 9 июня 1904 года выражали благодарность казанскому губернатору П.А. Полторацкому: «по закрытии винной лавки в нашей деревне стало спокойно, за что очень благодарим Его превосходительство гос. Казанского губернатора и просим в нашей деревне, если кто из однообщественников допустит в своем доме открыть кабак – не разрешать, раньше в нашей деревне была винная лавка, тогда было беспокойно, а сейчас, как закрыли, стало очень спокойно»¹⁰⁶.

Тем не менее, в рыночные дни торговля спиртным продолжалась, оказывая негативное влияние на духовные ценности, мораль и религиозность сельчан. Перед соблазнами не могли устоять даже мусульманские священнослужители. Например, в 1915 году газета «Кояш» предала огласке следующий факт: муллы, приехавшие на базар в Старый Ашит, собирались в бане у одного местного жителя и употребляли спиртные напитки¹⁰⁷.

---

¹⁰³ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.2–4 об.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Л.6–6 об.

¹⁰⁶ Там же. Л.15.

¹⁰⁷ Кояш. 1915. 14 август. Б.4.

Помимо торговых заведений в дер. Старый Ашит имелись и небольшие промышленные заведения. В частности, здесь было организовано красильное и набивное предприятие, на котором работали 3 чел. (покраска и набивка различных тканей). В разное время оно принадлежало крестьянину с. Чепчуги Казанского уезда Вавилону и Дмитрию Тимофеевичу Макарову. Общий годовой доход заведения составлял 400 руб.¹⁰⁸ На нем обрабатывалось и красилось ежегодно до 500 кусков холста и 70 пудов пряжи¹⁰⁹. Имелось салотопенное предприятие (обработка сала, изготовление сальных свечей и мыла), а также кузница¹¹⁰. Кузница принадлежала крестьянину г. Козьмодемьянска Ефиму Леонтьеву. Ежегодно им производились различные металлические изделия общим весом до 50 пудов на сумму 310 руб.¹¹¹

Кузнечный промысел был развит в деревне и в более ранний период: в середине 1880-х годов в Старом Ашите было 2 кузнеца, зарабатывавших ежегодно до 130 руб. В это же время 8 жителей занимались обработкой лыка и коры, изготовлением из них посуды и обуви¹¹², еще 5 человек занимались выделкой рогож¹¹³. В деревне имелся мастер по изготовлению посуды и других изделий из меди и латуни (доход 120 руб.)¹¹⁴, два серебряных дел мастера (по 90 руб.), 10 мясников (225 руб.), портной (30 руб.), сапожник (25 руб.), шорник (45 руб.), плотник (30 руб.)¹¹⁵. В начале XX столетия широкую известность в округе получили каменщики и печники Старого Ашита – Фахрутдин Шамсутдинов, Мухаметамин Мухаметгалиев,

---

¹⁰⁸ ГА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.1а. Л.22–25 об.

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.36. Л.129 об.–130.

¹¹⁰ Список населенных мест Казанской губернии. Вып.1. Составил член и секретарь Казанского губернского статистического комитета Н.Н. Вечеслав. Казань, 1879. С.114–115.

¹¹¹ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.36. Л.129 об.–130.

¹¹² Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885. С.1.

¹¹³ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.592. Л.240 об.–241.

¹¹⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10502. Л.10 об.

¹¹⁵ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.592. Л.95.

Шарафутдин Шакиров, Галяутдин Фахрутдинов¹¹⁶. К их услугам прибегали как местные жители, так и крестьяне из соседних деревень. Наиболее бедные жители деревни после окончания аграрного сезона собирались в артели и нанимались разнорабочими и бурлаками на торговые суда. Широкое распространение среди местных жителей получило занятие извозом¹¹⁷.

Ташкичу. Предприимчивостью и склонностью к торговой деятельности отличались и жители дер. Ташкичу. По неполным данным, продажей различных товаров в начале XX столетия занимались Мухаметзакир Хусаинов (ежегодный торговый оборот 110 руб.), Гумер Шагимарданов (180 руб.), Мухаметзакир Хусаинов (500 руб.), Гумер Ишмухаметов (400 руб.), Каюм Габидуллин (300 руб.), Габдулбарей Каюмов (нет сведений), Гумер Ишмуратов (400 руб.), Шакирзян Ахметзянов (250 руб.), Мухаметзян Хусаинов (800 руб.), Габдулкаюм Габидуллин (850 руб.)¹¹⁸.

В самой деревне функционировали 3 лавки. Шакирзян Ахметзянов занимался продажей чая, сахара, бакалейных товаров; Гумер Шагимарданов, специализировался на продаже табака; Мухаметзакир Хусаинов, кроме лавки в Ташкичу, торговал на базарах в селениях Старый Ашит, Большой Менгер и Апазово¹¹⁹.

Выходцы из дер. Ташкичу имели торговые заведения в Казани. В начале XX столетия Загидулла Галиуллович Валеев держал магазин галантерейных товаров в доме Цимбалова (ул. Мостовая) с годовым оборотом в 5000 руб.¹²⁰ Хуснизамал Абдулнасыровна Салихова имела лавку на Базарной площади, где продавала ситцы, кумач, бумазею и платки на сумму до 1000 руб.¹²¹ Хайрулла Галиуллович Валеев арендовал бакалейную лавку в доме Малдоварова

---

¹¹⁶ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.1053. Л.100.

¹¹⁷ ГА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.45. Л.163.

¹¹⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.546–616; Д.2440. Л.441–485. Д.9401. Л.1–38; Д.13832. Л.549–637; Д.13948. Л.663–701; Д.5753. Л.1–52; Д.11469. Л.1–27; Д.11559. Л.1–35; Д.13960. Л.521–540.

¹¹⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13830. Л.678 об.–679.

¹²⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2440. Л.12 об.–13.

¹²¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2437. Л.124 об.–125.

(ул. Малая Симбирская), оборот которой составлял 1000 руб.¹²² Гилязутдин Гайнуллин держал магазин в доме купцов Юнусовых. Годовой оборот заведения, специализировавшегося на продаже «азиатской обуви», составлял 1500 руб.¹²³

Торговые интересы ташкичинцев не ограничивались пределами Казанской губернии, они ездили на ярмарки в Семипалатинск, Троицк и Оренбург¹²⁴. Причем приезжали они не на пустое место, а к своим односельчанам, проживавшим там на постоянной основе. В частности, Ш.Марджани пишет о жителях дер. Ташкичу по имени Хаджи Мухаммаджан бин Исмагил бин Мухтар бин Иштиряк, Хасан бин Ибрахим бин Исмагиле, Садыке бин Исмагил, переселившихся в Семипалатинск¹²⁵, а также о Габдельлатыфе бин Габдельвали бин Габдеррашид бин Габдельгазиз бин Габдерашид, обосновавшемся в Троицке¹²⁶. Можно предположить, что эти переселения произошли не позднее середины XIX века или даже раньше.

Кроме прочих товаров, продавались изделия собственного производства. В частности, большим спросом пользовалась продукция местных сапожников, специализировавшихся на изготовлении «азиатской» обуви (ичиги). Эта дорогая кожаная обувь делалась на заказ, сбывалась на крупных базарах, а также в Казани в торговой лавке Г. Гайнуллина. Как писал современник, специалист кожевенного дела М.А. Рылов, «выкраиваются ичиги из кож козловых и бараньих и шьются с узорами и без узоров, цветные и черные. Узоры строчатся “в рябиновку” (рябь) цветною бумагою, шелком и золотом. Ичиги состояются из трех частей: 1) «крюк», т.е. передники и голенища, вытянутые вместе, 2) «задник» и 3) «подошва». Так называемые – «двуклюшные» ичиги состояются из фигурного «клюша» (переда) голенища, задника и подошвы. Все остальные сорта ичег вырабатываются с пришивным передом, таковы так на-

---

¹²² ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.5779. Л.823 об.–824.

¹²³ Там же. Л.102 об.–103.

¹²⁴ ГА РТ. Ф.324. Оп.740. Д.37. Л.52 об.

¹²⁵ Мәржани Ш.Б. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.227.

¹²⁶ Там же. Б.228.

зываемые «вензелевые» и «дворянские» полусапожки. Последние отличаются тем, что они шьются с каблуком, на манер европейско-го полусапожка»¹²⁷.

Основным кустарным промыслом ташкичинцев являлось изготовление рогож. В середине 1880-х годов этим ремеслом в деревне занимались 34 человека (общий доход 3960 руб.). Развитию рогожно-кулеткацкого промысла среди местных жителей способствовало обилие в округе липовых насаждений в казенных и частных лесах. С другой стороны, несложность приспособлений для тканья и простота самой работы, не требующей особого умения, давала возможность использовать труд не только взрослых мужчин, но также женщин и детей обоего пола¹²⁸. Важную роль играл и высокий спрос на данный товар. Развитие широкой торговли, особенно зерновым хлебом, требовало большого количества легкого и дешевого упаковочного материала, в качестве которого выступали кули и рогожи, изготавливавшиеся из мочала местной выделки. Крупным производителем рогож, наладившим в начале XX века их массовое производство, был Шакирзян Ахметзянов. На него работали 9 домохозяйств, изготовлявших 5 тыс. рогож в год¹²⁹.

В небольшом количестве в Ташкичу были представлены и другие промыслы, ориентированные в основном на удовлетворение спроса местного населения. По сведениям земских статистиков, в 1885 году в деревне имелись 2 плотника с доходом в 30 руб., один кузнец с доходом 50 руб., работавший в собственной кузнице. Еще 6 зарабатывали извозом, приносящим до 30 руб. в год каждому¹³⁰.

---

¹²⁷ Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С.196.

¹²⁸ ГА РТ, Ф.359. Оп.1. Д.45. Л.159.

¹²⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.546–616; Д.2440. Л.441–485; Д.9401. Л.1–38; Д.13832. Л.549–637; Д.13948. Л.663–701; Д.5753. Л.1–52; Д.11469. Л.1–27; Д.11559. Л.1–35; Д.13960. Л.521–540.

¹³⁰ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885. С.6.

Старый и Новый Кинер. Торговые традиции имели глубокие исторические корни в деревнях Старый и Новый Кинер. В XIX – начале XX века здесь сложились целые купеческие династии, такие как Ермаковы, Абдрашитовы, Гайнуллины, Садыковы, Измайловы. В основном местные жители занимались мелкой торговлей на еженедельных базарах, проходивших в Заказанье. Так, в начале XX века Негаметзян Фахрутдинович Утяганов держал торговые лавки на Арском, Апазовском и Балтасинском базарах, Мухаметзян Хасанов и Гатаулла Нугуманов – на Апазовском базаре (торговый оборот 110 и 100 руб.), Мифтахутдин Багаутдинович Абдрашитов (1500 руб.), Муллагалей Байрамгалеев (100 руб.), Загидулла Вильданов (60 руб.), Мухаметзян Хасанов (400 руб.), Шарипзян Сабирзянов (1500 руб.), Байрамгалей Габдулхаликов (200 руб.), Незамутдин Зайнегабдинов Ермаков (2000 руб.), Мухаметша Садыков (1500 руб.), Абдулвахит Баязитов (300 руб.), Бибизюгра Искакова (100 руб.), Минсылу Сайфутдинова (200 руб.) Абдуллыязан Сулейманов (200 руб.) – на базарах Казанского уезда и в родной деревне¹³¹.

Многие жители уезжали торговать на Южный Урал и в Казахскую степь. Например, Хафиз-бай, Гарей-бай, Шамсетдин-бай держали торговые ряды в г.Петропавловск (по тат. Кызылжар)¹³². Здесь же обосновались и проживали представители династии новокинерских купцов Ермаковых¹³³. В г.Троицк торговал Миндаль Сайфуллин¹³⁴.

Довольно много жителей деревень Старый Кинер и Новый Кинер занимались торговлей в Вятской губернии. В конце XIX века Хабибулла Вильданов и Себегатулла Галеев заведовали торговой лавкой купца Абдуллатыпа Хакимова на базаре дер. Тюнтер Малмыжского уезда. Мухаметгариф Мухаметсадыков имел там три «базарных балагана с мануфактурным товаром». Торговать ему помо-

---

¹³¹ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885. С.6.

¹³² Әхмәтжан М. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр жынтыгы). Казан, 2014. Б.171.

¹³³ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.681. Л.15.

¹³⁴ Әхмәтжан М. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр жынтыгы). Казан, 2014. Б.171.

гали брат Ахметзян Мухаметсадыков и крестьянин дер. Пижмары Казанского уезда Ахметзян Сатрутдинов¹³⁵.

Новокинерцы активно торговали и в Казани. В начале 1900-х годов Кутдус Измаилов держал здесь лавку по продаже «щепных товаров» с торговым оборотом в 3000 руб., и палатку на Сенной площади с оборотом в 1500 руб. Один из самых богатых жителей дер. Новый Кинер Мифтахутдин Ермаков был собственником бакалейной лавки по ул. Плетневской, оборот которой оценивался в 12000 руб.¹³⁶

Торговцы и промышленники Старого и Нового Кинера имели определенную специализацию. В частности, Сайфулла-бай занимался производством и продажей хлеба. По рассказам старожилов, после революции большевики конфисковали у него 15–20 амбаров зерна¹³⁷. В Новом Кинере Низамутдину Зайнелгабдиновичу Ермакову (1854–1915) принадлежали 2 каменных магазина, один из которых сохранился до наших дней¹³⁸. Следует отметить, что Н.З. Ермаков наряду с торговой деятельностью активно занимался благотворительностью, тратя значительную часть своего состояния на содержание местных татарских школ. Этот аспект его деятельности нашел отражение в эпитафии на его надмогильном памятнике, сохранившемся на кладбище дер. Новый Кинер¹³⁹.

По сведениям И.А. Износкова, в середине 1880-х годов старо- и новокинерцы занимались изготовлением печей (2 чел., доход – 24 руб.), головных уборов (4 чел., 120 руб.), обуви (1 чел., 12 руб.), пилкой леса (4 чел., 54 руб.), извозом (3 чел., 15 руб.). В Новом Кинере работали 2 кузницы¹⁴⁰. В начале XX века недалеко от Нового Кинера, у Шошмабашской мельницы, Серазетдин Низамутдинович

---

¹³⁵ ГАКО. Ф.176. Оп.1. Д.3280. Л.37–39, 41–42 об., 244 об.–245.

¹³⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2606. Л.305 об.–306; Д.5779. Л.112 об.–113.

¹³⁷ Өхмәтжан М. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр җыентыгы). Казан, 2014. Б.171.

¹³⁸ Полевые материалы экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2017 год. Яңа Кенәр авылы тарихы.

¹³⁹ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан, 2016. Б.389.

¹⁴⁰ Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. Сост. Износков. Казань: Тип. губ. правления, 1885. С.3–4, 7–8.

Ермаков открыл «солодовенный завод», на котором производился (проращивался и сушился) солод. Ежегодный оборот предприятия составлял 1800 руб.¹⁴¹

Из дер. Новый Кинер происходил знаменитый род плотников Гайсиных. Один из представителей этой семьи, Габдерафик Гайсин (1843–1928), построил за свою жизнь 36 деревянных мечетей. Среди других известных представителей этого рода можно упомянуть Габделгазиза, Хуснетдина и Каюма (1882–1914) Гайсиных¹⁴². Были в деревне и хорошие столяры, изготавливавшие для сельского населения добротную и недорогую мебель¹⁴³.

Дер. Старый Кинер славилась своими шерстобитами (обработка шерсти овец). Местные мастера с осени, после окончания жатвы, разъезжались по близлежащим деревням, где собирали и обрабатывали шерсть. Зимой из этого материала валяли кошмы. Сам процесс битья производился следующим образом: разрыхленная руками шерсть с помощью простого лучка со струнной тетивой взбивалась ударом пальца или битка, что заставляло струну вибрировать над расчесанной шерстью. Вследствие этого более грубые части отбрасывались в сторону, пыль и мелочь проваливались через решето, на котором производилось взбивание, а подшерсток разрыхлялся¹⁴⁴.

Мамся. Из дер. Мамся вышло несколько видных татарских купеческих семей, таких как Валитовы (Сафаргали, Мухамметгали и Сибгатулла Валитовы), Бикмухаметовы (Вафа, Мухаммат Вафин, Зяляютдин Вафич Бикмухаметов, Бибихадича Ибрагимовна Бикмухаметова)¹⁴⁵. Наибольшую известность в татарском обществе получил уроженец Мамси, крупный казанский купец, промышленник

---

¹⁴¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.546–616; Д.2440. Л.441–485; Д.9401. Л.1–38; Д.13832. Л.549–637; Д.13948. Л.663–701; Д.5753. Л.1–52; Д.11469. Л.1–27; Д.11559. Л.1–35; Д.13960. Л.521–540.

¹⁴² Эхмәтжан М. Еллар кичә килгән фикерләр (публицистик мәкаләләр җыентыгы). Казан, 2014. Б.170.

¹⁴³ ГА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.45. Л.146.

¹⁴⁴ Кустарные промыслы Казанской губернии. Вып. VII. Промыслы по обработке шерсти. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1903. С.5.

¹⁴⁵ Полевые материалы экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за 2017 год.

и меценат Мухаметсафа Галикеев (1822–1890). Он имел в Казани свой мыловаренный завод на ул. Большая Симбирская, а также вел широкую торговлю предметами народного потребления в разных городах Среднего Поволжья. В 1879 по 1884 год М. Галикеев являлся членом учетного комитета Казанского городского общественного банка. Ему принадлежал доходный дом на ул. Московской в Казани, в котором располагались аптеки Г.В. Майзельса и Я.А. Кравера, а также бакалейный магазин. После смерти Галикеева стоимость дома была оценена в 20 тыс. руб. Это наследство родственники Мухаметсафы-бая передали в вакуф Первой соборной мечети г. Казани, что было вполне логичным решением. Еще при своей жизни М. Галикеев активно помогал ее имаму, Ш. Марджани. Во многом благодаря его финансовой поддержке было построено здание для медресе «Марджания»¹⁴⁶.

Старший сын М. Галикеева Мухаммадсадык (1847–1919), продолжил дела отца. Он был учеником Ш.Марджани, обучался в его медресе. Мухаммадсадык Галикеев специализировался на торговле мануфактурными товарами, владел магазином в Гостином дворе (годовой торговый оборот превышал 1 млн. руб.), складами и магазинами по продаже шерсти и шкур на Сенной площади и Екатерининской улице Казани. Современники называли его «мануфактурным королем». В 1897–1917 годах являлся гласным Казанской городской думы, членом учетного комитета Казанского городского общественного банка, членом учетно-ссудного комитета Казанского отделения Государственного банка России (1903–1917). За многолетнюю службу в последнем был награжден золотой медалью на Аннинской ленте. М.Галикеев занимался широкой благотворительной деятельностью, был почетным членом «Общества пособия бедным мусульманам г.Казани», попечителем 8-го русско-татарского училища Казани, пожертвовал средства на строительство 10 мечетей (в т.ч. Розовой в Казани), нового здания медресе «Мухаммадия» (1883–1901) и на его содержание. Был сторонником джидидизма,

---

¹⁴⁶ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Татарстан Жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX гасыр башы). Казан: Фест, 1995. Б.16, 51, 52.

активно выступал за реформирование народного образования, поддерживал идеи Г.Баруди.

Второй сын Мухаметсафы Галикеева Габдрахман (1854–1926), унаследовал мыловаренные предприятия отца. Им было расширено производство на заводе, благодаря чему он стал крупнейшим производителем мыла в Казанской губернии. Модернизация производства позволила наладить выпуск различных сортов ароматического мыла (выпускал около 10 разновидностей мыла), пользовавшегося широкой популярностью в народе. В конце XIX столетия Г. Галикеев стал купцом 1-й гильдии, владел домами на Большой Мещанской и Сенной улицах Казани¹⁴⁷.

Предприниматели из Мамси более мелкого уровня в основном ориентировались на рынки Заказанья. В начале XX века Мухаметгалей и Сибгатулла Сафаргалеевы торговали на Старо-Ашитском, Больше-Менгерском и Больше-Атнинском базарах (торговый оборот по 1000 руб.). На крупных базарах Казанского уезда, а также в родной деревне, вели торговлю Мухаметвафа и Залялютдин Бикмухаметовы (1000 руб.), Халиулла Сафиуллин (80 руб.), Сибгатулла Валитов (1000 руб.), Мухаметгалей Валитов (1560 руб.), Бибихадыча Ибрагимова Бикмухаметова (1300 руб.), Мухаметзян Хусаинов (1000 руб.), Габдрахман Ахметзянов¹⁴⁸.

Как и у жителей дер. Ташкичу, широкое распространение среди мамсинцев получило плетение рогож. В 1885 году этим кустарным промыслом в Мамсе занималось 160 чел., что приносило им общий доход 4563 руб. в год¹⁴⁹. Организация производства рогожей носила характер общесемейного дела: в нем принимали участие как старшее поколение, так и младшие члены семьи, подростки обоего пола. Зимой работа велась в домах или сараях, в теплое время года – во

---

¹⁴⁷ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Татарстан Жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX гасыр башы). Казан: Фест, 1995. Б.52–53.

¹⁴⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.546–616; Д.2440. Л.441–485; Д.9401. Л.1–38; Д.13832. Л.549–637; Д.13948. Л.663–701; Д.5753. Л.1–52; Д.11469. Л.1–27; Д.11559. Л.1–35; Д.13960. Л.521–540.

¹⁴⁹ Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С.92–110.

дворах под особым навесом. Плетение рогож производилось на особых станках, наподобие ткацких. Они представляли собой «горизонтально натянутую раму, укрепленную между четырьмя стойками; по длине рамы натягивается из отборных полос мочала основа, пропущенная через бердо»¹⁵⁰. Бердо¹⁵¹ состояло из ряда толстых зубьев в четырехугольной раме с отверстиями в середине каждого зуба. Уток¹⁵², с помощью особой деревянной иглы, пропускался поперек основы и прибывался трепалом¹⁵³. Для сшивания рогож в кульки употреблялась особая длинная игла.

К началу XX столетия этот промысел приобрел промышленные масштабы. По свидетельству Галяутдина Бикмухаметова, местный торговец и промышленник Мухаметгалей Сафаргалеев, наладивший производство и продажу рогож, имел оборот до 80 тыс. руб. в год. В его подчинении находились до 50 приказчиков и множество работников¹⁵⁴. Сам Г. Бикмухаметов в 10 домохозяйствах производил до 12000 шт. рогож. Полученный товар сбывался на местных базах по 2 руб. 50 коп. за 100 рогож весом в 5 пудов¹⁵⁵. Надо отметить, что между М. Сафаргалеевым и Г. Бикмухаметовым существовала острая конкуренция, переросшая в открытый конфликт. В 1906 году Г. Бикмухаметов подал на своего торгового конкурента донос, обвинив его в незаконной промышленной и торговой дея-

---

¹⁵⁰ Материалы исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С.11.

¹⁵¹ Бердо – приспособление для ручного ткачество, род гребня.

¹⁵² Уток – поперечная (горизонтальная) система направления параллельных друг другу нитей в ткани, располагающихся под прямым углом к системе основы и проходящих от одной кромки ткани до другой. Вместе с системой основы образует ткацкое переплетение.

¹⁵³ Трепало – орудие для трепания волокна в виде трех дубовых дощечек (средняя дощечка представляла собой равнобедренный треугольник, а две остальные – косые параллелограммы), склеенных вместе и прикрепленных к липовой или клиновой рукоятке.

¹⁵⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2436. Л.14–14 об.

¹⁵⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13606. Л.546–616; Д.2440. Л.441–485; Д.9401. Л.1–38; Д.13832. Л.549–637; Д.13948. Л.663–701; Д.5753. Л.1–52; Д.11469. Л.1–27; Д.11559. Л.1–35; Д.13960. Л.521–540.

тельности. Однако в ходе расследования дела полицией эти обвинения не подтвердились, и М. Сафаргалеева признали невиновным в инкриминируемых ему преступлениях¹⁵⁶.

В дер. Мамся были развиты и другие ремесла. Например, в середине XIX века мулла Мухаммадсадык занимался кузнечным делом и этим зарабатывал себе на жизнь. Его сыновья Мухутдин и Шихабутдин занимались кузнечным ремеслом уже в Казани¹⁵⁷.

Были в Мамсе также искусные мастера-плотники и сапожники. Среди отхожих промыслов популярностью пользовалась пилка леса¹⁵⁸. Организовываясь в артели, местные жители приобретали небольшие лесные делянки, вырубая их «на корню». Полученные бревна продавались или шли на изготовление различных видов пиломатериалов: кряжи, тес, доски и пр.

Завершая рассказ о хозяйственной жизни татарских селений Мамсинской и Больше-Менгерской волостей в дореволюционный период, следует констатировать, что в силу предприимчивости, трудолюбия и открытости к новациям их население не замыкалось на аграрной сфере. Активное занятие торговлей и промыслами позволяло татарским крестьянам адаптироваться к быстро менявшимся социально-экономическим условиям дореволюционной России, модернизировать свое хозяйство и другие сферы жизни.

---

¹⁵⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.2436. Л.14–14 об.

¹⁵⁷ Йолдыз. 1912. 31 май. Б.3.

¹⁵⁸ Износков И.А. Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. XIV. Мамсинская волость. Казань: Тип. губ. правления, 1885. С.4.

ГЛАВА III

Духовная жизнь селений Ашитского джиена в XIX – начале XX вв.

Э.К.Салахова

Заказанье – *Казан арты* занимает особое место в духовной жизни татарского народа. С падением в 1552 году Казани татары превратились в сельскую нацию. Уцелевшие представители городской элиты осели преимущественно на землях к северу и северо-востоку от бывшей столицы Казанского ханства. Благодаря этому пространство между реками Казанка и Ашит стало местом сосредоточения образованности и культуры татарского народа. В Заказанье жили и творили видные ученые, писатели, работали знаменитые медресе, слава которых была не меньшей, чем у медресе Казани, Уфы и других мест. Сюда приезжали учиться шакирды из разных уголков Российской империи. По окончании учебных заведений они направлялись совершенствовать знания в Каир и Бухару, признанные центры исламской богословской науки. Пройдя там полный курс наук, татарские юноши возвращались в родные края, сами начинали преподавать основы ислама, становились видными наставниками.

В каждой татарской деревне работали учебные заведения – мектебы и медресе, в которых приходские имамы и их жены – *абыс-тайлар* обучали детей азам религии и грамоты. В 1890-х годах в Казанском уезде Казанской губернии функционировали 139 медресе. В них получали знания 3475 мальчиков и 2502 девочки под руководством 140 мугаллимов и 137 мулл¹. 78 медресе имели собственные здания, 61 работало в наемных домах². Среди учебных заведений За-

---

¹ Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». Казань, 2012. С.53.

² Там же.

казанья, пользовавшихся известностью, можно назвать медресе в селениях Дубьязы, Мульма, Ямашурма, Большие Вережи, Верхние Вережи, Казылино, Кармыш-Казанбаш, Байчуринский Ключ, Большая Атня, Кошар, Большой Менгер, Старый Кишит, Новый Кишит, Старый Ашит, Мендель, Средний Алат, Балтаси, Верхняя Корса, Кулекими, Чембулат, Кшклово, Сенегур, Служилая Ура, Кшкар³.

Известность этих медресе определялась, прежде всего, авторитетом наставника, который являлся стержнем системы религиозного образования. Шакирды целенаправленно приезжали учиться к таким учителям. Однако даже в этом ряду несколько учебных заведений занимали особое место. Их репутация как образовательных центров складывалась многими десятилетиями, а популярность выходила далеко за пределы Казанского уезда.

Ташкичу. В Мамсинской волости таким центром являлось медресе дер. Ташкичу (Кудайгулова пустошь). История этого учебного заведения неразделима с историей местной мечети, которой нельзя не коснуться. О времени основания мечети ничего неизвестно, так как в письменных источниках подобная информация обычно не откладывалась. Можно предположить, что, как и в других татарских селениях, мечеть в Ташкичу появилась практически одновременно с образованием населенного пункта, т.е. не позднее 1680-х годов. Уже к началу 1740-х годов местные жители не помнили, когда было построено культовое сооружение. В «Экстракте», посланном в 1744 году в Сенат из Казанской губернской канцелярии, сказано: «В деревне Ташкичу была одна мечет[ь] при сороки дворах, которая сломана. Рас[с]тоянием она имела от мечети, что в деревне Ашите, в пяти, от села Алат в пятидесят[и] пяти верстах. Новокрещен во оной деревне не имеется. А по скаске той деревни жителей показано: в котором де году она мечет[ь] построена – не помнят»⁴.

---

³ Медресе Казанской губернии второй трети XIX начала XX в.: сборник документов и материалов. Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». Казань, 2012. С.74–75.

⁴ Ислаев Ф., Галлямов Р. «Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №1. С.306.

Несмотря на отсутствие даже приблизительной датировки постройки мечети, этот небольшой отрывок дает ценные сведения о времени разрушения первой мечети – 1742–1744 годы, и количестве дворов в селении – 40. Наконец, он сообщает о следующем немаловажном факте – никто из жителей дер. Ташкичу не поддавался на уговоры православных миссионеров, и все они сохранили приверженность исламу. Отсутствие новокрещеных в селении давало местным мусульманам право на восстановление мечети, которого были лишены жители тех татарских селений, в которых совместно с приверженцами ислама проживали крещеные татары.

Достоверная информация о времени восстановления мечети в Ташкичу отсутствует, так как метрические книги в деревне начали вестись лишь с 1829 года⁵. Однако есть все основания считать, что случилось это уже в правление императрицы Екатерины II, проводившей либеральную религиозную политику. Согласно данным Ш. Марджани, новая мечеть была деревянной и построена на средства местного жителя Давыда ибн Ишми ибн Туйхузя. Со временем из-за быстрого роста населения мечеть перестала вмещать всех верующих, в связи с этим было принято решение о возведении в деревне большой каменной мечети. Старую деревянную мечеть сын Давыда Ишмиева Габид перенес из Ташкичу в дер. Большая Атия, где она стала выполнять функцию второй мечети. Сам Габид Давыдов был человеком искренне верующим, душевным и прямолинейным. Старался соблюдать все предписания шариата, не пропускал ни одного богослужения, для совершения намаза пять раз в день приходил в мечеть. Старался учиться и познавать все новое, любил общаться с религиозными деятелями. Скончался он в конце 1829 года и был похоронен в дер. Ташкичу⁶. Ш. Марджани отзываясь о Г. Давыдове с большим уважением, называя его святым человеком.

---

⁵ ГА РТ. Ф.204. Оп.77. Д.940. Л.94 об.

⁶ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.382.

Свои услуги по строительству новой большой мечети в дер. Ташкичу предложил местный житель Ибрагим бин Ахмар бин Иштиряк. Однако, по неизвестным причинам, большинство односельчан выступили против него и доверили это богоугодное дело знаменитому купцу Сулейману Назирову Хозясеитову, уроженцу дер. Нижняя Ура. Место, отведенное для постройки мечети, оказалось зажато соседними домовладениями, хозяева которых боялись потерять свои участки земли. В связи с этим возникли трудности с расположением здания, которое по канонам ислама должно ориентироваться на Мекку. Тем не менее, архитектор и строители справились с этой нелегкой задачей. По оценке Ш. Марджани, направление на мусульманскую святыню было точно выдержано.

В 1817 году в мечети был прочитан первый намаз, но работы по ее обустройству продолжались и в последующие годы. В 1834 году сыном Сулеймана Хозясеитова Усманом были сделаны вентиляционные окна и двери, после чего мечеть была полностью готова. Строитель мечети Сулейман Хозясеитов скончался вскоре после этого, в 1837 году, и был похоронен в родной деревне. Его сын Усман Сулейманович умер в 1848 году, во время хаджа в Медину. Их дело продолжил житель дер. Ташкичу Фахретдин Губайдуллин: в 1850 году на его средства в мечети был сделан ремонт и обновлен потолок. После смерти в 1852 году Ф. Губайдуллина финансовую помощь в содержании мечети оказывал другой житель деревни – хаджи Валид Мусагидов (умер в 1859 году).

Осенью 1875 года, когда в результате сильной бури у мечети оказалась сорвана часть минарета, деньги на его замену выделил казанский купец Ахмед Фазылов. Обновленный минарет получился немного выше, чем был, вдобавок на него установили полумесяц. На замену минарета Фазылов выделил 52 рубля, на покрытие купола – еще 35 рублей. Во время ремонта в первоначальный проект здания были внесены изменения. Если раньше вход в минарет располагался в глубине мечети, то теперь его перенесли к входу в саму мечеть. В 1879 году мечеть вновь подверглась обновлению. На

средства Садыка Губайдулловича Хозясеитова перед мечетью поставили фонари, а само здание огородили решетками⁷.

Необходимо отметить, что род фабрикантов Хозясеитовых, проживавших в дер. Служилая Ура Царевококшайского уезда (ныне с. Нижняя Ура Арского р-на РТ), играл особую роль в жизни местной махалли. Как отмечает Р.Р.Салихов: «Вероятно, во многом благодаря поддержке купцов д. Служилая Ура, род Марджани на протяжении почти 100 лет успешно вел активную проповедническую и педагогическую деятельность в д.Ташкичу»⁸.

Мечеть является самым ранним строением дер. Ташкичу, сохранившимся до наших дней. С архитектурной точки зрения по типу это двухзальная мечеть с минаретом в центре крыши. Здание прямоугольной формы, включает в себя два этажа: на первом располагаются хозяйственные помещения, на втором – анфиладные молельные залы. В вестибюле размещена лестница на второй этаж. Молельные залы разделены толстой стеной, внутри которой располагалась узкая лестница, уходящая на чердак и минарет.

Фасады мечети решены в стиле строгого классицизма. На продольных фасадах выделен центральный ризалит в три окна, завершенный треугольным фронтоном с полуциркульным проемом в тимпане. Минарет мечети был утрачен в 1930-е годы, но в 1990-е годы восстановлен по проекту архитектора Р.В. Билялова.

Мечеть в дер. Ташкичу по традиционному объемно-планировочному решению и стилистическому оформлению фасадов аналогична казанским мечетям «Иске-Таш» и № 11 («Большая Каменная»), является памятником татарской культовой архитектуры в стиле строгого классицизма⁹.

---

⁷ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.382–383.

⁸ Салихов Р.Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.86.

⁹ Татарстан мәчетләре. Альбом / сост. Х.Г. Надырова, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань, 2000. С.69.

В 1915 году жители Ташкичу подали ходатайство о возведении в деревне еще одной соборной мечети. В просьбе им было отказано на том основании, что «... в деревне Ташкичу каменная мечеть вполне прочная и вместительная и что приговор прихожан от 15 мая 1915 года составлен с нарушением установленных правил»¹⁰. Революционные потрясения 1917 года и последовавшие за ними события окончательно разрушили надежды ташкичинцев на строительство второй мечети. Таким образом, на протяжении всей истории дер. Ташкичу здесь функционировало лишь одно культовое сооружение. Соответственно, медресе, прославившее селение во всем мусульманском мире, имело отношение именно к этой исторической мечети.

В целях объективности следует заметить, что славу учебному заведению создают не стены, а его преподаватели и выпускники. Среди наставников, трудившихся в разное время в медресе Ташкичу, особое место занимает ахун **Абдуссалям бин Оруви**. Абдуссалям-хазрат обучал шакирдов не только религиозной грамоте. Он старался развивать у них самостоятельное мышление, делал упор на анализ фактов и событий. Это было в новинку для того времени и воспринималось прохладно большинством его коллег. У Абдуссаляма бин Оруви учился Абдулла Галеев, который в 1755–1756 годах под именем Батырша возглавил восстание башкир и татар Приуралья. Народное движение было направлено против колониального гнета царского правительства, и нет сомнений в том, что свободомыслие А. Галеева во многом было привито его наставником.

В начале XIX века имамом в мечети дер. Ташкичу стал уроженец дер. Кшкар **Шамсутдин бин Абдурашид бин Усман бин Абдулкадыр**. Он рано потерял родителей и воспитывался в семье местного купца Баязита Ибрагимова, который не жалел сил и средств на обучение мальчика. Получив законченное образование в Бухаре, Шамсутдин вернулся на родину. К его приезду Б. Ибрагимов выстроил большое медресе, в котором Абдурашидов стал мугаллимом,

---

¹⁰ НА РБ. Ф.И-295. Оп.6. Д.3921.

совмещая эти обязанности с должностью приходского муллы¹¹. Затем с целью совершения хаджа он отправился в Каир, где общался с местным правителем Ибрагим-пашой. В Египте в течение семи лет преподавал персидский язык в знаменитом университете «Аль-Азхар», там же умер в 1832 году, так и не осуществив свою мечту о хадже. Шамсутдин-хазрат был простым по природе, общительным, веселым и в какой-то степени расточительным человеком. По сведениям современников, он был весьма учен и одарен, многое перенял у наставников, в числе которых были Абдуссалям бин Абдурахман аль-Курсави, Гатаулла бин Хади аль-Бухари и другие знаменитые религиозные деятели. После его смерти остались сиротами две дочери на родине и сын Али в Египте. Позднее его взял на свое попечение состоятельный человек из дер. Ташкичу Абу Язид бин Ибрагим бин Абак бин Туйхуджа. Говорят, что к возвращению Али он даже построил для него медресе¹².

Особое место в духовной истории Заказанья XVIII столетия занимает мулла **Абдуссалям бин Уразмухаммед (Урай) бин Кулмухаммед бин Кулчура бин Кулаб**. Его род происходил из знаменитой деревни Менгер Казанского уезда, а сам Абдуссалям был учеником видного наставника Абдуссалям бин Хасан аль-Кариле. Некоторое время он служил имамом в дер. Ташкичу и обучал детей в местном медресе. Кроме того, он сам писал учебники по разным областям знания. На книге по морфологии Абдуссалям-хазрат оставил следующую надпись: «этот экземпляр закончен в пятницу, в месяц джумадиель-ауваля, в медресе меллы Абдуссаляма. Владелец Абдуссалям бин Уразмухаммед бин Кулмухаммед. 1733 год».

При нем в медресе обычным делом стала переписка книг шакирдами. Поскольку других путей тиражирования мусульманской литературы не было, эта деятельность имела важное значение. Не случайно Ш. Марджани в «Мустафадел акбар» посвятил ей следующие

---

¹¹ Салихов Р., Хайрутдинов Р. Татарстан жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX башы). Казан: Фест, 1995. Б.152.

¹² Фәхрәтдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.313.

строки: «в деревне Ташкичу, в медресе Абдуссаляма бин Урай некто Башир бин Абдурахман бин Уразмухаммед закончил переписывать «Шархе гамавил» («Сборник толкований»), а человек по имени Ильми бин Утяш закончил книгу «Абдуллы бин Махмуд» аль-Маусыли по фикху «Мухтар китабы»¹³. На этой почве случались даже неблагоприятные поступки. Так, один из шакирдов Абдуссалям-хазрата хотел взять себе для переписки книгу «Жамигыр-румуз», которая принадлежала другому ученику хазрата. Хотя наставник разрешил взять книгу во временное пользование, хозяин не хотел ее отдавать. В результате первый шакирд был вынужден выкрасть книгу. В народе сохранилось предание, что ее тайком переписывал в лесу близ Ташкичу мелла Мухаммедамин бин Загид аль-Бухари. Ш.Марджани указывает, что переписанная им книга хранилась у меллы дер. Старый Узюм Хабибуллы бин Фазыл бин Нигматуллы бин Башира, там же было указано имя переписчика¹⁴. Судя по источникам, в 1742 году Абдуссалям бин Уразмухаммед (Урай) жил еще в дер. Ташкичу. Затем, вероятно, из-за начавшейся христианизации нерусского населения, он переселился в Оренбургскую губернию, в Сеитовскую (Каргалинскую) слободу, где служил имамом и ахуном¹⁵.

Переписка книг в медресе Ташкичу постепенно превратилась в традицию, появились даже переписчики, профессионально занимавшиеся этим делом. В их числе можно назвать жителя Ташкичу и, вероятно, выпускника медресе Мухамедрахима бин Рафика аль-Казани. В историю татарской культуры и литературы он вошел как составитель и переводчик «Маджмуг аль-хикайат» («Мәжмугыль-хикайәт» – «Сборник хикайатов») сборника сказок и прозаических рассказов фантастического и любовно-романтического характера персидских авторов. Сохранившийся рукописный список (издан в 1995 году усилиями татарских литературоведов в виде отдельной

---

¹³ Фәхретдин Ризәэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.239.

¹⁴ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.241–242.

¹⁵ Фәхретдин Ризәэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.239.

книги), завершенный М. Рафиком в 1775 году в г.Тобольске, состоит из двух разделов, в первом из которых представлено 24, во втором 9 произведений. Этот сборник является одним из ярких татарских литературных памятников XVIII века. Составитель не только собрал и перевел произведения персидского народного фольклора, но и творчески переосмыслил и адаптировал их в соответствии с культурными реалиями татарского общества¹⁶.

Мелла **Абдуссалам бин Абдурахман Абдулгазиз бин Рафик аль-Курсави** был выходцем из дер. Курса Почмак (ныне дер. Смак-Корса Арского р-на РТ) Казанского уезда. Окончил медресе в дер. Береске, учился у Бикчантая бин Ибрагим аль-Берескави, затем в медресе дер. Каргалы у Абдурахман бин Мухамедшериф аль-Кирмени. Долгое время в дер. Ташкичу исполнял обязанности имам-хатыба и мугаллима. Прожил долгую жизнь и скончался в 1820 году¹⁷ (по данным Р. Фахретдина, в 1821 году¹⁸). Похоронен на новом кладбище дер. Ташкичу. Абдуссалам-хазрат был весьма уважаемым имамом, но остался в памяти современников благодаря личной трагедии: один из его сыновей по имени Джамалетдин, отучившись в Бухаре, потратил бесцельно свои средства и погиб где-то в районе Ирбита¹⁹. Народ поговаривал, что он отрекся от ислама и принял православную религию. Даже встречая на Ирбитской ярмарке односельчан, он не интересовался родителями, которые были в преклонном возрасте. Лишь один раз Джамалетдин спросил, и то лишь для формальности, у жителя Ташкичу Абдуннасыр бин Дав-

---

¹⁶ Татар әдәбияты тарихы. 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б.419–420.

¹⁷ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.265.

¹⁸ Фәхретдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.276.

¹⁹ Ирбит – город в Свердловской области, в 204 км к востоку от Екатеринбурга. Прославился Ирбитской ярмаркой, которая в XIX столетии была второй в России по торговому обороту после Нижегородской. На ярмарке торговали татарские купцы, приезжали мусульмане из Казахстана и Средней Азии.

летши, который остановился в его доме, – «живы ли старик со старушкой, как их дела?»²⁰. Кроме этого сына у Абдуссалам-хазрата были еще сыновья: Фахрутдин, Насрутдин и Сиразутдин²¹.

По сведениям, сохранившимся в рукописных книгах шакирдов, в 1764 году в дер. Ташкичу работал **Ибрагим ибн Абдулла аль-Нукрати**, известный в народе как «Урбар Ибрагим хазрат». У него учился дед Ш. Марджани – мелла Субхан бин Абдулкарим бин аль-Марджани. Род Ибрагим-хазрата берет начало от дер. Барышево Горной стороны (ныне Апастовский р-н РТ). Его отец служил имамом в дер. Нукрат Вятской губернии. Ибрагим-хазрат был образованным и начитанным человеком, но в то же время отличался вспыльчивым характером. В памяти современников он запомнился также человеком, не придающим внимания некоторым вещам, и, даже можно сказать, своим безразличным поведением. Последние годы жизни Ибрагим-хазрат провел в дер. Арбор Вятской губернии, там же и был похоронен²².

Ш.Марджани упоминает еще одного уважаемого духовного деятеля начала XIX столетия, связанного с дер. Ташкичу, – муллу **Абдулхаким бин Аббаса**. Сам он был родом из дер. Балтаси Казанского уезда. Долгое время служил имамом в дер. Старый Ашит, уйдя с этой должности, проживал с семьей в Ташкичу. Абдулхаким-хазрат покоится на новом кладбище деревни, где стали хоронить с 1810 года, там же похоронена его дочь²³.

Не только имамы, но и некоторые муэдзины дер. Ташкичу остались в памяти народа и запомнились неординарными деяниями. Ш. Марджани в «Мустафадел ахбар» упоминает о муэдзине по имени Мустай, который любил охотиться на медведей и убил их

---

²⁰ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.265.

²¹ Фәхретдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.276.

²² Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.241.

²³ Там же. Б.226.

немалое количество. До своей смерти в 1832 году он исполнял обязанности муэдзина в родной деревне, где проживали также его брат Мифтахутдин и сын Хисаметдин бин Мухтар бин Мустай, а уже внук перебрался на жительство в г. Троицк²⁴.

В том же труде Ш. Марджани упоминает другого муэдзина по имени Абдулбакый, запомнившегося односельчанам крепким телосложением и строгим видом. С его именем в Ташкичу связано название родника, который местные жители называли «Родником Бакия». Откуда был родом муэдзин, в деревне не помнили, однако в XIX веке там жило много его родственников, которые называли свой род «Бакый джинены». Вероятно, это было своеобразной данью уважения к муэдзину, как самому почтенному представителю этого рода²⁵. Могила Абдулбакыя находилась на старом кладбище Ташкичу и почиталась односельчанами. Считалось, что ее посещение придавало людям душевное спокойствие.

Особая страница в истории дер. Ташкичу, мечети и медресе связана с родом Ш.Марджани. В 1821 году на должность имамхатыба здесь определяют **Багаутдина бин Субхан бин Абдулкарим аль-Марджани** (1787–1856) – отца будущего знаменитого ученого. По уточненным данным, он был уроженцем дер. Большие Яки (ныне Зеленодольский р-н РТ)²⁶. Получил фундаментальное религиозное образование. Вначале обучался в медресе дер. Кубян (Атнинский р-н РТ) у меллы Гимадетдина бин Галиакбера бин Гайси, затем в дер. Береске (ныне Нижняя Береске Атнинского р-на) у меллы Бикчантая бин Ибрагима и его сына Абдурахима, в медресе Абдуннасыра бин Сайфулмулюка в дер. Старый Ашит и в дер. Ташкичу у знаменитого Шамсутдина бин Абдурашида. Полученные знания Багаутдин бин Субхан совершенствовал в Бухаре у признанных в мусульманском мире ученых, таких как мелла Гаяз бин Загир,

---

²⁴ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында җайдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.279.

²⁵ Там же. Б.325.

²⁶ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан, 2016. Б.225.

мелла Гайса бин Рахматулла аль-Хоканди, мелла Салих бин Надир аль-Худжанди, Мирказян аль-Бухари. Подающего надежды шакирда заметил эмир Бухары Хайдар бин Магсум, определивший его на учебу в медресе «Турсуния». Здесь ему выделили отдельную комнату, создали другие условия, не доступные каждому шакирду. По окончании учебы Багаутдину было предложено остаться в Бухаре на хороших условиях, но любовь к родине оказалась сильнее, чем блестящие перспективы на чужбине. Однако даже после возвращения в Россию Багаутдин-хазрат не был забыт бухарцами: эмир Хайдар посылал ему одежду в качестве подарка. По приезде из Бухары он обзавелся семьей, в 1816 году по настоянию Абдулкарим-бая был отправлен имам-хатыбом и мугаллимом в дер. Епанчино (ныне Атнинский р-н РТ), а 1821 году занял аналогичную должность в дер. Ташкичу.

Более 40 лет жизни Багаутдин-хазрат посвятил преподавательской деятельности, передавая свои обширные знания ученикам. Под его руководством медресе Ташкичу приобрело большую популярность у мусульман Волго-Уральского региона. Он являлся учителем и наставником многих видных религиозных деятелей и мугаллимов того времени. Среди них были мелла Фахретдин бин Абу Язид аль-Антави, его брат мелла Хуснутдин, мелла Тазетдин бин Абдулзялил эд-Дубьязи, мелла Сагит бин Ахтам аль-Буави, мелла Хусаин бин Хуснутдин аль-Буави, Абдулмансур бин Абдулгаффар аль-Гусмани, мелла Ахмед бин Абдулзалил, мелла Ахмед бин Зульхизя, Фаварис бин Абдулзялил ат-Тимерджани, мелла Курбан бин Альмухамед, Хайретдин бин Хамза, Тазетдин бин Назир, мелла Ахмед бин Абдуллатыф аль-Букмеша, мелла Абдулбасыр, мелла Муса бин Исхак, Абдулзялил бин аль-Латыши, Ризван бин Умер бин Абдурашид, Зайнелбашир бин Мухамедамин аль-Кишет, мелла Назметдин бин Ильмухамед бин Туймамат аль-Акзигити, Ибрагим Урмад и другие. Ученики Багаутдин-хазрата работали в разных уголках Российской империи, обучая детей грамоте. Многие из них сами стали наставниками молодого поколения, которое в дальнейшем определяло будущее татарского народа.

Одного из учеников Багаутдин-хазрата упоминает в «Мустафадел ахбар» Ш. Марджани. Речь идет о мелле **Тазетдине бин Абдул-**

зялил эд-Дубьязи, который служил имамом в дер. Казиле (ныне дер. Казылино Арского р-на). Он был коран-хафизом²⁷ и выучился этому умению у меллы дер. Адаево Тагира бин Субхана. Послушать чтение Тазетдин-хазратом Священной книги мусульман собирались люди со всей округи, а Тагир бин Субхан считал его лучшим среди своих четырех учеников, ставших коран-хафизами. Сам Ш. Марджани брал у Тазетдина бин Абдулзялил эд-Дубьязи уроки, почитал его талант и относился к нему с большим уважением. Однажды он официально пригласил Тазетдин-хазрата в Казань для публичного чтения Корана. К сожалению, как потом признался Марджани, Тазетдин бин Абдулзялил эд-Дубьязи был к тому времени уже в весьма преклонном возрасте, поэтому утратил прежнее мастерство и не оправдал ожиданий²⁸.

В памяти народа остался следующий эпизод, связанный с Багаутдин бин Субханом. В засушливый 1843 год, когда все живое погибало от жары, крестьяне деревень Ташкичу, Старый Ашит, Сюрда, Старый и Новый Кинер, Пичментау, Кысна и Ашитбаш устроили на возвышенности действо, во время которого молили Всевышнего о дожде. Багаутдин-хазрат возглавил этот массовый молебен.

Багаутдин бин Субхан прожил долгую жизнь, скончался в 1856 году в 72-летнем возрасте. Он похоронен на новом кладбище дер. Ташкичу, а на его надгробном камне приведена фраза на персидском языке, которая в переводе звучит так: «Багаутдин, смотрящий на все с одобрением и восторженностью». На этом же кладбище похоронены его жены Бибихабиба и Бибихубайба – родные сестры, с которыми он последовательно состоял в браке²⁹.

После Багаутдин-хазрата остались сыновья, достойные продолжатели его дела, которыми гордится не только татарский народ, но и исламский мир. Шигабутдин (род. в 1818 г.) стал выдающимся ученым и богословом. Садретдин (род. в 1826 г.) выдержал экзамен

---

²⁷ Коран хафиз – человек, читающий Коран наизусть.

²⁸ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.351.

²⁹ Там же. Б.284.

в Оренбургском магометанском духовном управлении и в 1858 году был определен имам-хатыбом и мугаллимом в дер. Ташкичу. Сын другого сына Галяветдина и внук Багаутдин-хазрата Махмуд стал знаменитым писателем и прославился своим романом «Мухаджиры»³⁰. Роман посвящен татарам-мусульманам Поволжья и Приуралья, бежавшим в Турцию от насильственного крещения и национальной политики самодержавия. Считается, что прототипами героев этого литературного произведения стали несколько семей из дер. Ташкичу³¹.

Садретдин Багаутдинов учился в медресе своего отца, с детства рос в обстановке мусульманской учености, общался с видными религиозными деятелями того времени. Его женой стала Бибиасма, дочь

---

³⁰ Галяу (наст. фамилия Марджани) Махмут Галяутдинович (1886–1938), писатель. Родился в дер. Ташкичу. Начальное образование получил в родной деревне, в 1897–1903 гг. учился в медресе Казани. В 1903–1907 гг. работал учителем в г. Астрахань, сотрудничал с газетой «Шаркый Рус» («Восточная Русь», г. Баку), был одним из организаторов журнала «Туп». В 1907 г. переехал в Оренбург, где работал в типографии «Каринов, Хусаинов и К°». В 1914 г. открыл собственное издательство «Белек», редактировал и издавал журнал «Кармак», научно-популярные брошюры, учебные пособия и учебники. Переводил на татарский язык сочинения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, К.Н. Батюшкова, М.Ю. Лермонтова. После революции М. Галяу работал в системе просвещения и издательствах Оренбурга и Москвы. Наиболее продуктивными в творческом отношении для писателя становятся 1920-е гг. В это время в свет выходят его сборники «Каяу» («Жало», 1927), «Күпнең берсе» («Один из многих», 1931) и др., выполненные в жанре советского реализма. В 1926 г. им были подготовлены пьесы «Салам-торханнар» («Балбесы»), «Пугач явы» («Бой Пугачева»). В конце 1920-х гг. М. Галяу приступил к работе над эпопеей, в которой предполагал отразить жизнь татарского общества в XIX в. В 1934 г. вышел роман «Мухаджиры», ставший значительным событием в татарской литературе, он ознаменовал собой появление нового жанра реалистического исторического романа. В 1937 г. М. Галяу был арестован по обвинению в национализме; рукописи его произведений были конфискованы, в дальнейшем утеряны. В 1938 г. был расстрелян, реабилитирован посмертно.

³¹ Гарипова Ф. Авыллар һәм калалар тарихыннан Т.2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. Б.360.

имама дер. Кшкар Яхъи ад-Дубязи. В этом браке родились 12 детей, из них шестеро умерли в детстве³². Один из его сыновей – Закария обучался в Казани в медресе Ш. Марджани, обладал хорошими способностями и мог стать достойным продолжателем дела своих предков, однако в возрасте 16 лет скоропостижно скончался от болезни. Известно, что у Закарии была публикация в газете «Кояш» о своем отце, в которой он подробно изложил его биографию³³.

При Садретдине Багаутдинове медресе в дер. Ташкичу сохранило свою репутацию одного из самых авторитетных мусульманских учебных заведений Заказанья. По сведениям 1872 года, здесь обучались 41 мальчик и 47 девочек³⁴. К концу XIX столетия в силу разных причин численность шакирдов уменьшилась. Одним из факторов могли стать события, происходившие в стране, в частности проведение в России в 1897 году Всеобщей переписи населения. Известно, что данное мероприятие было с недоверием встречено татарами, которые в любых попытках учета населения усматривали попытку христианизации. Недоверие к власти в какой-то мере распространялось и на мусульманских духовных лиц, являвшихся проводниками политики государства. В итоге, в 1897 году в медресе Ташкичу числилось всего 18 мальчиков и 20 девочек³⁵. В начале XX столетия на фоне развития капиталистических отношений тяга к знаниям и обучению ремеслам у населения возрасла. Это отразилось и на численности учащихся: в 1904 году в медресе дер. Ташкичу обучалось уже 35 мальчиков и 40 девочек³⁶.

Имаму С. Багаутдинову приходилось заниматься и хозяйственными делами, чтобы поддерживать мечеть в хорошем состоянии. В 1875 году он обратился к властям с прошением разрешить замену штукатурки стен как внутренней, так и внешней стороны здания.

---

³² Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.317.

³³ Фәхретдин Ризәддин. Асар. 3–4 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2010. Б.338.

³⁴ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.273. Л.72.

³⁵ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.5568. Л.44 об.–45.

³⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7100. Л.49 об.–50.

Кроме того, требовались замена крыши, так как она проржавела и пропускала дождевую воду, ремонт минарета и крыльца мечети³⁷. Благодаря усилиям Садретдин-хазрата, а также помощи благотворителей и прихожан мечеть в итоге была отремонтирована.

С. Багаутдинов прожил долгую жизнь и даже в преклонном возрасте продолжал исполнять обязанности имам-хатыба и мудар-риса. С 1890 года ему помогал сын Абдулмулмин Садретдинов, определенный вторым муллой прихода³⁸. Садретдин-хазрат умер 6 марта 1916 года. К сожалению, о месте его погребения нет сведений. Поиски его могилы членами эпиграфической экспедиции Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ не увенчались успехом³⁹. В то же время на кладбище дер. Ташкичу сохранилось надгробие его жены Бибиасмы, дочери муллы дер. Кшкар Ягкуба бине Яхьи, умершей в 1896 году⁴⁰.

Следующий представитель династии религиозных деятелей – **Абдулмулмин Садретдинов** (1865–1956)⁴¹ – получил начальное образование в родной деревне, затем окончил в Казани медресе родного дяди – Ш. Марджани⁴². В 24-летнем возрасте в 1890 году, был определен в качестве второго муллы «в помощь настоящему мулле Багаутдинову, ввиду его преклонных лет и больших трудов по исполнению обязанностей служения»⁴³. Абдулмулмин-хазрат прожил долгую жизнь, и на его долю выпало пережить несколько эпох: его молодые годы и зрелость прошли в дореволюционной России, он пережил революцию, трагические 1930-е годы, трудный послевоенный период.

Среди жителей Ташкичу еще есть люди, которые помнят этого человека, хранят о нем память как о последнем представителе династии религиозных деятелей. По их словам, Абдулмулмин-хазрат был физически крепким человеком и внешне очень походил на

---

³⁷ НА РБ. Ф.204. Оп.3. Д.8780. Л.1.

³⁸ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7100. Л.49 об.–50.

³⁹ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан, 2016. Б.225.

⁴⁰ Там же. Б.225.

⁴¹ В некоторых источниках годом его рождения указывается 1868 г.

⁴² ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.226–237.

⁴³ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4033. Л.2.

Ш. Марджани. У него была обширная библиотека арабографичных книг, но в 1930-е годы, когда на волне воинствующего атеизма уничтожались не только мусульманские священнослужители, но и религиозная литература, он решил спрятать эти книги подальше от дурных глаз. Поговаривают, что Абдулмукмин-хазрат закопал их в яму, которую сделал в погребке на своем дворе. Ценность этих книг в том, что они передавались в семье из поколения в поколение. Не исключено, что среди них были и книги Ш. Марджани. Судьба этой библиотеки до сих пор неясна. Скорее всего, она утрачена. Не сохранился и маленький домик, куда Абдулмукмин-хазрат переселился после конфискации его дома. По свидетельству односельчан, последние годы жизни он провел очень скромно и умер в 1956 году. На кладбище дер. Ташкичу сохранился надгробный камень на могиле Абдулмукмин-хазрата. Часть надписи на нем выполнена арабскими буквами, другая – на кириллице⁴⁴.

Судя по архивным данным, накануне революции 1917 года имамом дер. Ташкичу служил Гилязетдин Мухутдинов. Он состоял в этой должности с 1910 года⁴⁵ и, вероятно, был вторым имамом в приходе, помогая Абдулмукмин-хазрату выполнять его обязанности. К сожалению, других сведений о личности и деятельности Г. Мухутдинова не сохранилось, не помнят о нем и местные жители.

Мамся. Своим медресе славилась и дер. Починок Байчуринский, как и Ташкичу, входившая в Мамсинскую волость Казанского уезда. Ныне она официально называется Мамся, что нередко приводит к путанице, так как в дореволюционный период так именовалось современное село Новый Кинер. Наименование *Мамся* было неофициальным названием дер. Починок Байчуринский, но медресе, расположенное в селении, называлось именно медресе Мамся.

О данном учебном заведении и знаменитых религиозных деятелях, вышедших из небольшой заказанской деревни, неоднократно упоминает в своих трудах Ш. Марджани. Помимо других причин подобное внимание объясняется тем, что сестра Марджани – Биби-

---

⁴⁴ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истэлеклэре. Казан, 2016. Б.226.

⁴⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.49 об.–50.

саджида, вышла замуж за уроженца Мамси Галиасгара Галиакбарова (полное имя **Галиасгар бин Галиакбар бин Галикяй бин Габдельгазиз бин Надирша бин Бикай бин Исламкул аль-Мамсави**)⁴⁶.

Практически все религиозные деятели, упомянутые в «Мөстәфадел-эхбар», являлись имамами местной мечети, время основания которой неизвестно и может быть приблизительно датировано последней четвертью XVII столетия. В 1742–1744 годах, как и большинство мусульманских культовых сооружений Казанского уезда, мечеть была разрушена. В этот период в Мамсе насчитывалось около 30 дворов⁴⁷.

В царствование Екатерины II мечеть восстановили. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в конце XVIII столетия имамом в ней был один из известных религиозных деятелей того времени мелла **Фазыл бин Сайфулла бин Хабибулла аль-Кизляви**. Происходил он из дер. Курманаево Чистопольского уезда. Первоначальное образование получил у Мухамедрахима бин Юсуфа аль-Ашыти и других местных наставников, затем уехал в Бухару, где учился у знаменитого ишана Ниязколыя бин Шагнияз Туркмени. Вернувшись на родину, Фазыл Сайфуллин принял обязанности имама и мугаллима в дер. Мамся, здесь же обзавелся семьей. В дальнейшем он переехал на жительство в дер. Верхняя Корса, также славившуюся своим медресе. Далее его карьера как религиозного деятеля продолжилась в г. Казани, где он стал имам-хатыбом и мударрисом шестой мечети. Ряд учеников Фазыл-хазрата стали крупными религиозными деятелями. Среди них Нигматулла бин Биктимер аль-Эстерли, Шарафутдин бин Зайнутдин аль-Эстерли и др.

После смерти в 1812 году Фазыла Сайфуллина его религиозное служение продолжили потомки. Сын **Мухамедвафа** обучался в Бухаре, по возвращении служил имамом в Казани. В 1840 году его избрали членом Оренбургского духовного управления мусульман.

---

⁴⁶ Там же. Б.315–316.

⁴⁷ Ислаев Ф., Галлямов Р. «Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №1. С.306.

Ташкичу. Раҳим итегез!

Новый Кинер. Панорама

Старый Кинер. Вид деревни

*Старый Ашит.
Панорама*

*Мамся. Деревен-
ские родники*

Река Ашит вблизи дер. Старый Кинер

Река Ашит

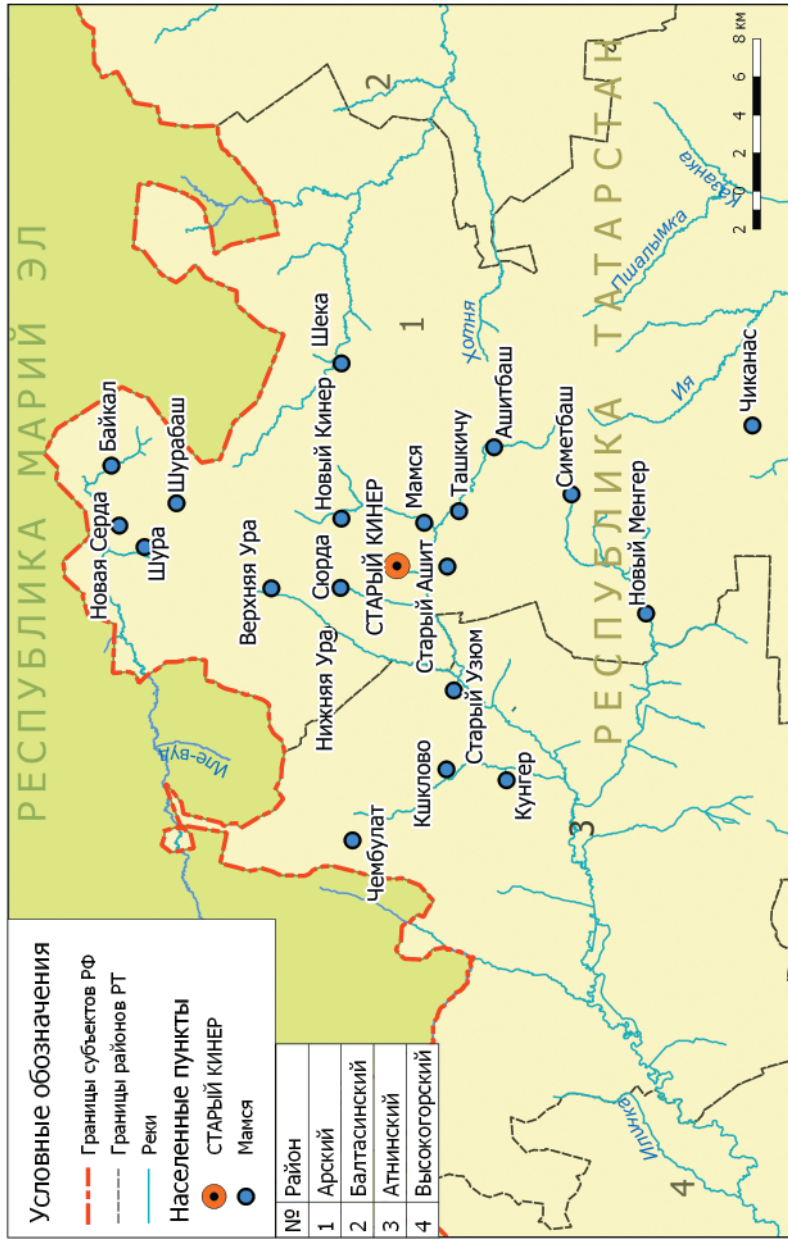

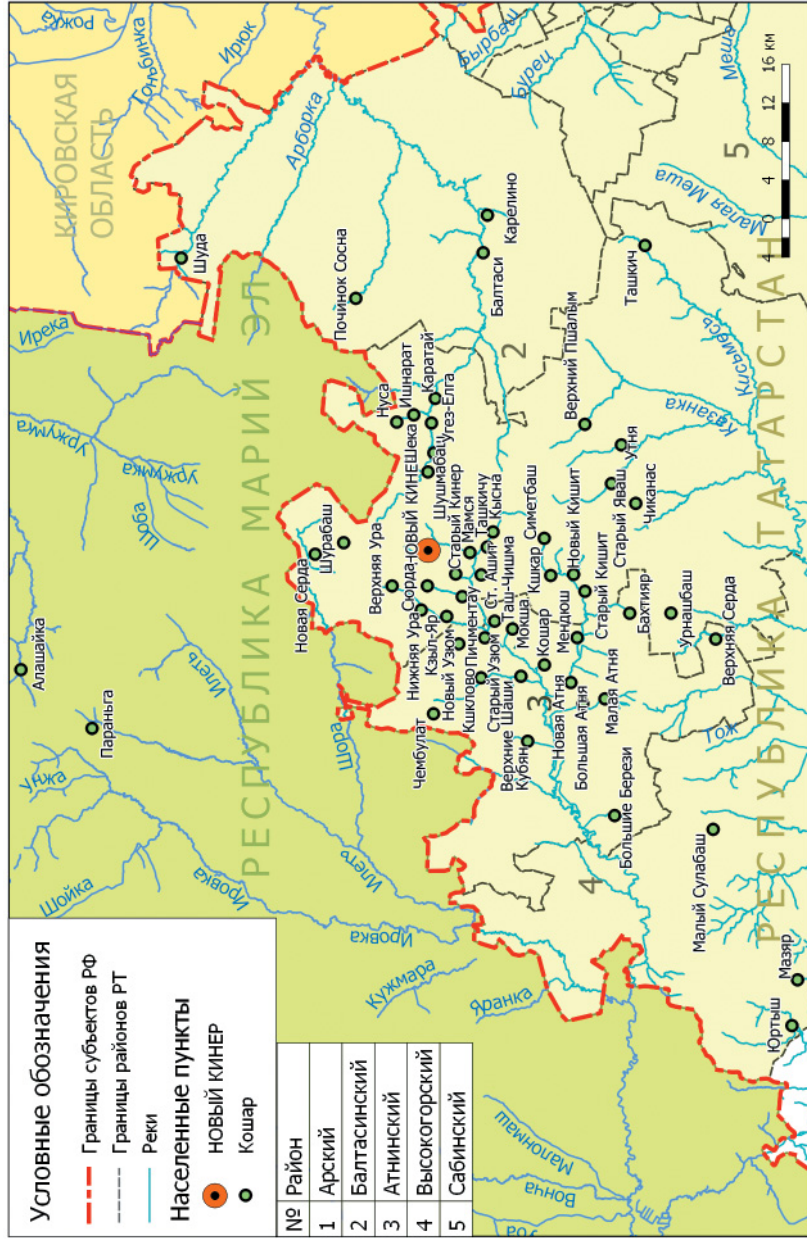
Селения Ашитского джиена.
Фрагмент карты Генерального межевания 1790-х гг.

Брачные связи жителей дер. Старый Ашит в конце XIX в. (в современных административных границах).
 Автор карты В.Р.Тихонова

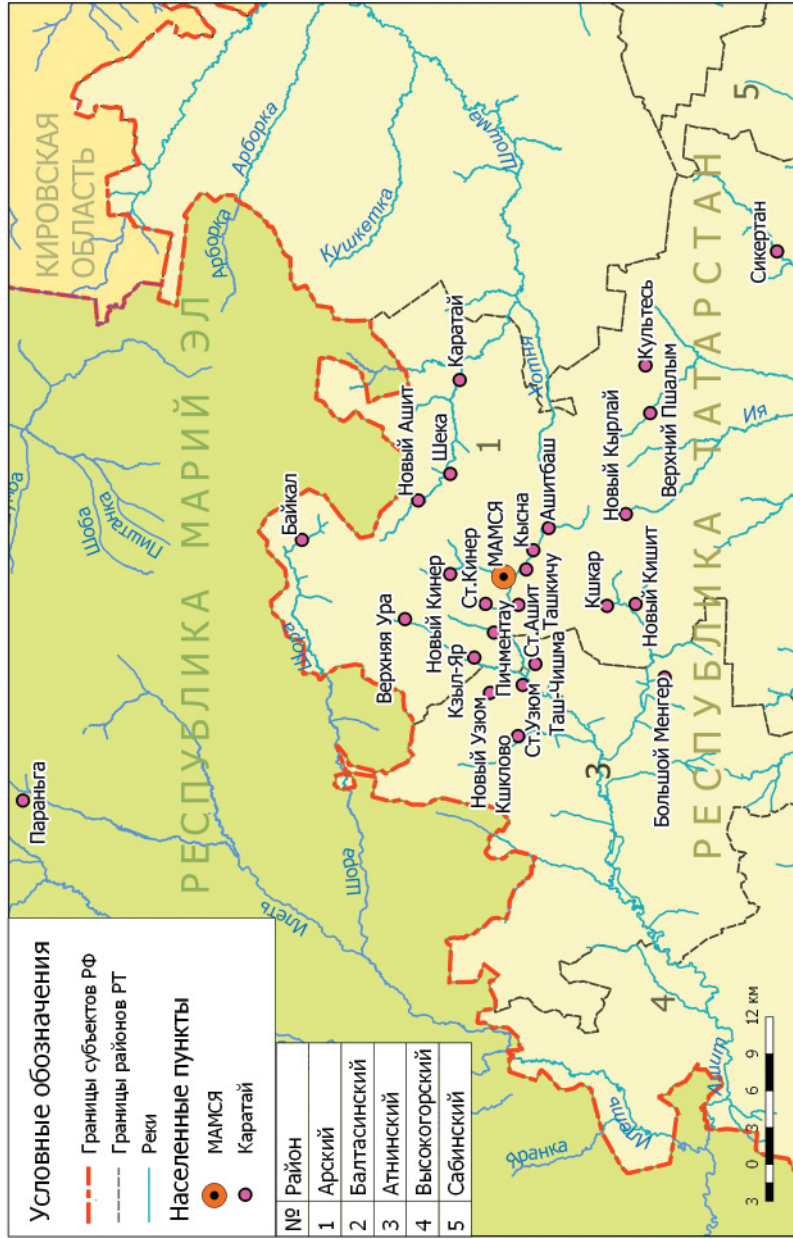
Брачные связи жителей дер. Старый Кинер в конце XIX в. (в современных административных границах).
 Автор карты В.Р.Тихонова

Брачные связи жителей с. Новый Кинер в конце XIX в. (в современных административных границах).

Автор карты В.Р.Тихонова

*Брачные связи жителей дер. Мамся в конце XIX в. (в современных административных границах).
Автор карты В.Р.Тихонова*

Брачные связи жителей дер. Ташкичу в конце XIX в. (в современных административных границах).
 Автор карты В.Р.Тихонова

Фрагмент надгробия 1533–1534 гг.
Старый Ашит

Надгробие муллы Габдулгали Габдул-
басырова. Старый Ашит. 1915 г.

Надгробие Мухаммадрахима
Бикчантаева. Старый Кинер.
1885 г.

Памятник на могиле родителей
Ш.Марджани – Багаутдина бин
Субхана и Хубайбы бинте Габду-
насыр. Ташикчу. 1856 г.

Надгробие Галютдина Багаутдинова (брата Ш.Марджани, отца писателя М.Галая). 1908 г.

Надгробие муллы Шарафутдина Фахрутдинова. Мамся. 1919 г.

Надгробие Мухаммаджана Биккулова на кладбище «Ямаш». Новый Кинер. 1887 г.

Надгробие купца 2-й гильдии Багаутдина Габдуррашидова. Новый Кинер. 1903 г.

Паспорт на право передвижения в пределах Российской империи, выданный служилому татарину дер. По речке Мамся Ахматие Апсаямову. 1852 г. НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.2714. Л.2

Магазин Гатауллы-бая в Старом Ашите. Современный вид

*Магазин купца Низамутдина Ермакова
в Новом Кинере. Современный вид*

*Шигабутдин Марджани
(1818–1889)*

*Мечеть дер. Ташикчу.
1817 г.*

Мечеть дер. Мамся

*Могилы Макалая бин Суфи.
Старый Ашит*

Здание бывшей мечети дер. Старый Кинер. Современный вид

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Настоящее свидѣтельство съ приложеніемъ печати
Тетюшскаго ^{городскаго} уезднаго училища выдано *кресьянину*

Усману Абдулгазизову Казанской губ.,
Казанскаго уезда, Менгерской
вол., деревни Старая Ашита *Усману*
Абдулгазизову, въ удостовѣреніе того, что
онъ успѣшно выдержалъ испытаніе въ знаніи рус-
скаго языка, установленное для кандидатовъ на долж-
ность сельскаго Муллы.

Анваря 19 ^{*го*} *дн* *189* ^{*го*} *года.*

38 175 96

Исполнитель народнаго училища *И. А. Ашуровъ*
Предсѣдатель комиссіи *Учитель Исполнитель*
П. Мансуровъ.

Члены комиссіи :
Учитель Васильевъ
и. д. учитель П. Мещеряковъ

Свидетельство, выданное Тетюшским городским училищем крестьянину дер. Старый Ашит Усману Абдулгазизову, о сдаче экзамена по русскому языку, установленного для кандидатов на должность сельского муллы. 1904 г. ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7033. Л.11

7 و بعضی چیزهای است که در آن نوشته شده است که با الله تعالی در روز 15 (15) مه 1302
 مانشه اولش بمشرفه قزاق قزوین از استعماریات
 Выписка из метрической книги дер. о рождении за 1865^г
 года деревни Машкиры, владимирской губернии, Казанской уезды
 и губернии.

№	Место " Мешо.	Место рожд. Машка.	Место рождения
1	Сент-Петербург	Еврей-Мухомин	Машка Садретдинова дер. Балаутдиновка
13	Сент-Петербург	Еврей-Мухомин	Машка Садретдинова дер. Балаутдиновка

و بعضی چیزهای است که در آن نوشته شده است که با الله تعالی در روز 14 (14) مه 1302
 مانشه اولش بمشرفه قزاق قزوین از استعماریات
 Это выписано вогдань 7 июня 1890 года
 Уездной канцелярии дер. Машкиры Владимирской губернии
 Садретдинов Балаутдинов и родственники.
 Переводчик и нотариус при Мешке Балаутдинова
 удостоверение Канцелярии Машкирская
 7 июня 1890 г. Ватаева старшина Ахмедов

Выписка из метрической книги дер. Ташикчу о рождении
 Абдулмукмина Садретдинова. 1865 г. ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4033. Л.7

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ
присутствіи Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Со-
бранія въслѣдствіе просьбы *Абдулмукмина Садретдинова*
указ. деп. Кудайбердиева, Махмута Галяу,
имена Садретдинова,
согласно 1238 ст. XI тома I части (изд. 1857 года), было ему,
Садретдинову учинено испытаніе въ знаніи правилъ
магометанской религіи, по которому оказался быть способ-
нымъ: *Алишаръ Хатыповъ и Миралимовъ*

Въ удостовѣреніе чего и выдается ему, *Садретдинову*,
это свидѣтельство, съ тѣмъ, что оно, показывая о его познаніяхъ,
не предоставляетъ ему право неуправлять духовныя
требы впродъ до утвержденія его въ духовныя званія
губернскимъ начальствомъ въ приходъ, въ который будетъ
выбранъ. Городъ Уфа. Гербовыя сборы оплачено.

Мас 17 2189 1889 года.

Засѣдатель *Султановъ*

Секретарь *А. Мухометовъ*

Уполномоченный *Султановъ*

Указ Абдулмукмину Садретдинову
на занятіе должности муллы. 1889 г.
ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4033. Л.4

Писатель Махмут Галяу
(1886–1938)

*Экспедиция Института
истории им. Ш.Марджани
АН РТ в Арском районе.
Старый Ашит.
Сентябрь 2017 г.*

*Старейшая жительница
Старого Ашита
Мадина Салахетдиновна
Шарафиева (1920 г.р.)*

Экспозиция Музея Ш.Марджани в дер. Ташикичу

Памятник Ш.Марджани в дер. Ташикичу

*Памятник
М.Галәу в
дер. Ташкүчү*

Староашитская основная общеобразовательная школа

*Деревен-
ская улица.
Ташкүчү*

Скончался Мухамедвафа в 1848 году, был похоронен в Казани. Следующим продолжателем семейной традиции стал внук Фазыла Сайфуллина **Ахмедсафа**. Он был учеником Ш. Марджани и также имамом одной из казанских мечетей. Скончался в 1869 году. Дочь Фазыла Сайфуллина Шарифа вышла замуж за имама Ахмеда бин Сагид аш-Ширдани⁴⁸.

В трудах Ш. Марджани есть упоминание об одном неприятном факте в биографии Фазыла бин Сайфутдин бин Хабибулла аль-Кизляви. Недоброжелатели хазрата, по злому умыслу, обвинили его в убийстве одного из шакирдов медресе. Однако по ходатайству и при помощи местных торговцев Абдулкарим-бая и Башир-бая Фазыл Сайфуллин был оправдан, с него сняли подозрения в преступлении⁴⁹.

В конце XVIII – начале XIX века в дер. Мамся жил и работал видный религиозный деятель **Муса бин Габдуррашид бин Утяган бин Ярмухаммад бин Кутлугмухаммад бин Мухсин ат-Тюнтери**. Он родился в знаменитой деревне Тюнтер, являлся представителем рода шейха Али-хазрата. Его наставниками были такие личности, как Мухаммед бин Али ад-Дагестани, Ишнияз бин Ширнияз аль-Хорезми, Абдуссалам бин Хасан аль-Кариле и др. Будучи имамом деревни Мамся, Муса ат-Тюнтери выехал в Мекку для совершения хаджа, однако он не вернулся в родные края: на обратном пути, в 1816 году, скончался в г. Александрия⁵⁰.

Вышеупомянутые религиозные деятели пользовались авторитетом среди мусульман и привлекали к себе учеников со всего Волго-Уральского региона. В подтверждение можно привести биографию **Нигматуллы бин Хабибулла бин Абдулманнан бин Акходжа**,

---

⁴⁸ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.258; Фәхретдин Ризаэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.257–258.

⁴⁹ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.258.

⁵⁰ Фәхретдин Ризаэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.269.

имама дер. Кыр Бикуле (Степное Озеро) Чистопольского уезда, происходившего из рода мурз Горной стороны. В юные годы для получения образования он пешком отправился в сторону Казани и в течение восемнадцати лет обучался в медресе деревень Мамся, Мачкара и Серда. Вернувшись в родные края, Нигматулла-хазрат стал передавать прихожанам знания, полученные от наставников⁵¹. Нигматулла бин Хабибулла является предком известного тюрко-татарского историка Агдеса Нигмета Курата.

В начале XIX века в дер. Мамся обязанности имам-хатыба и мугаллима исполнял мелла **Баймурат бин Мухаррам бин Муэмин бин Мусаллим бин Бутай бин Ишкения бин Ишбай бин Ишбулат бин Шахфулад бин Бухарфулад бин Джангази бин Альгази аль-Менгери**, который прославился своим трудолюбием и интеллектом. Первоначальное образование он получил у меллы Габида бин Абдулгазиза аль-Кенари, меллы Аббаса бин Абдурашида аль-Кушари и меллы Исхака бин Сагиди. Затем за богословскими знаниями отправился в Бухару, где слушал лекции и брал уроки у таких наставников, как Гайса бин Рахматулла, мелла Гаяз бин Загир, мелла Салих бин Надир аль-Худжанди и др. Вернувшись в 1813 году в Мамсю, стал здесь имам-хатыбом и мударрисом. В 1838 году переехал в Казань, где, как и ранее Фазыл бин Сайфулла аль-Кизляви, занимал должность имама шестой мечети. Ш. Марджани в своем труде указал, что и в Мамсе, и в Казани Баймурат аль-Менгери держал большие медресе, собирал в них шакирдов и давал им достойное образование и воспитание. Его медресе славились уровнем знаний.

Поскольку Баймурат-хазрат происходил из купцов дер. Большой Менгер, он умело сочетал религиозные знания с предприимчивостью. Он наладил производство и продажу изделий с каллиграфическими надписями (возможно, шамаилей), благодаря чему получал средства для обучения шакирдов. По воспоминаниям современников, мелла Баймурат аль-Менгери был внимательным и обходительным человеком, обладал талантом подчинять себе людей. В то же время был острым на язык, иногда даже язвительным. Напи-

---

⁵¹ Фәхрәтдин Ризәәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.340.

сал немало сочинений, которые отличались спорностью суждений и зачастую пренебрежительным отношением к другим людям, включая самых близких. Ш. Марджани оценивал «Аль-Магакыд» и другие работы Баймурата аль-Менгери как пустые и не имеющие никакой ценности⁵².

Как видно из биографий религиозных деятелей, служивших в дер. Мамся, среди них было немало людей со стороны. Для Заказанья такая ротация имамов в целом была обычным явлением. Уроженцы Мамси также служили имамами в других селениях. Одним из них был мелла **Ахмед бин Ихсан аль-Мамсави**.

Он пользовался уважением в татарском обществе, отличался справедливостью, порядочностью, скромностью и ясным умом. После окончания медресе меллы Абдуллы бин Яхьи в дер. Маскара Ахмед-хазрат в довольно юном возрасте вступил в должность имама в дер. Мазарбаш, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью. Даже в последние дни своей жизни он не изменил принципам порядочности и, обращаясь к прихожанам, произнес следующие слова: «Я не настаиваю, чтобы после моей смерти на мое место ставили моего сына. В большую деревню нужен человек, который имеет большой багаж знаний»⁵³.

Ахмед бин Ихсан аль-Мамсави был преставителем династии сельских имамов. Его отец **Ихсан бин Гумар бин Кадырмет бин Саид бин Ирмян бин Исанкул аль-Мамсави** (1821–1871)⁵⁴ всю свою жизнь посвятил служению мусульманам дер. Бурбаш Вятской губернии. Он был автором нескольких поэм, од и элегий, посвященных известным деятелям эпохи. Являлся сторонником реформаторских идей Ш.Марджани. В 1868 году опубликовал стихотворные комментарии к его произведениям в приложении к 1-му тому «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Источники по истории

---

⁵² Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында фәйдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.304.

⁵³ Там же. Б.333.

⁵⁴ Там же. Б.332–333.

Казани и Булгара»⁵⁵. Один из сыновей Ахмед-хазрата после его смерти служил в дер. Мазарбаш⁵⁶, потомки другого сына – **Мухаммади бин Ихсана** (1821–1901⁵⁷), как и дед, являлись имамами дер. Бурбаш⁵⁸. Сам Мухаммади окончил медресе дер. Маскара, учился у дамеллы Абдуллы бин Яхьи. Его сын **Мухамматгариф** (род. в 1863 г.) прошел курс обучения у Гатауллы-хазрата в дер. Верхняя Корса⁵⁹, а с 1890 года исполнял при отце обязанности второго муллы.

Следует отметить, что выпускники Мамсинского медресе служили имамами и мугаллимами не только в Заказанье. Их можно было встретить в разных уголках Российской империи, в том числе самых отдаленных. В фондах Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе сохранилось прошение служилого татарина Ахметши Абдулгаллямова, датированное 1855 годом, об определении его имамом в Киргизскую Орду⁶⁰.

Основным источником для описания жизни мусульманской общины Заказанья вплоть до середины XIX века являются труды Ш. Марджани и Р. Фахретдинова. Со второй половины столетия круг исторических источников расширяется, а сама информация становится более разнообразной.

Следует отметить, что в указанный период деревня, именуемая в народе Мамся, в официальных документах фигурирует как два отдельных селения: Починок Байчуринский и Починок на Окше. Местные жители считали их единым целым, поскольку починки разделяла лишь речка Мамся, однако и в религиозном плане селения также были официально разделены и составляли два самостоятельных прихода. Однако в начале XX столетия некоторые государственные органы стали учитывать их как одно селение. Например, в «Описании Казанской губернии» 1909 года оно фигурирует как дер. Байчурино⁶¹.

---

⁵⁵ Татарская энциклопедия. Т.4. Казань, 2008. С.64.

⁵⁶ Ныне с. Алашайка Параньгинского района Республики Марий Эл.

⁵⁷ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.740. Л.40 об.

⁵⁸ Там же. Л.38 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.2714. Л.1.

⁶¹ Описание Казанской губернии. Казань, 1909. С.76.

Согласно архивным данным, с 1839 года в приходе Починка Байчуринский имам-хатыбом и мугаллимом служил Исмагил Тагиров. Его сын Мирзаян Исмагилов с 1860 года исполнял аналогичные обязанности в Починке на Окше. Однако там у него не сложились отношения с прихожанами, которые в 1869 году подали ходатайство об отстранении М. Исмагилова с занимаемой должности. Основанием стали неисполнение хазратом своих прямых обязанностей и занятие предпринимательской деятельностью. В ходатайстве, подписанном 110 жителями деревни, утверждалось, что М. Исмагилов занимается скупкой у населения зерна, которое затем отправляет на винокурный завод. Данный факт сам по себе вызывал возмущение местных жителей, однако более всего они были недовольны тем, что М. Исмагилов из-за отсутствия на рабочем месте нарушал время богослужений. Кроме того, он не занимался должным образом обучением детей⁶².

Недовольство прихожан хазратом нарастало в течение ряда лет, пока не вылилось в открытый конфликт. В 1870 году М. Исмагилов обратился с жалобой к уездному начальству по факту избиения его крестьянами. Якобы 24 января при выходе из мечети с вечернего намаза ему нанесли побои, а также отобрали чалму и чапан жители деревни Мухаметгаей Феткуллин, Вахит Сабитов, Абдулвалей Сабитов, Ахмади Исмагилов и Нязиб Исмагилов. Их целью, вероятно, являлось желание припугнуть Мирзаян-хазрата за халатное отношение к своим обязанностям. Умысла калечить его у них не было. Как видно из материалов следствия, разногласия М. Исмагилова с верующими носили постоянный характер: он писал, что «часто терпит оскорбления со стороны прихожан»⁶³. Примечательно, что хотя из-за занятости предпринимательской деятельностью Мирзаян-хазрат не выполнял должным образом обязанности имам-хатыба и мугаллима, он не желал передавать их второму мулле прихода Шарафутдину Фахрутдинову.

По заявлению Ш. Фахрутдинова, из-за частых отлучек М. Исмагилова, длившихся иногда по неделе и более, он не мог вовремя вно-

---

⁶² НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.7032. Л.1–5.

⁶³ НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.7636. Л.3.

свить сведения в метрические книги, что являлось нарушением законов. Просьбы передать ему книги для своевременного заполнения не увенчались успехом. Поэтому Ш. Фахрутдинов вместе с сельским старостой Садретдином Феткуллиным и еще несколькими сельчанами попытался силой изъять у М. Исмагилова метрические книги. Впоследствии в заявлении властям Мирзаян-хазрат утверждал, что к нему домой пришло много людей во главе со старостой, выломав запертую дверь, они зашли внутрь. Представители другой стороны в ответ показали, что дверь не была заперта и в дом к Исмагилову они проникли беспрепятственно. В конечном итоге Мирзаян-хазрат был вынужден отдать метрические книги, но не Ш. Фахрутдинову, а старосте. Видимо, не последнюю роль в данной ситуации играли конкуренция между муллами и взаимная неприязнь.

Метрические книги к Исмагилову больше не вернулись, а сам он после описанного инцидента прожил недолго, скончался 15 февраля 1872 года. Причина его смерти неизвестна, но не исключено, что она связана с событиями 1870 года. Похоронили М. Исмагилова в дер. Мамся, однако памятник на его могиле был установлен значительно позже, в начале XX века. Он представляет собой общее надгробие для нескольких человек. Помимо Мирзаян-хазрата на нем упомянуты имена его отца Исмагила Тагирова и брата Ибраги-ма Исмагилова.

Как показывают архивные источники, жизнь мусульманских священнослужителей в Мамсе не была простой. В метрических книгах Починка Байчуринский за 1873 год зафиксирована смерть от побоев 56-летнего муллы Бикмухамета Бикбова. Это неординарное событие произошло 21 августа 1873 года, и, судя по надписи надмогильном камне, имам погиб от рук злодеев и не по справедливости. Следует отметить, что данное надгробие является самым ранним эпиграфическим памятником в деревне.

После смерти М. Исмагилова и Б. Бикбова ведущие позиции в духовной жизни дер. Мамся занял Шарафутдин Фахрутдинов, с которого берет начало целая династия сельских имамов. Сведений о нем самом немного. Известно, что родился он в 1837 году в дер. Малый Ашняк (ныне Рыбно-Слободский р-н РТ). Обучался в медресе дер. Тюнтер Малмыжского уезда Вятской губернии у ишана

Гали Сайфуллина. Указ на должность имам-хатыба и мугаллимма получил 28 ноября 1869 года. В том же году его назначили вторым имамом мечети в Починке на Окше, а после смерти М. Исмагилова он стал здесь первым имамом⁶⁴. Заботясь о содержании мечети, Шарафутдин-хазрат в 1878 году добился от сельского общества решения о ремонте мечети⁶⁵.

Судя по архивным документам, примерно в это же время Ш. Фахрутдинов возглавил приход в Починке Байчурунский. Приход был довольно большой: по 10-й ревизии (1858 г.), в нем числилось 213 душ мужского пола, а в середине 1880-х годов – 336 мужчин и 310 женщин⁶⁶. В связи с большим количеством прихожан в 1890 году жители деревни даже подали прошение о разрешении строительства второй мечети⁶⁷, но оно не нашло поддержки у властей.

Примечательно, что и в дальнейшем вторыми имамами в мечети Починка Байчурунский служили исключительно сыновья Шарафутдина Фахрутдинова. В 1894 году сюда был назначен Шамсимухамед (род. в 1871 г.), ему на смену в 1906 году пришел Габбас (род. в 1884 г.)⁶⁸.

В официальных документах начала XX столетия Габбас-хазрат упоминается как Габас Шарафутдинович Данбулатов. Известно, что он обучался в казанском медресе «Касимия» у Мухамедкасим-хазрата Салихова. Ко времени назначения вторым имамом в Починок Байчурунский его отец был уже весьма пожилым человеком и, хотя считался первым имам-хатыбом, все духовные обязанности в приходе выполнял Габбас. Он же вел метрические книги и обучал детей в местном медресе. По сведениям 1897 года, здесь учились 22 мальчика и 21 девочка⁶⁹. В начале XX столетия численность учащихся

---

⁶⁴ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.1231. Л.544 об.

⁶⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.9507. Л.1.

⁶⁶ Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. XIV. Мамсинская волость. Казань, 1885. С.1.

⁶⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.40–59. Л.1.

⁶⁸ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7591. Л.15 об.–16.

⁶⁹ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.5568. Л.45 об.–46.

стала расти⁷⁰. Габбас Данбулатов являлся сторонником джадидизма и постепенно начал переводить медресе на новый метод обучения. В 1916 году он построил на свои деньги новометодную школу для девочек, в которой преподавал вместе с женой Гайшой Габидовой, уроженкой дер. Корса⁷¹. Нововведения очень не нравились местным кадимистам-ретроградам, которые подстрекали и натравляли жителей Починка Байчуринский против Данбулатова. На протяжении 10 лет Габбас-хазрат, несмотря на издевательства, сплетни, ложь, несправедливость по отношению к себе, продолжал обучать детей. Однако, в конце концов, не выдержал и 20 июня 1917 года по собственному желанию сложил с себя обязанности муллы⁷².

Из обширного семейства Шарафутдина Фахрутдинова на кладбище дер. Мамся сохранилась лишь могила его сына Зиятдина, умершего в 1902 году в возрасте 28 лет⁷³.

Имамы, служившие в Починке на Окше, в отличие от Починка Байчуринский, менялись довольно часто. С 1890 года эту должность исполнял Сабирзян Абдулбадигов (род. в 1866 г.)⁷⁴. Образование он получил в медресе шейха Гатауллы Мухаммадиева. Проработав некоторое время в Починке на Окше, перебрался в дер. Казылино (Арский р-н РТ), где приобрел известность как религиозный деятель и педагог. Однако тахаллус Мамсави остался напоминанием о его происхождении.

Сведения о других имамах, служивших в Починке на Окше, отрывочны. В «Ведомостях о числе приходов и духовных лиц Казанской губернии» за 1900 год имамом приходской мечети значится Гисматулла Фаткуллин (род. в 1838 г.), который в 1902 году уступил это место сыну Мухамедназибу Гисматуллину (род. в 1876 г.). В сентябре 1907 года на эту должность заступил мулла дер. Ашабаш

---

⁷⁰ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.6874. Л.54 об.–55.

⁷¹ Йолдыз. 1916. 26 декабрь. Б.4.

⁷² Йолдыз. 1917. 23 июнь. Б.4.

⁷³ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истэлеклэре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. Б.165.

⁷⁴ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.608. Л.102 об.

Мухаметхафиз Абдулкафиев (род. в 1873 г.)⁷⁵. В отличие от имамов, бессменным муэдзином в деревне долгое время был Хабибрахман Абдулгафаров (род. в 1854 г.), получивший указ на занятие этой должности в 1880 году.

В послереволюционное время духовные функции в Мамсе выполняли Абдулкаюм Ахмаров и Мухамеднакиб Хабибуллин (ум. в 1923 г.)⁷⁶, однако в каких приходах – установить пока не удалось.

Старый Ашит – одно из старейших селений Больше-Менгерской волости и всего Заказанья, осталось в истории и как один из центров духовной жизни региона. Старый Ашит всегда был многонаселенным, имел свой приход и мечеть. В период христианизации 1740–1750-х годов мечеть, обслуживавшую 80 дворов, сломали⁷⁷, однако при императрице Екатерине II отстроили заново. Долгое время она оставалась единственным культовым сооружением в деревне, несмотря на большое число прихожан. В 1881 году жители Старого Ашита подали прошение о строительстве здесь второй соборной мечети. Все расходы на возведение здания брал на себя местный уроженец Абдулгали Абдулбасыров при условии, что в последующем займет должность имама в новом приходе⁷⁸. Однако, по всей видимости, это прошение не получило поддержки.

Среди имамов, в разное время служивших в Старом Ашите, особо выделяется фигура **Сагида бин Ахмед аш-Ширдани** (полное имя Сагид бин Ахмад бин Мухаммад бин Юсуф бин Габдельгазиз бин Галикай бин Габдерраззак аш-Ширдани)⁷⁹. По некоторым данным, он был родом из дер. Большие Ширданы Свяжского уезда. В разные периоды своей биографии служил имамом в деревнях Старый Ашит, Верхняя Серда, Старый Кишит Казанского уезда. Женился на Гуль-

---

⁷⁵ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.7591. Л.15 об.–16; Ф.204. Оп.177. Д.1232. Л.1 об.

⁷⁶ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.52 об–53.

⁷⁷ Ислаев Ф., Галлямов Р. «Экстракт в Правительствующий сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. №1. С.306.

⁷⁸ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1936. Л.3.

⁷⁹ По другим данным, его звали Ахмед бин Мухаммед бин Юсуф бин Абдулгазиз бин Галикей бин Юсуф бин Абдураззак бин Абдулла.

чахре, дочери жителя Старого Ашита Салавата бин Муртазы бин Исмагила бин Юнуса бин Идриса. В 1810 году стал имамом пятой («Галеевской») мечети г. Казани и учредил здесь приходское медресе. В конце XVIII – начале XIX века Сагид-хазрат входил в число наиболее уважаемых мусульманских священнослужителей, обладал основательными знаниями по арабскому языку и юриспруденции, которые передавал своим ученикам. Р. Фахрутдинов в труде «Асар» упоминает о рукописи «Фараиз Сираджия», которая заканчивалась надписью: «Эта книга написана в медресе Сагида бин Ахмед в деревне Ашит Хамидом бин Сагидом в 1780 году». Возможно, речь идет о книге, написанной (или переписанной) сыном Сагид-хазрата.

В 1829 году Сагид бин Ахмед аш-Ширдани направился в Стамбул с целью совершить хадж, однако из-за русско-турецкой войны 1828–1829 годов не смог совершить задуманное: пожив некоторое время в Крыму, он возвратился обратно. Интересен следующий факт: Сагид-хазрат приходился тестем знаменитому религиозному реформатору Абдуннасыру аль-Курсави. Он выдал за него свою дочь Фатиму, однако этот брак оказался недолговечным из-за ранней смерти Курсави⁸⁰. Сам Сагид-хазрат пережил зятя на два десятилетия. Он скончался в 1831 году, достигнув 90 лет, и был похоронен в Казани.

Одним из учеников Сагида бин Ахмета аш-Ширдани в период служения в дер. Старый Ашит был дед Ш. Марджани по матери – Абдуннасыр. В 1792 году он сам становится имам-хатыбом и мударрисом в этой деревне. Среди его учеников были такие видные религиозные деятели первой половины XIX столетия, как Исхак бин Сагид аль-Казани, Фазыл бин Нигматулла аль-Буави, Сагит бин Хамид аль-Бараскави, Сайфетдин бин Башир аль-Чокалый, Зайнелгабдин бин Яхья ас-Суыксывий, мелла Фатхулла бин Валид аз-Задури, мелла Башир бин Джомга аль-Кара Китави, мелла Ибрагим бин Ягуда аш-Шайморзави, мелла Габделман бин Субхан аль-Чокалы и др. Как видно из тахаллусов его учеников, география просветительской деятельности Абдуннасыр-хазрата была обширной. Сам он был искренним человеком, с чистой душой, при этом глубоко верующим и строго соблюдавшим законы шариата. Ш. Марджани писал, что его дед

---

⁸⁰ Фәхрәтдин Ризәәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.307–308.

имел свидетельство об обучении религиозным наукам у Хабибуллы-ишана Оруви, однако это обнаружилось лишь после его смерти, при жизни он умалчивал данный факт⁸¹.

Другим выходцем из дер. Старый Ашит, увековеченным Ш.Марджани, был **Мухамедрахим бин Юсуф бин Абдулкарим бин Арслан аш-Ашити**⁸². Его отец Юсуф бин Абдулкарим также был имамом в этой деревне. Получив начальное образование в медресе своего отца, Мухамедрахим со временем стал его помощником, а затем и возглавил местный приход. По истечении трех лет вместе Ибрагимом бин Худжашем направился в Дагестан, чтобы пополнить свои знания. В течение десяти лет они учились у великих ученых тех краев, накопили много знаний. После возвращения на родину баи из дер. Маскара пригласили Мухамедрахим-хазрата служить в их мечети. К должностям имама и мударриса вскоре добавилось и звание ишана. В Маскаре Мухамедрахим бин Юсуф аш-Ашити прослужил до конца своих дней. Был женат на дочерях купца Абдуссаляма Утямышева – вначале на Махбубе, затем на Хабибе. Мухамедрахим-хазрат давал уроки по мусульманскому праву, логике, каляму, гыйльмет-таухиду, был учителем и наставником таких видных ученых и религиозных деятелей, как Абуннасыр аль-Курсави, Абдулла бин Яхья аль-Чиртуши, Фахруддин бин Абдрахман аль-Бахтияри, Субхан бин Абдулкарим аль-Марждани, Али бин Сайфулла ат-Тюнтери, Ихсан бин Гумар аль-Мамсави и др.⁸³ Скончался в 1818 году, и был похоронен на кладбище дер. Маскара.

Ш. Марджани так писал об этом человеке: «Мухамедрахим-хазрат был человеком искренним, уроки у него были образцовыми. Скончался, так и не простив Абуннасыра аль-Курсави и Абдуллу бин Яхья аль-Чиртуши, видимо, потому что последние не призна-

---

⁸¹ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.283.

⁸² Там же. Б.263–264.

⁸³ Фәхрәтдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.272.

вали его превосходство в науках»⁸⁴. Из этих слов следует, что у Мухамедрахима бин Юсуф аш-Ашити был конфликт со своими знаменитыми учениками, которые в чем-то превзошли учителя. Однако это совсем не умаляет его роли в их воспитании.

В трудах Ш. Марджани и Р. Фахретдина имеются упоминания еще о нескольких видных личностях, связанных с дер. Старый Ашит. К сожалению, эта информация весьма скудная и восполнить ее другими источниками пока не удалось. Так, Марджани в «Мөстәфадел-эхбар» пишет об **Абдуннасыре бин Сайфулмулюке**, который служил имамом в Старом Ашите, обучал шакирдов в местном медресе. Одним из них был мелла Исхак бин Сагид аль-Кеняри⁸⁵, который впоследствии стал имамом первой мечети в Чистополе и Апанаевской мечети в Казани⁸⁶.

Р. Фахретдин в своем труде «Асар» упоминает о другом имаме Старого Ашита – **Биккуле бин Ибрагиме**. Он являлся отцом **Мухсина бин Биккула бин Ибрагима аш-Шаши**, одного из немногих казанских татар, добившихся уважения и признания в Бухаре⁸⁷.

Новый Кинер. В Мамсинской волости существовали две деревни под этим названием. В русских официальных документах они четко различались: одна называлась Шинер-Кинер (Старый Кинер), другая – Починок по речке Мамся (Новый Кинер). Однако в татарских источниках отличить их друг от друга не просто, так как обе деревни в народе назывались Кинер. Новый Кинер был основан выходцами из Старого Кинера, поэтому история двух селений тесно переплетается, даже земельный надел у них был общий. Несмотря на более позднее время основания, Новый Кинер быстро обогнал

---

⁸⁴ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.263.

⁸⁵ Там же. Б.247.

⁸⁶ Салихов Р., Хайрутдинов Р. Татарстан жәмһүрияте: татар халкының тарихи һәм мәдәни һәйкәлләре (XVIII гасыр ахыры – XX башы). Казан: Фест, 1995. Б.242.

⁸⁷ Фәхретдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.311.

материнское селение как по численности населения, так и по экономической значимости.

Деревня выделялась среди других селений Мамсинской волости предприимчивостью жителей и высокой предпринимательской активностью. Показателем зажиточности является хотя бы тот факт, что во второй половине XIX – начале XX века в Новом Кинере насчитывалось 4 мусульманских прихода и функционировали 4 мечети. Однако количество не всегда подтверждается качеством. По уровню образования Новый Кинер уступал тем селениям Мамсинской волости, о которых говорилось выше. В деревне не было медресе, хотя в каждом приходе работал мектеб, в которых обучали основам ислама. Детям, желавшим получить хорошее религиозное образование, приходилось покидать родные дома и обучаться в медресе деревень Кшкар, Старый Ашит, Ташкичу или в учебных заведениях Казани. Несмотря на это, религиозная сторона жизни деревни заслуживает пристального внимания.

Время постройки первой мечети в Новом Кинере неизвестно. Поскольку сама деревня возникла лишь в середине XVIII столетия, можно предположить, что случилось это в царствование императрицы Екатерины II (1762–1796), когда были несколько смягчены условия возведения мусульманских культовых сооружений.

В начале XIX столетия в Новом Кинере функционировали уже две мечети – соборная и пятивременная⁸⁸. С 1830 года в обеих велись метрические книги⁸⁹. Другие документальные свидетельства, позволяющие судить об истории мечетей и в целом духовной жизни селения, относятся преимущественно ко второй половине XIX – началу XX столетия.

Согласно этим данным, имам-хатыбом первой соборной мечети с 1851 года являлся **Мухамедзакир бин Самигулла Шамсутдинов**, аналогичные обязанности во второй мечети с 1861 года испол-

---

⁸⁸ Пятивременная мечеть – мечеть для ежедневной пятикратной молитвы, соборная мечеть – мечеть для пятничных торжественных богослужений.

⁸⁹ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.822. Л.419 об.

нял **Залялетдин Мухамедкамалович Арсланов**⁹⁰. В официальных документах 1870-х годов мечети деревни указывались как Верхняя соборная и Нижняя соборная. Видимо, название давалось по территориальному расположению культовых зданий. К этому времени вторая мечеть из пятивременной стала соборной. Имам первой мечети Мухамедзакир Самигуллин родился в 1827 году и был учеником известного мугаллима Сибгатуллы-хазрата Абдулкадырова из дер. Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне дер. Нижняя Ура Арского р-на РТ)⁹¹. Возглавив в 1851 году приход второй мечети, он руководил им свыше четырех десятилетий, вплоть до своей смерти в 1894 году. В 1887 году по его инициативе здание мечети было отремонтировано, в частности заменена кровля⁹².

В последние годы жизни Мухамедзакира Самигуллина ему помогал сын Мухамедзариф (род. 1862 г.). Он закончил Кшкарское медресе, обучался у знаменитого дамеллы Исмагила Утямышева. В 1889 году получил указ, разрешавший ему занимать духовные должности, а после смерти отца возглавил приход первой мечети Нового Кинера. Последним имамом этой мечети стал его сын Абдулхай бин Мухамедзариф Самигуллин⁹³, назначенный на должность в 1914 году. Его служба оборвалась в первые годы советской власти, вместе с ней закончилось духовное служение имамов из рода Самигуллиных, на протяжении трех четвертей столетия деливших горе и радость с прихожанами первой мечети.

В приходе второй мечети сложилась своя династия имамов. Долгие годы духовные должности здесь занимали представители рода Арслановых. Первым, о ком сохранились сведения, был **Мухамедкамал бин Ильяс**, скончавшийся в 1861 году в 67-летнем возрасте. Его сын **Залялетдин Мухамедкамалович Арсланов** обучался наукам в Кшкарском медресе у Исмагила Утямышева⁹⁴. Встав

---

⁹⁰ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.273. Л.256 об.–257.

⁹¹ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.124 об–131.

⁹² НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.11583. Л.5.

⁹³ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.45 об.–46.

⁹⁴ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.132 об.

во главе первого прихода после смерти отца, он возглавлял его на протяжении 43 лет. При нем при мечети открылся мектеб, в котором обучались 13 мальчиков и 18 девочек⁹⁵. В 1903 году деревянная мечеть второго прихода сгорела⁹⁶, но уже в 1904 году была отстроена заново⁹⁷. В том же году Зялялетдин-хазрат скончался и был похоронен рядом с отцом на кладбище Нового Кинера. Могилы обоих и памятники сохранились⁹⁸.

Следующим представителем династии имамов Арслановых стал Гимадутдин Зялялетдинович Арсланов (род. в 1861 г.). Как и его отец, он был учеником Исмагила Утямышева, руководившего медресе в дер. Кшкар⁹⁹. С 1884 года он помогал отцу, исполняя обязанности второго муллы¹⁰⁰. В 1900 году, после постройки в Новом Кинере четвертой мечети, Гимадутдин-хазрат становится имам-хатыбом и мугаллимом в ее приходе¹⁰¹.

В том же втором приходе более 50 лет исполнял обязанности муэдзина **Ахмедгаллям бин Мухамедюсуф Арсланов**, представитель другой ветви рода Арслановых. Он обучался в медресе дер. Нуса¹⁰² (Арский р-н РТ), был учеником Абдуллы-хазрата. Скончался в 1909 году в 70-летнем возрасте. На кладбище Нового Кинера сохранился надгробный камень, поставленный ему и его сыну – Абдулхаю¹⁰³.

Среди других имамов, служивших во второй мечети Нового Кинера, особый интерес представляет фигура **Хади Хайрулловича Ихсанова**. Родился он в 1874 году в дер. Ахуново Белебейского уезда Уфимской губернии. Первоначальное образование получил в дер.

---

⁹⁵ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.273. Л.256 об–257.

⁹⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.6878. Л.1–2.

⁹⁷ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.45 об.–46.

⁹⁸ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. Б.370.

⁹⁹ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.141.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.2565. Л.3.

¹⁰¹ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.147.

¹⁰² ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.819. Л.497.

¹⁰³ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. Б.374–375.

Килимово того же уезда, в 1891–1904 годах совершенствовал знания в Салиховском медресе г. Казани, параллельно в начале 1900-х учился (с перерывами) в русских классах при Апанаевском медресе. В ноябре 1905 года, сразу после окончания учебы, был определен муллой во второй приход дер. Новый Кинер. Хади-хазрат отличался прогрессивными взглядами, чем привлек к себе внимание полиции и заслужил репутацию политически неблагонадежного. В 1911 году его обвинили в связях с «Мусульманской прогрессивной партией»¹⁰⁴. В предписании Казанского губернатора от 1 апреля 1911 года констатировалось, что Х.Ихсанов «состоит главным помощником в Казанском уезде муллы г. Казани Галимзяна Мухамедзянова (Г.Баруди), который якобы является главным деятелем в Казанской губернии представителей мусульманской прогрессивной партии». Он также подозревался «в сборе денег для турецкого флота, распространяя в населении программу своей партии, антинациональные брошюры и прокламации»¹⁰⁵. В пособничестве Г.Баруди и негативном влиянии на учащуюся молодежь (шакирдов) наряду с Х. Ихсановым обвинялись муллы Гадей Максютов и Габдулла Апанаев.

Следует пояснить, что в документах полиции речь шла об участии указанных лиц в деятельности политической партии «Иттифак аль-муслимин», созданной в 1905 году на Всероссийском конгрессе мусульман в Нижнем Новгороде. Во время 3-го Всероссийского съезда мусульман в августе 1906 года это объединение приобрело статус партии и в таком качестве было представлено на выборах в Государственную Думу первого созыва в мае 1906 года. Программа партии «Иттифак аль-муслимин» предусматривала ряд либеральных преобразований и объединение всех мусульман России без различия сословий и национальности.

В ходе следствия Х.Ихсанов подвергался допросам, в его доме 22 апреля 1911 года прошел обыск, в ходе которого были изъяты книги, брошюры, рукописи, переписка с разными людьми. В список изъятого входили 2 рукописные тетради, озаглавленные как «тет-

---

¹⁰⁴ Документы, освещающие некоторые детали дела Х.Ихсанова, представлены в Приложении №8.

¹⁰⁵ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.790. Л.10–11.

радь справочник»; 2 номера газеты на татарском языке, название которой следователи не смогли определить; 2 номера газеты «Тарджиман», выпускавшейся знаменитым просветителем И. Гаспринским; 1 номер газеты за 18 января 1909 года, издававшейся в Астрахани, редактором которой был известный просветитель, ученик Ш. Марджани Абдурахман Умари; 2 номера (№№ 8 и 18) иллюстрированного журнала «Ялт-Йолт»; картонная коробка с перепиской в количестве 108 писем; 2 рукописные тетради в переплете на татарском языке и еще одна такая же тетрадь в переплете с текстами на русском и татарском языках; 43 печатные брошюры на татарском языке в разных обложках. Особое внимание полиции привлекло письмо Абдурахмана бин Абдулгалляма из Каира, датированное 19 октября 1907 года. В письме, адресованном Мухамедгадию Ихсанову, сообщалось, что в Каире состоялось «собрание мусульман со всех концов света и что на этом собрании был и Исмагил Гаспринский, который призывал всех мусульман, и предложение Гаспринского было принято большинством голосов»¹⁰⁶. Цензор, переведивший письмо, констатировал, что в нем не указано, к чему призывал Гаспринский.

Хотя полиция тщательно изучила деятельность Х. Ихсанова в поисках фактов и доказательств его «политической неблагонадежности», веских оснований для ареста не было выявлено, в результате он вскоре был отпущен на свободу¹⁰⁷.

В 1886 году жители Нового Кинера обратились к властям за разрешением о строительстве в деревне третьей мечети, так как население росло быстрыми темпами, и имеющиеся мечети не вмещали всех прихожан. Кроме того, территориально они находились в разных концах селения, центральная же часть Нового Кинера с двух сторон была разделена оврагами. Поэтому в весеннюю и осеннюю распутицу жители не могли добраться ни до первой, ни до второй мечети. Всего в 74 домах их было 206 душ мужского пола¹⁰⁸. Имам новой мечети они пригласили **Абдулкадыра Мухамедвафо-**

---

¹⁰⁶ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.790. Л.34.

¹⁰⁷ Там же. Л.16–17, 35–36.

¹⁰⁸ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3249. Л.2.

вича Сайдашева, с 1882 года служившего вторым имамом в дер. Кабан Лаишевского уезда¹⁰⁹. Его отец – Мухамедвафа Яхьяевич Сайдашев с 1855 года исполнял там обязанности имам-хатыба и мугаллима. Родной брат Мухамедвафы-хазрата – Ахметзян с конца 1850-х годов успешно занимался предпринимательской деятельностью, впоследствии стал совладельцем «Торгово-промышленного товарищества А.Я. Сайдашев с сыновьями и Субаев Баки Мухамедгалимович», одним из учредителей и издателей газеты «Баянульхак». Помощниками, а затем и компаньонами отца являлись сыновья Мустафа и Мухамедзян¹¹⁰.

На протяжении многих десятилетий две ветви рода Сайдашевых служили своему народу: выполняли духовные обязанности, обучали детей, издавали газету, содержали издательство «Баянульхак», строили мечети и медресе. На средства М.Сайдашева был построен комплекс медресе «Мухаммадия», он и его сыновья жертвовали большие суммы «Обществу пособия бедным мусульманам».

С 1896 года вторым имамом третьей мечети Нового Кинера, а также помощником Абдулкадыра Сайдашева в духовных и образовательных делах был **Мухамедюсуф Мингазетдинович Арсланов** (род. в 1867 г.), происходивший из рода имамов второй мечети дер. Новый Кинер¹¹¹. Он окончил Апанаевское медресе Казани, обучался у Абдулгаллям-хазрата Салихова¹¹². Обязанности муэдзина в третьей мечети исполнял младший брат Абдулкадыра Сайдашева – **Мухамедкасим Мухамедвафович**¹¹³.

Четвертый приход в Новом Кинере был образован, как уже отмечалось, в 1900 году. Он появился по просьбе части прихожан второй мечети. 57 домохозяев изъявили желание построить новую мечеть, обосновав свое намерение теснотой существующей мечети и ее отдаленностью от остальных. К прошению было приложено

---

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3249. Л.6.

¹¹⁰ Мухамедеева Л.А. Торгово-промышленная и общественно-политическая деятельность купеческой династии Сайдашевых (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 27 с.

¹¹¹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.45 об.–46.

¹¹² ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.141.

¹¹³ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.46 об.–47.

согласие прихожан всех трех мечетей. Приведенные доводы о необходимости возведения четвертой мечети подкреплялись экономическими основаниями. В деревне было немало людей, способных взять на себя расходы по строительству здания. Тем более, любой мусульманин почитал за честь такую возможность. Постройку четвертой мечети в Новом Кинере профинансировал арский купец Багаутдин Абдряшитов¹¹⁴. Первым имамом, как уже отмечалось, стал Гимадутдин Арсланов. В 1921 году на его место был назначен **Абдулмугис Назмутдинов**¹¹⁵, судьба которого, как и судьба самой мечети, повторила историю многих других мусульманских священнослужителей и культовых сооружений советского времени.

На рубеже 1920–1930-х годов все четыре мечети Нового Кинера были закрыты, их минареты разобраны. Здание одной мечети передали под школу, во второй разместились органы НКВД, здание третьей мечети использовалось как склад для хранения семян, четвертую мечеть разобрали, и из этого материала был построен детский сад.

В заключение нельзя не упомянуть о примечательном факте, записанном ученым М.И. Ахметзяновым во время археографических экспедиций 1973–1974 годов¹¹⁶. По словам старожилов Нового Кинера, деревня была известна не только большим числом мечетей, но и династией мастеров по их строительству, передававших свое умение от отца к сыну. Основателем династии был плотник Габдрафик Габделганиев, живший в середине XIX столетия. Он построил за свою жизнь 36 деревянных мечетей. Его сын Хуснутдин (1843–1928) ненамного отстал отца, он возвел 34 мечети.

Сын Хуснутдина Каюм (1882–1914) продолжил семейную традицию. Число построенных им мечетей неизвестно, так как в самом расцвете лет он погиб на фронтах Первой мировой войны. Последний представитель династии Кави Каюмов (1910–1976) в силу изменившихся исторических условий мечети не строил, однако дос-

---

¹¹⁴ НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.15977. Л.5–10.

¹¹⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.46 об.–47.

¹¹⁶ Эхмэтжанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрдәләре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012. Б.68.

тойно продолжил дело предков. Будучи признанным мастером плотничного дела, он построил множество домов, бань, надворных построек, ворот, много лет проработал бригадиром колхозной строительной бригады.

Старый Кинер. По численности населения Шинер-Кинер (Старый Кинер) уступал Починку по речке Мамся (Новый Кинер), однако с точки зрения духовного развития и образованности превосходил его. В Старом Кинере жили и творили личности, снискавшие уважение, авторитет и признание в разных частях мусульманского мира.

Примером может служить биография **Габида бин Абдулгазиз бин Гайса аль-Кинери**, который до родной деревни служил имамом и муэдарином в деревнях Арбаш, Карелино, Урнашбаш. Учился он у таких знаменитых наставников, как Абуссалам бин Хасан аль-Карице, Сагид бин Ахмад аш-Ширдани, Бикчентей бин Ибрагим аль-Берескеви и др. В числе его учеников были Баймурад бин Мухаррам аль-Менгери, Абубакир бин Джагфар аль-Агрезеви, Абдурахман бин Абдуррахим эт-Тайсугани и другие известные в XIX столетии люди¹¹⁷. Был человеком широкой души, щедрым и в то же время скромным, благожелательным. Скончался Габид-хазрат в 1835 году при возвращении из хаджа, когда судно пересекало Черное море¹¹⁸, был похоронен в г. Синоп¹¹⁹. После смерти его дело продолжил сын мелла Садык, который умер в Урнашбаше в 60-е годы XIX века¹²⁰.

---

¹¹⁷ Фәхретдин Ризәддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.316.

¹¹⁸ Местом его захоронения Ш. Марджани указывает окраину Синопа, однако Р. Фахретдин пишет, что он был похоронен в г. Трабзон. Видимо, в работе Р. Фахретдина имеется ошибка, по Марджани не он, а его родной брат, который также скончался во время хаджа на Черном море и труп которого был спущен в море, но ветром прибит к берегу, был предан земле в г. Трабзон.

¹¹⁹ Город в северной Турции, на южном берегу Черного моря.

¹²⁰ Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.286.

Родной брат Габида бин Абдулгазиза аль-Кинери – **Фаяз бин Абдулгазиз бин Гайса аль-Кинери** тоже был образованным и уважаемым человеком. Начальное обучение получил у Сагида бин Ахмеда аш-Ширдани в дер. Серда, затем учился в Каргале (Каргалинская (Сеитовская) слобода под Оренбургом) у меллы Абдурахмана бин Шариф аль-Кирмени. В поисках новых знаний уехал в Бухару, затем в Кабул. Во время странствий общался и учился у самых крупных мусульманских религиозных деятелей. Домой вернулся в 1802 году с обширным багажом знаний и большой коллекцией религиозной литературы. Стал помощником имама дер. Кшкар Сагида-хазрата, после его смерти возглавил приход. Одновременно руководил медресе, обучал шакирдов. О последних годах его жизни в исторической литературе приводятся противоречивые сведения. Р. Фахретдин указал конкретную дату смерти Фаяз-хазрата – 21 мая 1836 года¹²¹. Ш. Марджани пишет о том, что умер он внезапно в 1835 году в месяц сафар, и был похоронен в дер. Кшкар на кладбище «Казак». Однако им же говорится, что Фаяз бин Абдулгазиз бин Гайса аль-Кинери умер во время хаджа на Черном море и похоронен в г. Трабзон¹²². Возможно, Марджани перепутал обстоятельства его смерти и гибели его брата – Габид бин Абдулгазиз бин Гайса аль-Кинери. Среди уцелевших надгробных памятников XIX столетия дер. Кшкар камня Фаязу бин Абдулгазиз бин Гайса аль-Кинери нет¹²³.

Ш. Марджани приводит один примечательный факт из жизни братьев Габида и Фаяза аль-Кинери. На одном из собраний мулл они высказались против радикальных взглядов Г. Курсави и вступили с ним в полемику. Однако победа в споре в итоге осталась за Курсави¹²⁴.

---

¹²¹ Фәхретдин Ризәэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.321.

¹²² Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.287–288.

¹²³ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2016. 453 б.

¹²⁴ Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.285.

Со Старым Кинером связано имя еще одного религиозного деятеля, известного в начале XIX столетия – **Исхака бин Сагид бин Юртбагыш бин Кулмухаммед бин Ишмухаммед аль-Кенари**. Его предки были выходцами из дер. Лаж под Параньгой (ныне Республика Марий Эл.). Вероятно поэтому Р.Фахретдин в своем своде «Асар» вместо тахаллуса *аль-Кенари* использует тахаллус *аль-Лажу*¹²⁵. Однако и он, и Ш.Марджани называют Исхака Сагитова уроженцем Нового Кинера. Его жизненный путь напоминает биографии многих современников: учился у Абдулнасыра бин Сайфульмулюк аль-Ашыты, Габида бин Абдулгазиз аль-Урнашбаши и других имамов Заказанья¹²⁶, затем обучался в Бухаре. Вернувшись в 1813 году в Россию, некоторое время служил имамом и мударрисом в дер. Сюрда (Арский р-н РТ), в 1817 году перебрался в Чистополь, в 1831 году стал имамом Апанаевской мечети в Казани. Умер в 1836 году. Был уважаем современниками за просвещенность и совершенство. Его ученики (Фахруддин бин Садык ас-суни, Хасан бин Хамид аль-Курсави, Гаед Мухаммед бин Джематайат-Тоболи и др.) стали видными религиозными деятелями. Его старший сын Салахетдин Сагитов¹²⁷ (полное имя Салахетдин бин Исхак бин Сагид бин Кулмухаммад бин Ишмухаммад аль-Кенари) также был имамом Апанаевской мечети и многое сделал для развития медресе. Несмотря на консерватизм в методике обучения, Апанаевское медресе считалось одним из самых престижных у мусульман внутренней России¹²⁸.

Лучшая ситуация с документальными источниками позволяет более глубоко представить жизнь мусульман Старого Кинера во второй половине XIX – начале XX века. С 1844 года имам-хатыбом здесь служил **Ахметзян Зябиров**. В организованном им мектебе в

¹²⁵ Фахретдин Ризаэддин. Асар. 1 том / төз. Р.Мәрданов, Р.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 2006. Б.320.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Мәржани Ш. Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б.339.

¹²⁸ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Фест, 1994. С.39.

1872 году учились 11 мальчиков и 9 девочек¹²⁹. Малочисленность учеников объясняется тем, что деревня была небольшой. В 1882 году А. Зябиров обратился к властям с просьбой разрешить ремонт мечети. Зданию требовался ремонт протекавшей крыши, а также работы по укреплению фундамента, который дал серьезную усадку¹³⁰.

Мечеть Старого Кинера была тесно связана с мечетью второго прихода Починка по речке Мамся (Новый Кинер). Хотя они располагались в разных населенных пунктах, расстояние между ними было небольшое, поэтому прихожан Шинер-Кинера нередко обслуживали имамы соседнего селения. Например, такие функции выполнял Гимадутдин Залялетдинов¹³¹, утвержденный в 1884 году вторым имамом второй мечети Нового Кинера¹³². После смерти в апреле 1890 года А. Зябирова старокинерцы подали прошение о назначении на его место **Самигуллы Сибгатулловича Сулейманова**, крестьянина дер. Шарипово Уфимского уезда Уфимской губернии¹³³. Причиной такого выбора, вероятно, стали его родственные связи с имамами второй мечети Нового Кинера.

В 1893 году имам-хатыбом мечети дер. Шинер-Кинер был утвержден Мухамедкамал Мухамедзакирович Самигуллин, второй сын имама первой мечети Починка по речке Мамся Мухамедзакира Самигуллина и брат сменившего его в должности Зарифа Самигуллина. Как и другие имамы из рода Самигуллиных, Мухамедкамал закончил медресе Исмагила Утямышева в дер. Кшкар¹³⁴. Сам тоже занимался педагогической деятельностью: в 1897 году в его мектебе обучались 19 мальчиков и 16 девочек¹³⁵, в 1903 году – 13 мальчиков и 15 девочек¹³⁶. Таким образом, род имамов Самигуллиных оставил заметный след в истории сразу двух соседних деревень.

---

¹²⁹ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.273. Л.256.

¹³⁰ НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.10409. Л.5.

¹³¹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.13327. Л.10.

¹³² НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.41 об.–42.

¹³³ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4032. Л.2.

¹³⁴ ГА РТ. Ф.204. Оп.177. Д.735. Л.148–155.

¹³⁵ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.5568. Л.43 об–44.

¹³⁶ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.6874. Л.52 об–53.

В переходный период от царской империи к советскому государству имамом в Старом Кинере был сын Гимадутдина Зялялетдинова Мирхайдар Гимадутдинов (утвержден в 1911 году, умер в 1918 году). В 1917 году муэдзином мечети был назначен Халилрахман Мухамедвафин (род. в 1867 г.)¹³⁷. Также имеются данные, что 14 февраля 1925 года имамом в приход Старого Кинера был назначен Мухамедвафа Фатхрахманов¹³⁸. Вероятно, он и стал самым последним имамом деревни, утвержденным Оренбургским духовным собранием.

Выходцы из Старого и Нового Кинера замещали духовные должности и в других селениях Заказанья. Судя по архивным документам, уроженец дер. Шинер-Кинер Мухамедвафа Фахрутдинов служил азанчеем в дер. Шаши-Спочинок Царевококшайского уезда Казанской губернии¹³⁹. Крестьянин из Починка по речке Мамся Хасан Гатауллин в 1880 году был определен вторым муллой в дер. Нижние Аты. Он и его отец, также мулла Гатаулла бин Баязид¹⁴⁰, были похоронены в этом селении, сохранились их надгробные камни, датированные 1891 и 1898 годами¹⁴¹.

---

¹³⁷ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.2. Л.41 об.–42.

¹³⁸ Там же. Л.41 об.

¹³⁹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.10509. Л.1–1 об.

¹⁴⁰ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1682. Л.2–12.

¹⁴¹ Гайнетдинов А.М. Арча районы эпитафик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты, 2016. Б.229–230.

ГЛАВА IV

Взаимодействие татарского населения с органами власти и управления в XIX – начале XX вв.

Крестьянское самоуправление, власть и земство

Е.В.Миронова

Повседневная жизнь татарского населения Заказанья протекала преимущественно в рамках конкретной сельской общины, в кругу односельчан-единоверцев. В то же время по многим важным жизненным вопросам (уплата налогов, суд, служба в армии, передвижение по стране и пр.) татарам приходилось взаимодействовать с официальными органами власти и земскими учреждениями.

В редких случаях это происходило напрямую. Как правило, посредником выступали органы крестьянского самоуправления на уровне сел и волостей. Структура, полномочия и особенности функционирования этих институтов были подробно освещены в разделе *«Социальная организация и общественный быт»*¹. Здесь же хотелось бы отметить, что при всей значимости и авторитете среди населения таких фигур, как сельский староста и волостной старшина, татарские крестьяне воспринимали их как представителей русской администрации. Такое отношение объяснялось тем, что волостное и сельское самоуправление находились в зависимости от уездного и губернского начальства и потому отстаивали интересы последнего, зачастую в ущерб интересам обычных крестьян.

Несмотря на выборный характер должности сельских старост, они, помимо волостного старшины, подчинялись еще уездному ис-

---

¹ См. стр.62–74 настоящего издания.

правнику. Не случайно во время волнений, имевших место в 1878 году в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях Казанского уезда, исправник, приехавший в дер. Большой Менгер для успокоения народа, публично заявил, что может своей властью отстранить от должности старост². Последние, в свою очередь, оказались в этой ситуации «между двух огней»: поскольку в глазах крестьян они являлись проводниками решений власти, том числе постановлений, спровоцировавших волнения, все они решением сельских сходов были смещены со своих постов.

Такой же зависимой фигурой был волостной старшина, которого в любой момент мог снять с должности губернатор, независимо от позиции волостного схода. В структуре местного управления волостное правление фактически являлось передаточным звеном между сельскими обществами и вышестоящими уездными и губернскими властями. Оно доносило до крестьян волю начальства и следило за ее исполнением. Например, казанский губернатор мог предписать волостным правлениям принуждать жителей к организации хлебных магазинов³. Хотя это и являлось мерой, полезной для самих крестьян, но показывает, что правительственная администрация могла активно вмешиваться в крестьянские дела и оказывать давление на органы самоуправления.

Должностные лица волостного уровня исполняли и земские постановления, причем не только официальные, но и устные. Так, член Казанской уездной земской управы Котелов, заметив, что крестьянин дер. Балтаси топит баню прямо в доме, велел местному волостному правлению взять штраф, запечатать баню и известить население о запрете их использования в летнее время. В то же время правление принимало от крестьян прошения на оказание материальной помощи от земства, проверяя информацию, указанную в прошении⁴, и передавало приговоры от сельских обществ в различ-

---

² Рахим А. К вопросу о крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. №8. С.146.

³ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXIII очередного с 7-го по 14-е октября 1897 года. Казань, 1898. С.245.

⁴ См.: ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.937.

ные инстанции. Самостоятельных решений оно практически не принимало. Даже составляя списки караульных, которые бы оберегали гумна от пожаров, оно выполняло предписание земства⁵. По сути, это была канцелярия, куда сходились все документы.

Таким образом, крестьянское самоуправление находилось практически в полной зависимости от вышестоящих властей и принимало самостоятельные решения лишь по наиболее мелким вопросам. Ситуация стала меняться лишь после Февральской революции 1917 года, когда на волостном уровне вместо волостных правлений стали стихийно возникать волостные комитеты, которые обладали реальной властью. Временное правительство, желая поставить их под какой-то контроль, летом 1917 года стало создавать волостные земства, которые должны были заменить прежние органы волостного самоуправления, но подчинялись бы уездным земским собраниям. В Казанский уезд для организации волостных и сельских избирательных комиссий в татарских волостях был направлен секретарь уездного комиссара А.П. Субботин, которого сопровождали уполномоченные земской управы Нуреев и Ахмадеев.

В отличие от уездного земства в этих избирательных комиссиях состояли обычные крестьяне, владевшие как татарской, так и русской грамотой⁶. Практически во всех волостях Казанского уезда население одобрительно отнеслось к организации волостных земств, однако вскоре выяснилось, что в Мамсинской волости списки выборщиков не были составлены, указания об этом уездного комиссара игнорировались, а секретарь исполнительного комитета вовсе отказался от исполнения своих обязанностей⁷. В итоге уполномоченные от сельских обществ Мамсинской волости постановили: сельские избирательные комиссии не назначать и выборов в земские гласные в волости не проводить⁸. Причины такого отрицательного отношения к созданию волостных земств неизвестны, возможно, здесь было сильно влияние большевиков, которые вы-

---

⁵ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.250. Л.138, 145, 172.

⁶ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.1290. Л.5.

⁷ Там же. Л.6 об.

⁸ Там же. Л.14.

ступали против их организации. Однако и в остальных волостях Казанского уезда земства не успели себя показать, поскольку после Октябрьской революции они были уничтожены.

Что касается земских учреждений уездного уровня, к 1917 году они прошли довольно длительный этап развития и добились значительных успехов в своей деятельности. Земства были созданы как органы сельского самоуправления, призванные решать хозяйственные вопросы. Их структура, порядок формирования и функции определялись «Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1864 года»⁹. Они состояли из собраний и управ. Первые созывались раз в год на очередные заседания. Кроме того, для решения неотложных вопросов могли устраиваться экстренные заседания. Избираемые депутаты собраний выносили постановления, которые должны были претворяться в жизнь через исполнительные органы – управы. Последние действовали непрерывно и состояли из председателя и нескольких членов.

Земства подразделялись на губернские и уездные. В уездные гласные избирались от трех категорий населения: землевладельцев, горожан и сельских обывателей. Как правило, к первым относились дворяне, ко вторым – купцы и промышленники, к третьим – крестьяне. Из состава уездных депутатов формировались губернские собрания.

Казанское уездное земство было создано в 1865 году. Большую часть земского собрания составляли представители земледельческой курии, как правило, это были дворяне. Хотя они и представляли высшее сословие – основу самодержавия – но в большей части были настроены либерально¹⁰. В разные годы в уездное земское собрание входили видные общественные деятели: Н.Е. и А.Н. Боратынские, С.А. Бекетов, С.В. Дьяченко, В.А. Юшков, И.В. Годнев. Александр Николаевич Боратынский являлся депутатом III Государственной

---

⁹ ПСЗ-2. Т.39 (1864 г.). №40457. С.1.

¹⁰ См.: Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С.20.

Думы, а Иван Васильевич Годнев – государственным контролером в составе Временного правительства, сформированного в 1917 году.

Татары, вторая по численности народность в Казанской губернии, занимали в уездных и волостных учреждениях незначительное место: в уездном аппарате на их долю приходилось 13%, тогда как на долю русских – 74,1%. В 1887 году в Казанском уездном земстве из 52 гласных было только 16 татар, причем большинство из них составляли мещане и купцы. В 1912 году из 40 гласных лишь трое были мусульманами¹¹. Известны имена некоторых гласных из числа жителей деревень Мамсинской волости. Например, в 1907 году в Казанское уездное земское собрание был избран крестьянин дер. Кудайгулова Пустошь (Ташкичу) Бадрутдин Бикчентаев, а кандидатом к нему стал житель дер. Яшашная Сердобряжка (Сюрда) Фаткулла Негаметуллин.

Бюджет земских учреждений формировался из сборов с населения. Некоторые из них шли в губернское земство, другие – в уездное. Таким образом, сами собрания были очень заинтересованы в исправном поступлении налогов. Расходы делились на так называемые обязательные и необязательные. К первым относились траты на поддержание государственной инфраструктуры: содержание почтовых лошадей, выдача прогонных полицейским чинам, устройство важнейших путей сообщения и т.д. Они назывались обязательными, поскольку непременно включались в ежегодную смету. К необязательным относились те расходы, которые обычно ассоциировались с основными задачами земства: на образование, медицину, ветеринарию и пр.¹²

Львиная доля отчислений приходилась на образование и медицину как наиболее социально значимые сферы жизни общества. Как ни странно, на агрономию, способствовавшую экономическому росту и благосостоянию хозяйств, выделялись относительно небольшие сум-

---

¹¹ Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С.119.

¹² См.: Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С.27–29.

мы. Возможно, это было связано с тем, что для подъема сельского хозяйства требовалось менять уклад деревни, и это сопровождалось бы огромными затратами, которые земство не могло себе позволить.

Продовольственный вопрос и налоги

Е.В.Миронова

Одной из главнейших задач земства являлось обеспечение продовольствием сельского населения. Частые неурожаи и стихийные бедствия ставили крестьян на грань гибели, и земство оказывало им помощь в виде продовольственных и семенных ссуд, продажи зерна по сниженным ценам и т.д. Чтобы снизить зависимость земледельцев от природных факторов, земцы старались поднять уровень сельскохозяйственной культуры крестьян. Для этого читались агрономические лекции, устраивались сельскохозяйственные выставки, где демонстрировались технические новинки, внедрялись новые приемы обработки земли.

Ценный материал об экономическом положении в татарских деревнях Казанского уезда был получен земством в ходе обследования, проведенного в последней четверти XIX века. Поводом к этой работе послужил рост задолженности татарских крестьян. Так, после череды неурожаев конца 1870-х годов долги сельских обществ выросли в несколько раз, и в Казанском губернском земском собрании решили узнать, в чем же причина большей задолженности татар по сравнению с русским населением.

Первоначально губернское исследование затрагивало только Старо-Максимкинскую и Егоркинскую волости Чистопольского уезда, которым было выдано более всего продовольственных и семенных ссуд. Уездным земствам также было поручено провести исследование в селениях, где продовольственный долг превышал 15 рублей на душу¹³. В результате анализа экономического положения

---

¹³ Доклад Казанской уездной земской управы XVIII очередному Казанскому уездному земскому собранию по сообщению губернской управы от

татарских деревень в Казанском уезде земство пришло к выводу, что оно крайне неудовлетворительно. Основным источником средств является хлебопашество, промыслы, за некоторыми исключениями, не были развиты. Само земледелие находилось в первобытном состоянии и приносило совсем небольшой доход. В результате после оплаты податей оставалась только незначительная сумма на питание, и то исключительно хлебом. Причины такой бедности земские исследователи видели в недостатке пашни, небрежном отношении к обработке земли и плохой ее удобряемости вследствие малого количества скота¹⁴.

Председатель губернской земской управы И.Иванов предлагал для снижения задолженности учредить кассы для выдачи крестьянам ссуд под залог ссыпаемого хлеба. Он видел проблему в том, что крестьяне продавали хлеб сразу же после его уборки местным скупщикам за бесценок. Деньги они проматывали, а затем покупали свой же хлеб по дорогой цене или просили ссуду у земства.

Для исправления ситуации предлагалось задействовать ссудные кассы. Они должны были принимать у крестьянина хлеб, выдавая половину или $\frac{3}{4}$ его полной стоимости, а потом земледелец мог выкупить его обратно за ту же сумму. Если он не выкупал, то хлеб шел на продажу, вырученные деньги шли на оплату ссуды, а остаток покрывал имевшиеся недоимки крестьянина, ссыпавшего хлеб. При отсутствии у земледельца долгов эти средства шли на погашение недоимок его односельчан по принципу круговой поруки¹⁵. Данное предложение не нашло понимания у Казанской земской управы, посчитавшей, что такие мероприятия будут полезны лишь для тех селений, где имеются другие источники дохода, помимо сельского хозяй-

---

23 июня за №1250 // Постановления XVIII очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 14 по 25 октября 1892 г. Казань: Типография и литография М.А. Гладышевой, 1893. С.4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Доклад Казанской уездной земской управы XVIII очередному Казанскому уездному земскому собранию по сообщению губернской управы от 23 июня за №1250 // Постановления XVIII очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 14 по 25 октября 1892 г. Казань: Типография и литография М.А. Гладышевой, 1883. С.6.

ства. В бедных же татарских деревнях крестьянин попросту лишится хлеба и останется без средств к существованию¹⁶.

Отвергая предложение губернского земства, Казанское уездное собрание предложило целый комплекс мер, направленных на улучшение экономического положения крестьян. Во-первых, следовало увеличить земельные наделы крестьян всех селений, в которых наделы не соответствовали имеющемуся числу душ, за счет казенных земель, отданных в оброчное содержание. Во-вторых, предлагалось предоставить сельским обществам, у которых нет леса, строительное топливо и дрова из казенных дач по низкой цене или бесплатно. В-третьих, следовало как можно быстрее заменить подушную подать другими видами обложения. Кроме того, предлагалось собирать подати сообразно с материальным положением каждого селения, способствовать появлению новых источников дохода и ввести страхование посевов¹⁷.

Конечно, реализация этих мер выходила за рамки компетенции земств, но этот случай примечателен самим фактом обращения внимания земских деятелей к проблеме обнищания татарских крестьян. Однако между постановкой вопроса и его решением была непреодолимая дистанция. Ключевая проблема российского крестьянства – малоземелье – не была решена даже в отношении русских земледельцев, татары же всегда оставались на втором плане как для земцев, так и для местных государственных властей.

На примере татарских деревень мы видим, что поддержка земством крестьянских хозяйств осуществлялась только в чрезвычайных случаях – в связи с пожарами и в период неурожая, вызванных засухой, морозами, градобитием. Оказать эту помощь быстро не удавалось – с момента составления списков пострадавших деревень до непосредственной доставки хлеба в нуждающиеся общества проходило много времени. Так, периодически случавшиеся

---

¹⁶ Доклад Казанской уездной земской управы XVIII очередному Казанскому уездному земскому собранию по сообщению губернской управы от 23 июня за №1250 // Постановления XVIII очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 14 по 25 октября 1892 г. Казань: Типография и литография М.А. Гладышевой, 1883. С.10.

¹⁷ Там же. С.12–13.

недороды заставляли уездное земство помогать не отдельным пострадавшим селениям, а волости в целом. В связи с этим земские деятели призывали крестьян составлять приговоры о создании в деревнях хлебных магазинов и замене денежных капиталов продовольственными, что позволило бы более оперативно и независимо от цен на хлеб выдать помощь нуждающимся. Однако практически все волости, как татарские, так и русские, отказались от данного предписания, мотивируя это привычкой исполнять повинность денежными сборами и нежеланием расходоваться на постройку и содержание надзора¹⁸. Но если земские управы действовали уговорами, то государственная власть активно пользовалась административным ресурсом.

Еще в 1889 году казанский губернатор П.А.Полторацкий предписал уездным исправникам и волостным правлениям принять строгие меры, чтобы сельские общества привели в надлежащий вид существующие хлебные магазины и устроили новые там, где их нет. Также следовало разъяснить сельским сходам пользу для самих крестьян замены денежного сбора на продовольствие сбором хлеба натурой. Однако лишь в 1897 году все селения Больше-Менгерской и 19 селений Мамсинской волости заменили продовольственные капиталы натуральными запасами¹⁹.

Для помощи непосредственно во время неурожая, кроме выдачи хлебных запасов, широко практиковалась выдача семенных ссуд. Семена закупались у поставщиков, в том числе за пределами губернии, их качество проверялось членами земской управы. Затем семена завозили в несколько пунктов уезда, поближе к местностям, нуждающимся в ссуде. Во время неурожая 1890 года эти пункты находились в Арске, Апазове, Хотне, Больших Менгерах, Большой Атне, Соловцове и других селениях. Сельские общества, нуждающиеся в семенах, составляли приговоры о размере ссуды. Эти приговоры проверялись и утвержда-

---

¹⁸ Постановления XXIV экстренного Казанского уездного земского собрания // Постановления Казанского уездного земского собрания XXVII очередного и XXIV экстренного за 1891 и 1892 годы. Казань, 1892. С.4–5.

¹⁹ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXIII очередного с 7-го по 14-е октября 1897 года. Казань, 1898. С.245.

лись уездной и губернской управами, а затем оттуда направлялось требование на выдачу в заготовочный пункт²⁰.

Однако в установленный порядок порой вмешивались субъективные факторы. Так, жители 6 селений Мамсинской волости (Сенные Покосы, Угузиловка, Сосмак-Пшенгер, По речке Шошме, Урмак и По обе стороны речки Шошмы) стали получать ссуду не в селе Апазово, куда были даны требования на имя поставщиков Львова и Кислова, а отправились за 18 верст к крестьянам деревень Шинер-Кинер и По речке Мамсе М. Нафикову и Н. Зайнигабдинову. По мнению членов уездной земской управы, крестьяне указанных деревень поступили так, потому что на них повлияли их односельчане-кулаки, действовавшие в интересах Нафикова и Зайнигабдинова²¹. Последние же утверждали, что они делали заготовки по распоряжению уездной управы. Поскольку деньги на закупку семян были уже выданы управой Львову и Кислову, земство предложило Нафикову и Зайнигабдинову договориться с ними о возмещении издержек.

В следующем, также неурожайном 1891 году, когда во многих волостях не собрали даже требующегося для посева объема семян, администрация Мамсинской волости запросила у уездного земства 55870 пудов семян на 5587 десятин яровых полей, т.е. 10 пудов на десятину. В 1876 году, несмотря на то, что неурожай не затронул волость в целом, отдельные селения пострадали от града и пожаров, поэтому им тоже выделялась семенная или продовольственная ссуда²².

Поскольку кредит рано или поздно приходилось выплачивать, сельские общества, если была возможность, даже в «плохие» годы старались использовать собственные ресурсы. Так, в 1887 году урожай в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях составил сам–2,5, что было меньше традиционных сам–3 – сам–4. Однако даже в этой ситуации почти все селения Мамсинской волости задействовали свои общественные капиталы, поэтому земскими се-

---

²⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.3871. Л.25.

²¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13871. Л.25 об.

²² Постановления XII очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося с 6 по 13 октября 1876 г. Казань: Типо-литография К.А. Тилли, 1876. С.175.

менами здесь было засеяно только 521,5 десятины озимых полей из 6008, тогда как в Больше-Менгерской – 1489,7 из 5371,5²³.

В дальнейшем череда голодных лет снизила благосостояние крестьян, и они были вынуждены чаще обращаться за помощью к земствам. Например, в 1907 году в Мамсинской волости для сева потребовалось 75730 пудов семян, тогда как имелось в наличии лишь 15146 пудов, а общественные магазины были пусты. Денежных капиталов также не имелось, так как их уже перевели в натуральные запасы. Поэтому остаток нужно было закупать, а для этого брать значительную ссуду у земства либо в иных местах.

Поскольку сами крестьяне не очень стремились заготавливать хлеб в срок, земцы закупали его сами осенью после неурожайного года, а весной продавали по заготовительной цене, таким образом избегая чрезмерных скачков цен. Для удобства, кроме центрального пункта, в который осуществлялась ссыпка хлеба, устраивались временные пункты, где были подходящие помещения. Один из таких пунктов был устроен в Старом Ашите, где находился крупный базар и, соответственно, имелись склады²⁴.

Отметим, что некоторые крестьянские общины сдавали в аренду свои ярмарочные площади, мельницы и пр., которые приносили дополнительный доход. Так, в казну Старо-Ашитского общества с базарной площади и мельничных мест в 1906 году поступило 1680 рублей, в 1907 – 1780, в 1908 и 1909 году – 2180, в 1910 – 2280 рублей²⁵.

Земские сборы составляли большую часть всех податей с крестьян. Так, в Починке по речке Мамся государственный поземельный налог составлял 199,05 руб., а земские уездные и губернские сборы – 1246,61 руб.²⁶ Учитывая, что сельское хозяйство в татарских селах было неразвито, часто набегали крупные недоимки. Например, даже в сравнительно благополучном Старом Ашите в 1898

---

²³ Постановления Казанского уездного земского собрания XXVII очередного и XXIV экстренного за 1891 и 1892 годы. Казань, 1892. С.225, 235.

²⁴ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXIV очередного и XXXV экстренного с 6-го по 17-е октября 1898 года и 27 марта 1899 года. Казань, 1899. С.344.

²⁵ ГА РТ. Ф.81. Оп.10. Д.250. Л.18 об.

²⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.8923. Л.123.

году недоимка за 1 год набежала 643 руб. 83 коп.²⁷ И даже если в урожайный год удавалось выплатить все подати, прошлые долги не позволяли вкладываться в развитие хозяйства. К примеру, в Мамсинской волости до 1878 года недоимок не было, однако в этом году, ввиду неурожая, была выдана крупная ссуда – 20632 руб. и в счет нее уже в следующем году назначено взыскание в 7265 руб.²⁸

Земства все же старались не загонять крестьян в долговую яму. При невозможности выплатить все подати крестьяне могли составить приговор об отсрочке платежей, которые утверждала казенная палата. Например, зимой 1903 года крестьяне Старого Ашита просили об отсрочке сборов на 574 руб. вследствие недорода озимых.

Также проводились оценки земель Казанского уезда для более уравнительной раскладки уездного земского сбора. Например, для лугов по рекам Семиту, Шоре, Шошме, Ашиту в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях, где рынки сбыта находились недалеко, стоимость провоза сена была установлена сравнительно небольшая – 2 коп. с пуда. Но, учитывая, что стоимость продажи пуда сена составляла около 10 коп.²⁹, сбор составлял 20%. Недоимки иногда списывала и высшая власть – после голодного 1891 года крестьянам было трудно выплачивать сборы и долги, поэтому указами 1893 и 1894 годов с них было сложено более половины продовольственных долгов³⁰.

Губернское земство порой забывало, что его цель – содействовать развитию крестьянского хозяйства, а не собрать недоимки лю-

---

²⁷ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXIV очередного и XXXV экстренного с 6-го по 17-е октября 1898 года и 27 марта 1899 года. Казань, 1899. С.141.

²⁸ Отчет Казанской уездной земской управы о действиях ее с 1 июля 1879 по 1 июля 1880 года XVI очередному уездному земскому собранию. Казань: Типография М.А. Гладышевой, 1880. С.73–74.

²⁹ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXI очередного с 1-го по 14-е октября 1895 года. Казань, 1896. С.242.

³⁰ Доклад Казанской уездной земской управы XXXI очередному Казанскому уездному земскому собранию // Постановления XXXI очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося 1–13 октября 1895 года. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1896. С.3.

бой ценой. В целом, даже в земской среде было распространено мнение, что татары плохо используют свои земли, вместо обработки сдают их в аренду, а деньги проматывают³¹. Губернское земское собрание обратилось в 1879 году к Казанскому уездному земскому собранию с просьбой высказать мнение относительно применения к татарскому населению положения, согласно которому при отказе от платежа сборов сельским обществом необрабатываемая крестьянами земля может быть сдана в аренду с публичных торгов. Поводом к такому предложению стал случай с дер. Старые Челны Спасского уезда, жители которой сами просили отобрать у них землю в счет непогашенных долгов, поскольку они невыгодно ее сдали. В итоге местные власти смогли сдать землю в несколько раз дороже, чем крестьяне³². Но Казанское уездное земское собрание отвергло это предложение, посчитав, что такие меры излишни и могут привести к обеднению крестьян. Этот вопрос поднимался вторично уже в 1890-е годы, но и тогда земство ответило, что после списания части долгов в 1893 и 1894 годах сумма недоимок уже не является такой внушительной (она составляла 276840 руб.), чтобы принимать экстренные меры, и отказалась от предложения губернского собрания³³.

Земские подати старались облегчить и другими способами. Поскольку Мамсинская волость была удалена от Казани, где должны были принимать земский сбор хлебом, для удобства крестьян предлагалось создать склад в селении Казанбаш.

Особенно либерально земство относилось к сельским лавочникам. В случае понижения доходности или прекращения торговли имеющиеся недоимки могли быть частично или полностью списаны. Если у жителя Старого Ашита Биби-Калыча Бикмухаметова было списано всего 4,33 руб. долга при закрытии лавки, то у его односельчанина Тохватуллы Хасанова – 127,42 руб. из-за пониже-

---

³¹ Доклад Казанской уездной земской управы по вопросу о введении общественных запасек // Постановления XV очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 12 по 18 октября 1879 года. Казань: Типография М.А. Гладышевой, 1879. С.2.

³² Там же.

³³ Там же. С.4.

ния доходности. Причем у последнего лавка не являлась единственным источником дохода, в частности, он сдавал свою землю в польщину односельчанам³⁴.

Таких примеров списания долгов в земском делопроизводстве сохранилось много. Так, в 1904 году с владельца лавки в дер. Байчуриной Сабегатуллы Сафаргалеева было списано 13 руб. 9 коп. из-за понижения доходности. С владельца же лавки в дер. Ясашная Сердобряжка Галиакбера Галикеева по этой же причине была списана недоимка в размере 2 руб. 37 коп.³⁵ Иногда долги прощались целым обществам. Так, на водяной мельнице, принадлежавшей общине деревни Кудайгулова Пустошь, числилась недоимка 11 руб. 40 коп. По случаю пожара этот долг был списан³⁶.

В 1900-х годах получила распространение практика предоставления сельским обществам продовольствия на поддержание скота. Так, на поступивший в 1906 году запрос из земства о количестве нуждающихся общин Больше-Менгерское волостное правление сообщило, что «все селения волости высказались за получение на прокорм скота муки»³⁷.

Понимая, что чрезвычайные меры помощи носят временный характер и не способствуют укреплению крестьянских хозяйств, земство приступило к распространению агрономических знаний в сельской среде. Казанский уезд был разделен на агрономические участки, в которых действовали специалисты, способствовавшие проникновению новейших агротехнических достижений в крестьянские массы, однако до татарской среды эти знания не всегда доходили. В 1914 году уездный агроном прочитал лекции во многих селениях северо-западной части уезда, но деревни Мамсинской и

---

³⁴ ГА РТ. Ф.81. Оп.10. Д.250. Л.6 об.

³⁵ Постановления Казанского уездного земского собрания 44-го, 45-го чрезвычайного и 45-го очередного 1909 года. Казань, 1909. С.399.

³⁶ Постановления Казанского уездного земского собрания XXXV очередной, XXXVI и XXXVII чрезвычайных сессий 12–23 октября, 23 ноября 1899 года и 4 марта 1900 года. Казань, 1900. С.163.

³⁷ Постановления Казанского уездного земского собрания 42 очередного и 39 и 40 чрезвычайных 1906 года. Казань, 1907. С.389.

Больше-Менгерской волостей в их число не вошли³⁸. Возможно, это было связано с языковым барьером, так как агрономами чаще всего становились русские.

Несмотря на трудности, совершенствование техники все же шло, хотя и медленными темпами. При Мамсинском кредитном товариществе были налажены посреднические операции по снабжению населения плугами Арской учебной мастерской. В то же время в соседних кредитных товариществах агрономы ничего не смогли сделать³⁹. Сами кредитные товарищества способствовали субсидированию татарского населения для улучшения своего положения. Они действовали в Мамсе, Старом Ашите и других селениях Казанского уезда⁴⁰. Товарищества выдавали мелкие кредиты – до 75 руб.⁴¹, которые могли быть израсходованы как на потребительские цели, так и на покупку новейших орудий труда⁴².

Деятельность земства в сфере образования татарского населения

Е.В.Миронова

Система земских образовательных учреждений в Казанском уезде создавалась не с чистого листа. На его территории до введения земского самоуправления работали церковно-приходские школы, училища Министерства государственных имуществ и другие виды учебных заведений. Часть из них в 1860-е годы была реорганизована в начальные народные училища, обучение в которых было открыто для детей всех вероисповеданий. Финансирование этих школ шло как со стороны самого земства, так и со стороны государства и населения.

---

³⁸ Отчет Казанской уездной земской управы о действиях ее с 1 января 1914 по 1 января 1915 г. 51 очередному Казанскому уездному земскому собранию. Казань: Волжско-Камская печатня, 1915. С.47.

³⁹ Там же. С.51.

⁴⁰ Казанская газета. 1914. №20.

⁴¹ Казанская газета. 1912. №40.

⁴² Там же.

По Казанскому уезду учебные заведения распределялись не одинаково. Больше всего их было в волостях, прилегающих к Казани. По мере удаления от города, особенно к северу, школ становилось все меньше и меньше. Объяснялось это преобладанием там татарского населения, у которого сложилась собственная система образования, не зависящая от государства и земских органов. К примеру, в Больше-Менгерской волости, в которую входила дер. Старый Ашит, не было ни одной русской деревни.

Школы разных ведомств по волостям распределялись неравномерно. Земских школ больше всего было в Воскресенской волости, где их к началу XX столетия насчитывалось 10. Не было ни одной школы в Больше-Атнинской и Студено-Ключинской волостях. В остальных волостях они распределялись следующим образом: по одной школе – в Кармышской и Мамсинской волостях, от 2 до 5 школ – в Ковалинской, Мульминской, Ново-Кишитской, Балтасинской и Кукморской волостях. В остальных – в Коцаковской, Ильинской, Арской, Кулаевской, Столбищенской, Чепчуговской, Алатской, Каймарской и Собакинской – от 6 до 9. Школы Министерства народного просвещения находились только в двух волостях – в Арской и Балтасинской. Кроме того, в уезде функционировало 27 церковных школ, наибольшее их число приходилось на Столбищенскую волость – 5. Не было ни одной церковной школы в Арской, Больше-Атнинской, Кукморской, Кармышской, Мамсинской, Ново-Кишитской, Студено-Ключинской волостях. Также в уезде работали 17 церковно-приходских, 10 школ грамоты, одна частная и три школы Братства святителя Гурия⁴³.

Что касается инородческого образования, то оно развивалось нелинейно. Для образования нерусских народностей в 1870 году были приняты Правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», согласно которым в татарскую среду ненасильственными методами продвигались русский язык и русская культура. Отказ от давления предопределил длительность данного процесса. На начальном этапе земские школы открывались лишь в деревнях с крещеным населением, в татарских же деревнях земство только способствовало

---

⁴³ Постановления Казанского уездного земского собрания. XXXV очередной, XXXVI и XXXVII чрезвычайных сессий 12–23 октября, 23 ноября 1899 года и 4 марта 1900 года. Казань, 1900. С.492.

введению обучения русскому языку. В результате, до 90-х годов XIX века земское инородческое образование развивалось медленно. В 1895 году в Казанском уезде существовали лишь два училища для представителей нерусских народностей – в дер. Ушма Балтасинской волости и в дер. Шорабаш Мамсинской волости⁴⁴.

Однако со второй половины 1890-х годов количество земских образовательных учреждений в нерусских волостях постепенно растет. В 1897 году таких школ уже насчитывалось 5⁴⁵, а в 1906 году – 9⁴⁶.

Обычно Казанское уездное земство содержало такие школы совместно с государственными учреждениями. Например, в селе Апазово, население которого составляли крещеные татары, земство добавляло 190 руб. к 450 руб., выделяемым Министерством народного просвещения. При этом само училище считалось министерским⁴⁷. Доплата в основном шла на жалованье учителям, так как им платили меньше, чем русским преподавателям, а труд, в связи с требованием знания языков, был тяжелее. Для уравнивания доходов уездное земство установило учителям инородческих школ оклад в 240 руб. при 60 руб. квартирных расходов, законоучителям платили по 60 руб.⁴⁸

---

⁴⁴ Постановления XXXI очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося 1–13 октября 1895 года. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1896. С.130.

⁴⁵ Об увеличении оклада содержания преподавателям инородческих училищ // Постановления XXIII очередного Казанского уездного земского собрания с 7-го по 14-е октября 1897 года. Казань, 1898. С.1.

⁴⁶ Об обязанностях земства по отношению к инородческому населению в деле народного образования // Постановления 42 очередного и 39 и 40 чрезвычайных заседаний Казанского уездного земского собрания 1906 года. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1907. С.6.

⁴⁷ Доклад Казанской уездной земской управы по отношению г. инспектора народных училищ Казанской губернии от 21 марта 1879-го за №186, о принятии на содержание земства инородческого училища в с. Апазове // Постановления XV очередного Казанского уездного земского собрания с 12 по 18 октября 1879 года. Казань, 1879.

⁴⁸ Об увеличении оклада содержания преподавателям инородческих училищ // Постановления XXIII очередного Казанского уездного земского собрания с 7-го по 14-е октября 1897 года. Казань, 1898. С.1.

К образованию татар земские учреждения подходили с большей осторожностью. Мусульманское население не совсем понимало назначение земств, ему казалось, что главной целью их образовательной политики является русификация, поэтому и все попытки приобщить татар к русскому образованию воспринимались с недоверием⁴⁹. В связи с этим земцы пытались совместить мусульманское и русское образование, открывая русские классы при медресе. Однако эти усилия не принесли желаемого результата. Например, в дер. Мендели Ковалинской волости (ныне дер. Мемдель Высокогорского р-на РТ) к 1883 году посещение русского класса настолько упало, что земское собрание постановило сократить расходы на его содержание с 500 до 320 руб.⁵⁰

При обсуждении вопроса о преподавании русского языка татарам выступающие на земских собраниях всегда действовали с большой осторожностью, учитывая, насколько подозрительно относятся мусульмане к таким мерам. Д.А. Корсаков отмечал, что земство не хочет нарушать религиозных традиций мусульман, но полагает, что знание русского языка необходимо татарскому населению. Для внедрения обучения русскому языку он предлагал обратиться за помощью к муллам⁵¹. При этом гласный К.А. Юшков указал, что приглашение мулл на собрание может вызвать брожение среди мусульман⁵². Но и такие меры не приносили плодов. Так, по сообщению уездного исправника, некоторые муллы предлагали сельским обществам открывать русско-татарские министерские и земские школы. Однако крестьяне противились этому,

---

⁴⁹ См. подробнее об этом: Железнякова Ю.Е. Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. С.36.

⁵⁰ Постановления XIX очередного Казанского уездного земского собрания с 14 по 29 октября 1883 года. Казань, 1884. С.22.

⁵¹ Доклад члена училищного совета от земства Д.А. Корсакова XXII очередному Казанскому уездному земскому собранию // Постановления XXII очередного Казанского уездного земского собрания с 15-го по 31-е октября 1886 года и XIX экстренного 3 и 4 марта 1887 года. Казань, 1887. С.7.

⁵² Постановления XXII очередного Казанского уездного земского собрания с 15-го по 31-е октября 1886 года и XIX экстренного 3 и 4 марта 1887 года. Казань, 1887. С.54.

полагая, что расходы на содержание школ лягут на их плечи, а муллы стараются ради получения награды от начальства⁵³. В самом земстве также поднимался вопрос о целесообразности трат средств на образование мусульман⁵⁴.

По признанию самих гласных, вплоть до 1905 года «земство могло в области образования осуществлять для инородцев, в том числе и для мусульман, лишь такие мероприятия, от которых сами инородцы отказывались»⁵⁵. Все же, к тому времени в уезде действовало 9 инородческих училищ, из которых ближайшее к Мамсинской волости располагалось в селе Апазово⁵⁶. Принятие в 1906 году «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», по сути, не изменило ситуацию. Новые правила мало чем отличались от закона «О мерах к образованию населения России инородцев» 1870 года, который ввел систему преподавания для нерусских народностей на родном и русском языках⁵⁷.

О том, как решался вопрос о финансировании земством образования мусульман, видно на следующем примере. Когда в 1906 году Ковалинское волостное правление заинтересовалось, на какие цели расходуетя земский сбор с мусульманского населения, в уездном земстве ответили, что теперь по запросам татар могут быть организованы новые школы, в которых преподавание будет вестись как на русском, так и на родном языке, а обучение должно быть светским, но с изучением шарията, заменяющего Закон Божий русских школ⁵⁸.

---

⁵³ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1093. Л.78–78 об.

⁵⁴ Там же. Л.134 об.

⁵⁵ Об обязанностях земства по отношению к инородческому населению в деле народного образования // Постановления 42 очередного и 39 и 40 чрезвычайных заседаний Казанского уездного земского собрания 1906 года. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1907. С.2.

⁵⁶ Там же. С.6.

⁵⁷ Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. №7. С.88.

⁵⁸ Об обязанностях земства по отношению к инородческому населению в деле народного образования // Постановления 42 очередного и 39 и

Поскольку в последующие годы в Казанском уезде не наблюдался рост числа мусульманских земских школ, можно предположить, что татары не особо стремились подавать заявления об их открытии.

Известны случаи, когда из татарских деревень поступали ходатайства о финансировании мектебе и медресе, в программу которых входило изучение русского языка, но земство в этом отказывало. Например, муллы деревень Чемерцы Мульминской волости и Малая Рясь Студено-Ключинской волости обращались к Казанскому уездному земству за материальной поддержкой медресе и мектебе, указывая, что в них обучают не только татарскому, но и русскому языку. В ответ они получили отказ с формулировкой «в виду несоответствия означенных конфессиональных учреждений кругу земской деятельности»⁵⁹. На аналогичную просьбу крестьян Больше-Кульбашского сельского общества Кукморской волости гласный А.И. Захарьевский добавил, что жители деревни могут ходатайствовать об открытии русско-татарской школы, и тогда земство выдаст пособие на ее открытие⁶⁰.

Поскольку земские училища располагались в православных селениях, в Мамсинской волости была только одна школа – в дер. Шорабаш. В селении жили как крещеные черемисы, так и татары-мусульмане. Училище и было организовано для того, чтобы противодействовать слиянию этих двух нерусских народов⁶¹. Первоначально учебное заведение располагалось в съемном доме. Для дальнейшего укрепления училища земство хотело построить для него отдельное здание. Однако в ходе обсуждения вопроса на уезд-

---

40 чрезвычайных заседаний Казанского уездного земского собрания 1906 года. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1907. С.3–6.

⁵⁹ Постановления 51 очередного собрания Казанского уездного земства за 1915 год. Казань: Типография т-ва «А.И. Никитин и К°», 1916. С.99.

⁶⁰ Журнал 50-го очередного Казанского уездного земского собрания 20 сентября 1914 года // Постановления 50-го очередного, 54-го и 55-го чрезвычайных собраний Казанского уездного земства за 1914 год. Казань: Типо-лит. «Т-го Д-ма В. Еремеев и А. Шашабрин», 1914. С.77.

⁶¹ Постановления XXXI очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося 1–13 октября 1895 года. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1896. С.130.

ном земском собрании его члены пришли к выводу, что будет трудно добиться у местных крестьян согласия на покупку земли, так как татарское население сильно противится его строительству. В итоге собрание согласилось с предложением гласного К.А. Юшкова – в случае противодействия жителей дер. Шурабаш обратиться к губернатору П.А. Полторацкому и просить оказать на них давление⁶². По всей видимости, помощи от губернских властей земские деятели не получили. В 1897 году собрание вновь обсуждало данный вопрос, и в ходе обсуждения выяснилось, что сельское общество отказалось отвести землю под школу.

Проблему могло бы снять решение Государственного совета от 12 мая 1897 года о наделении земских школ землей и топливом. Теперь размещение школы перестало зависеть от крестьян Шурабаша⁶³. Однако и эта мера не оказала должного эффекта. Из-за враждебного отношения местного населения в начале XX века Шурабашская школа была закрыта⁶⁴.

На ее месте была открыта школа Братства святителя Гурия, главной целью которого являлось воспитание инородцев в духе православной веры⁶⁵. Но и при таком попечительстве школа пребывала не в лучшем состоянии. Если в 1899 году, когда учебное заведение еще находилось в ведении земства, в ней насчитывалось 24 ученика⁶⁶, то в 1914 году их было 25⁶⁷, т.е. практически то же количество.

---

⁶² Постановления XXXI очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося 1–13 октября 1895 года. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1896. С.48.

⁶³ Постановления XXIII очередного Казанского уездного земского собрания с 7-го по 14-е октября 1897 года. Казань, 1898. С.53.

⁶⁴ Постановления 50-го очередного, 54-го и 55-го чрезвычайных собраний Казанского уездного земства за 1914 год. Казань: Типо-лит. «Т-го Д-ма В. Еремеев и А.Шашабрин», 1914. С.24.

⁶⁵ См.: Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.

⁶⁶ Состояние народного образования в Казанском уезде за 1898/9 учебный год // Постановления Казанского уездного земского собрания

Когда в Шурабашской школе начались финансовые трудности и учителя стали уходить, Братство обратилось к земству с просьбой включить ее в сеть учебных заведений уезда, что позволило, школе получать казенные средства. Однако земское собрание посчитало, что такие меры не окажут никакого влияния на школу, между тем Братство, получив средства, перестанет обращать внимание на земство. Поэтому в просьбе было отказано, хотя земство все же выделило учебному заведению разовое пособие в 250 руб.⁶⁸

Таким образом, Казанское уездное земство подходило к вопросу русского образования татар с большой осторожностью, ограничиваясь поощрением желающих изучать русский язык. В собственно татарских селениях никаких школ устраиваемо не было, лишь выделялись средства на русские классы при мусульманских учебных заведениях. Однако татарские крестьяне не стремились организовывать такие классы, а попытки приобщить к этому процессу мулл также не увенчались успехом. В итоге, деятельность земства больше сосредотачивалась на организации инородческих училищ для других нерусских народов Казанского уезда, чтобы противодействовать влиянию на них татар.

XXXV очередной, XXXVI и XXXVII чрезвычайных сессий 12–23 октября, 23 ноября 1899 года и 4 марта 1900 года. Казань, 1900. С.27.

⁶⁷ Приложение №33 / Постановления 50-го очередного, 54-го и 55-го чрезвычайных собраний Казанского уездного земства за 1914 год. Казань: Типо-лит. «Т-го Д-ма В. Еремеев и А. Шашабрин», 1914. С.14–15.

⁶⁸ Постановления 50-го очередного, 54-го и 55-го чрезвычайных собраний Казанского уездного земства за 1914 год. Казань: Типо-лит. «Т-го Д-ма В. Еремеев и А. Шашабрин», 1914. С.24.

Медицинская помощь

Е.В.Миронова, Л.Р.Габдрафикова

Татарское население на протяжении длительного периода испытывало недоверие к официальной медицине. Большинство врачей были русскими и не всегда понимали культурные традиции татар, кроме того, сказывалось их недоверие ко всему русскому. Однако с середины XIX века земская медицина стала распространяться и в мусульманской среде. Например, во второй половине столетия было зафиксировано, что татарские крестьяне, в частности Казанского уезда, более охотно соглашались на оспопрививание, чем соседние с ними народности. В 1867 году среди марийских крестьян Казанского уезда было сделано 22 прививки, у русских – 599, а среди татар – 812. Врач А.А. Сухарев объяснял это «боязнью начальства»⁶⁹.

Татары в Казанском уезде обслуживались в основном в больницах 3-го участка, к которому относились Арская, Больше-Менгерская и Хотнинская лечебницы. Ближайшая к Мамсе земская лечебница находилась от нее в 17,5 верстах, в селе Хотня. Чуть подальше – в 22,5 верстах – располагалась Больше-Менгерская лечебница⁷⁰. Если в Хотне лечились как татары, так и русские, то в Больше-Менгерской больнице за год побывало 1054 татарина и всего 12 русских⁷¹. Больше всего земство тратило на жалованье фельдшеру – 240 руб. в год. В то время как на питание больных уходило только 218 руб. в Хотне и 105 руб. в Больших Менгерах⁷². Но расходы на

---

⁶⁹ Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. С.71.

⁷⁰ Дорожник Казанского уезда за 1881 год. Казань: Типография В.М. Ключникова, 1882. С.31.

⁷¹ Отчет Казанской уездной земской управы о действиях ее с 1 июля 1879 по 1 июля 1880 года XVI-му очередному уездному земскому собранию. Казань: Типография М.А. Гладышевой, 1880. С.100.

⁷² Там же. С.114.

персонал были преобладающей графой затрат в медицинской части смет всех уездных земств⁷³.

Первоначально Мамсинская волость относилась к Апазовскому фельдшерскому участку, но в 1895 году уездное земское собрание решило перевести фельдшерский пункт в дер. Старый Ашит, которая располагалась ближе и находилась как раз в центре участка⁷⁴. Правда, к 1907 году выделенное для него здание практически пришло в негодность: стены покосились и покрылись плесенью, между половицами образовались большие щели. Зимой в углах фельдшерского пункта скапливался снег, и принимать больных приходилось в шубе, валенках и перчатках. Попытки отыскать новое помещение ни к чему не привели, поскольку никто не хотел его сдавать.

Врач Хотнинского участка Шейн предлагал перевести фельдшерский пункт в дер. Новый Кинер, что было удобно при эпидемиях, когда требовалось своевременное оповещение персонала. Близ волостного правления это производилось бы быстрее⁷⁵. Однако член медицинской комиссии земской уездной управы И.В. Годнев в своем докладе заявил, что крестьяне Старого Ашита готовы даже построить дом для фельдшера, но только если он будет татарин. До назначения такового Годнев просил управу найти помещение⁷⁶, но с этим возникли трудности. Либо поиск врача-татарина не увенчался успехом, либо ашитские жители не выполнили своего обещания, так как через два года вновь возник вопрос о выделении 900 руб. из больничного фонда на устройство квартиры для фельдшерского пункта в Старом Ашите, как только сельское общество ответит место под постройку дома⁷⁷.

---

⁷³ Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С.34.

⁷⁴ Постановления XXXI очередного Казанского уездного земского собрания, состоявшегося 1–13 октября 1895 года. Казань: Типография и литография А.А. Родионова, 1896. С.30.

⁷⁵ Постановления Казанского уездного земского собрания 43-го очередного и 41-го чрезвычайного 1907 года. Казань, 1907. С.234.

⁷⁶ Там же. С.94.

⁷⁷ Постановления Казанского уездного земского собрания 44-го, 45-го чрезвычайного и 45-го очередного 1909 года. Казань, 1909. С.220.

Для связи между селениями северо-западной части Казанского уезда и оперативного оповещения фельдшера, помимо почтовой станции в дер. Большие Менгеры, использовалась одноконная (без почтаря) земская почта. Возил почту крестьянин дер. Шинер-Кинер (Старый Кинер) Камалютдин Шамсутдинов, 2 раза в неделю он совершал поездку от Мамсинского волостного правления в Старый Ашит и далее в Большие Менгеры, Варангуш-Яваш и обратно. За это ему платили 119 руб. в год⁷⁸.

Земская статистика 1901/1902 годов показывает, что в Казанском уезде в этот период за медицинской помощью обратилось 40,7% русского населения (42622 чел.), 21,8% татар (30330 чел.), 28,3% мари (1467 чел.)⁷⁹. Таким образом, врачебными услугами земства пользовалась незначительная часть татарского населения. Объяснялось это, главным образом, тем, что в татарских населенных пунктах крайне редко организовывались фельдшерские пункты или другие земские социальные службы.

В 1887 году Казанское уездное земство постановило устроить две богадельни – русскую в г. Арске и мусульманскую в дер. Большой Менгер. На организацию последней, помимо земских ассигнований, имелось и солидное пожертвование от гласного, казанского купца А.Сайдашева. Но устройство мусульманской богадельни затормозилось из-за отказа Больше-Менгерского общества отвести место под богадельню⁸⁰. Только через девять лет крестьяне дер. Кутюк Кармышской волости Казанского уезда согласились предоставить землю для богадельни, посчитав, что она принесет пользу как им, так и жителям близлежащих волостей. А. Сайдашев выполнил свое обещание лишь частично, пожертвовав вместо 500 руб. только 300. Он объяснил, что после голода 1891 года сотни и даже тысячи рублей были пожертвованы им и его единоверцами на помощь на-

---

⁷⁸ Отчет Казанской уездной земской управы о действиях ее с 1 января 1914 по 1 января 1915 г. 51 очередному Казанскому уездному земскому собранию. Казань: Волжско-Камская печатня, 1915. С.16.

⁷⁹ Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. С.63.

⁸⁰ Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань, 2014. С.242.

роду, поэтому он не может в данный момент выплатить всю сумму целиком. В кассе земской управы в это время находилось 300 руб., которые могли пойти на постройку богадельни и еще 300 должны были внести в смету следующего года. Общей суммы как раз должно было хватить на возведение здания⁸¹. В 1914 году Кутюкская богадельня действовала вполне исправно. В ней содержались жители из разных местностей, например, из Больше-Менгерской волости сюда поступили 2 человека⁸².

Несмотря на развитие системы медицинского обслуживания, пожалуй, самыми доступными оставались услуги народных целителей. Их можно рассматривать как пережиток языческих времен. Они лечили людей при помощи разнообразных заклинаний, манипуляций, снадобий. Целители были распространены как в татарской, так и в русской среде. Знахарей татары называли «имче». В основном этим ремеслом занимались женщины пожилого возраста. Поэтому чаще всего встречались «имчекарчык» (карчык – старуха). Так, из казанского периода детства поэт Габдулла Тукай запомнил такую бабушку-знахарку. «Хорошо помню лишь случай, когда у меня разболелись глаза, меня повели к одной старухе, а я всеми силами старался вырваться из ее цепких рук, пока она сыпала в глаз сахарную пудру»⁸³.

Согласно дневникам историка Н.И. Воробьева, в начале XX века в Старом Кишите, Большом Менгере проживали известные знахарки (имче). В целом, знахарство среди татар имело большее распространение в городах, нежели в сельской местности. Там знахари-имче встречались реже. Это было связано с тем, что в деревнях функции врачей-целителей очень часто брали на себя религиозные служители – муллы и ишаны. Мусульмане старались лечить свои недуги, прежде всего, при помощи различных молитв.

---

⁸¹ Доклад Казанской уездной земской управы XXX очередному Казанскому уездному земскому собранию «О постройке мусульманской богадельни». Казань: Типография А.А. Родионова, [Б.г.]. С.1–2.

⁸² Отчет Казанской уездной земской управы о действиях ее с 1 января 1914 по 1 января 1915 г. 51 очередному Казанскому уездному земскому собранию. Казань: Волжско-Камская печатня, 1915. С.6.

⁸³ Тукай Г. Детства памятные дни / пер. с тат. Казань: Слово, 2014. С.6.

Лечение сурами из Корана в конце XIX века получило столь широкое распространение, что на рубеже столетий татарские коммерсанты начали печатать большими тиражами целительные молитвы. Некоторые люди носили эти «молитвенные листы» в миниатюрной кожаной сумочке под одеждой. С одной стороны, это было чем-то вроде оберега, с другой, применялось для излечения уже имеющих заболевания.

Помимо знахарей и ишанов, татары обращались за помощью к костоправам, повитухам (*кендек эби*), специалистам по обрезанию (*сөннэтче бабай*). Последние две категории пользовались особым уважением в обществе. Иногда повитухи являлись и знахарками.

Специфические медицинские функции, связанные с мусульманской традицией, выполняли специалисты по обрезанию (*сөннэтче*). Например, в Заказанье жили известные специалисты по обрезанию. В определенное время они отправлялись по разным селениям для проведения этой процедуры. «В Казанском уезде есть селения: например, Новая Масра, Кармыш, Казанбаш, из которых расходятся до 50 специалистов по разным губерниям Европейской России. Обыкновенно ремесло это передается из рода в род», – отмечал врач А.А. Сухарев. – Обрезание мальчикам старались делать в нечетном году – в 3 или 5 лет, из-за суеверия, что могут умереть»⁸⁴.

На примере специалиста по обрезанию можно увидеть, как тесно взаимодействовали официальная и народная медицина и насколько сильным был авторитет последней в глазах мусульманского населения. Например, когда в начале XX века обрезание начали проводить и сами врачи-мусульмане, они в обязательном порядке должны были попросить благословения на осуществление этой деятельности от «сөннэтче бабаев». Как отмечал миссионер Я. Коблов, «даже к врачам из магометан татары относятся недоверчиво, если врач не получил разрешение на совершение этой операции от бабая, и есть примеры, когда врачи действительно обращались к бабаям за

---

⁸⁴ Сухарев А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. С.41.

разрешением»⁸⁵. Допуск в эту ритуальную сферу медицинских работников являлся вынужденным шагом, так как в некоторых случаях обряд заканчивался трагическим исходом.

Подавляющая часть татарского населения даже в начале XX века сохраняла весьма скептическое отношение к врачевным услугам. Поэтому и в начале XX столетия губернские правления обращались в Оренбургское магометанское духовное собрание, добиваясь от него указаний муллам на местах, чтобы они повлияли на прихожан. Например, через мулла в Казанской и Вятской губерниях распространяли брошюру о холере на татарском языке, подготовленную учителем Казанской школы И. Терегуловым. Врачебный инспектор Казанской губернии просил, «чтобы муллы Казанской губернии извещали безотлагательно местных земских участковых врачей о каждом подозрительном по холере случае заболевания среди магометанского населения»⁸⁶.

В новых условиях мусульманское духовенство было вынуждено подчиняться требованиям ОМДС. Из-за постоянных эпидемий был принят ряд правил и по захоронению людей. В частности, в целях профилактики мусульманские погребальные обряды иногда выполнялись не в полной мере, что, конечно же, тяжело воспринималось татарским населением. Например, согласно указаниям 1892 года, предписывалось проводить отпевание только после тщательной дезинфекции: одежда на покойниках должна была быть пропитана специальными растворами. Нельзя было обмывать труп. Мусульманам это разрешалось при условии, что вместо обычной воды будет использован дезинфицирующий раствор⁸⁷. Иногда предписания по одной инфекции санитарные комиссии могли распространить и на все остальные заразные заболевания. Санитарные предписания не всегда совпадали с мусульманскими ритуалами, но мулла рассматривали в качестве проводников офи-

---

⁸⁵ Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар магометан // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т.24, вып.1–6. Казань, 1908. С.527.

⁸⁶ НА РБ. Ф.И-295. Оп.6. Д.655а. Л.3.

⁸⁷ НА РБ. Ф.И-295. Оп.3. Д.13051. Л.4, 2 об.

циальных медицинских знаний. Наблюдалась определенная амбивалентность поведения мулл. С одной стороны, они были убеждены во всемогуществе сур Корана, с другой – были вынуждены подчиняться требованиям властей и агитировать население за принятие норм официальной медицины.

При этом обращение татар к медицинским службам осложнялось как религиозными предубеждениями, так и существующим языковым барьером. Кроме того, имела место и недостаточная развитость земской медицинской инфраструктуры. Отсутствие мусульман-врачей также усиливало недоверие татар к официальной медицине. Гораздо реже обращались к медикам татарские женщины из сельской местности. Например, в 1901–1902 годах в Казанском уезде из обращавшихся за советом к врачам среди русских мужчин было несколько меньше, чем женщин (47,4% и 52,6% соответственно), то у других народов, в том числе татар, наблюдалось обратное: мужчин было 59%, женщин – 41% (3:2)⁸⁸.

Мусульмане предпочитали амбулаторное лечение стационарам. Недоверие к больницам объяснялось особым рационом питания и образом жизни мусульман, религиозными убеждениями⁸⁹. Имелись и такие стереотипы, в которых лечебницы ассоциировались с холерными бараками. Например, Г. Тукай, будучи пациентом Клячкинской больницы, в 1913 году, когда его спросили, почему он так долго избегал больниц, ответил в шутливом тоне: «Для нас больница – это последняя станция перед смертью, хотел немного продлить свою земную жизнь»⁹⁰. Несмотря на всю иронию поэта, в этих словах была и доля правды. Многими больница воспринималась как место смерти. К слову, это было характерно не только для мусульман.

---

⁸⁸ Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. С.63.

⁸⁹ Там же. С.64.

⁹⁰ Тукай Г. Әсәрләр: Биш томда. Т.5. Казан, 1986. Б.120.

Пожарная безопасность

Е.В.Миронова

За пожарной безопасностью в Казанском уезде следила земская управа. Она обеспечивала заключение страховых договоров с сельскими обществами, поступления с которых шли на противопожарные меры. Страхование обеспечивало возмещение убытка от огня, но не предупреждало пожары, нужно было обязать крестьян использовать при строительстве огнеупорные материалы, повышать пожарную грамотность.

С целью определения размеров страховых выплат уездные управы сняли планы населенных пунктов и, согласно им, определили 3 разряда пожарной безопасности: первый – правильно построенные и более безопасные от огня, а также хотя выстроенные неправильно, но по расположению своему не представляющие опасности; второй – селения, представляющие относительно меньшую безопасность от огня, и третий – селения, наименее защищенные от пожаров. О низком уровне пожарной безопасности в татарских деревнях свидетельствуют следующие данные за 1872 год: в Мамсинской волости к третьему разряду относились 15 деревень, ко второму – 5 и только одно – к первому; в Больше-Менгерской волости 19 селений принадлежали к третьему разряду и два – ко второму⁹¹. Почти все эти поселения объединяла общая проблема – узкие, кривые улицы, сплошные постройки, без достаточных расстояний между ними. В некоторых из них, в частности в деревнях Ташкичу (Кудайгулова Пустошь) и По речке Мамсе, не было ни одного колодца, а воду брали из близлежащих ключей и рек⁹².

Причины скученного проживания объяснялись отсутствием свободных земель для расширения территорий деревень. Например, в Старом Ашите с 1856 по 1910 год усадьба увеличилась всего на 27 десятин (за счет выгона, лугов и пашни), в то время как под запаш-

---

⁹¹ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.128. Л.38.

⁹² Там же. Л.36–36 об.

ку за этот же период было расчищено 88,5 десятины земли (из-под кустарника). Численность же населения за это время – с 1859 до 1908 года – выросла с 1154 чел. до 1490⁹³.

Учитывая небезопасную застройку деревень, земство занималось работой по перепланировке селений. Как это происходило, видно на примере дер. Старый Ашит, относившейся к третьему разряду пожарной безопасности. Селение располагалось на реке и даже имело несколько колодцев, однако это не спасало его от быстрого распространения огня, поскольку улицы были узкими, а строения стояли близко друг к другу⁹⁴. На плане деревни 1885 года изображены десять сгоревших строений, располагавшихся в непосредственной близости от реки и одного из колодцев⁹⁵. В 1885 году был составлен новый план деревни агентом-техником Казанской уездной земской управы Н. Загибаловым. Согласно ему, улицы были выпрямлены и расширены до 10–12 саженей, переулки – до 6–8 саженей⁹⁶.

В 1893 году земство возбудило вопрос о разрежении многодворных деревень путем выселения части жителей в особые поселки. Несмотря на пособие в 75–100 руб., полагавшихся каждому домохозяйству за добровольный переезд, никаких результатов эта мера не принесла вследствие «нерасположения крестьян»⁹⁷.

Пожары в татарских селениях происходили примерно так же часто, как и в русских. Обычно сгорало несколько строений в год, но иногда случались и опустошительные пожары, особенно в засушливые годы. Так, в 1914 году в Мамсинской волости произошло только 6 пожаров, но при этом сгорело 406 дворов и 309 строений⁹⁸. Некоторые деревни выгорали почти полностью по нескольку раз. Например, в недалеко отстоявшей от Мамси деревне Большая Атня в 1838 году сгорела вся ее северная часть, а в 1888 году – южная⁹⁹.

---

⁹³ Старый Ашит // Татарская энциклопедия. Казань, 2010. Т.5. С.433.

⁹⁴ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.128. Л.29 об.

⁹⁵ ГА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.186. Л.2.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.593. Л.98.

⁹⁸ Отчет Казанской уездной земской управы с 1 сентября 1866 г. по 1 сентября 1867 г. Казань: Типография и литография К.А. Тилли, 1867. С.37.

⁹⁹ Дульский П. Искусство казанских татар. М., 1925. С.9.

Пожары причиняли огромные убытки погорельцам, и хотя земство страховало имущество крестьян, выплаты покрывали далеко не весь ущерб. В 1914 году по Казанскому уезду он составил 6233 руб., но было выдано почти вдвое меньше – только 3623 руб.¹⁰⁰

Большинство пожаров случалось по вине самих же крестьян. Например, в дер. Балтаси крестьянин Латыф Бакиров топил баню прямо в жилище, о чем член уездной земской управы Котелов сообщил в волостное правление, чтобы оно взяло штраф, запечатало баню и известило местное население о запрете топления бань летом (обычно этот запрет распространялся только на сухой осенний или летний сезон). Но люди продолжали с пренебрежением относиться к мерам пожарной безопасности. По этому поводу корреспондент «Казанской газеты» писал: «Деревянная и соломенная деревня наша горит постоянно: горит она зимой и летом. Причины сельских пожаров – до преступности небрежное обращение с огнем самих крестьян, часто шалость оставленных без присмотра ребят и только иногда злая воля человека»¹⁰¹.

подавляющее большинство строений в селениях было из дерева. Например, в Старом Ашите из 203 участков только на территории одной усадьбы располагались каменные строения, также каменными были две мечети¹⁰². Известно, что в русских селениях Казанское земство строило училища из недорогого, но огнестойкого саманного кирпича¹⁰³. Даже была назначена единовременная премия в размере 10 руб. за использование данного материала¹⁰⁴. Однако сведений о таких постройках в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях не встречается.

Поскольку в татарских деревнях наибольшее распространение имели соломенные крыши, которые легко возгорались, земство указывало на необходимость замены их материалами с добавлением глины. В частности, за устройство глинобитных изб крестьяне мог-

---

¹⁰⁰ Дульский П. Искусство казанских татар. М., 1925. С.9.

¹⁰¹ Казанская газета. 1903. 2 октября.

¹⁰² ГА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.186. Л.2.

¹⁰³ См.: Постройки из саманного кирпича. Казань, 1890. 10 с.

¹⁰⁴ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.679. Л.3.

ли получить 10 руб. вознаграждения, а за глино-соломенные крыши – до 25 руб.¹⁰⁵

Справедливости ради отметим, что переходу на альтернативные стройматериалы противились не только в татарских, но и в русских селениях. В итоге, огнестойкие постройки в Казанском уезде появлялись в основном в помещичьих имениях, владельцы которых имели финансовую возможность заменить деревянные сооружения каменными, а соломенные крыши – на черепицу.

Чтобы несколько оградить дома друг от друга, издавались постановления о посадке деревьев. Однако рассадка деревьев в большинстве случаев производилась небрежно, саженцы сохли или уничтожались скотом, а потому вскоре и вовсе перестали сажать деревья. В Казанском уезде небрежность при уходе за саженцами отмечалась именно со стороны татарского населения, поэтому в Балтасинской, Мамсинской и Новокишитской волостях посадка производилась по распоряжению земского начальника.

Земские деятели стремились к повышению пожарной грамотности крестьян. С этой целью по всей Казанской губернии проводились передвижные пожарные выставки, вход на которые был сделан свободным для всех¹⁰⁶.

В деревнях формировали пожарные караулы при гумнах, представлявших повышенную пожароопасность. Гумна, как правило, находились в отдалении от жилых построек, однако имели место и обратные ситуации. Например, в Большом Менгере все 44 гумна располагались внутри селения¹⁰⁷. По указанию Казанского уездного земства волостные правления составляли списки караульных из числа жителей для надзора за гумнами. В большой деревне По речке Мамсе, насчитывавшей 274 домохозяйства, в ночной караул заступали 7 пеших и 2 конных, а днем – только 2 конных¹⁰⁸. В Большом Менгере выставялся пожарный разряд до 10 человек одно-

---

¹⁰⁵ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.679. Л.3.

¹⁰⁶ Там же. Л.14.

¹⁰⁷ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.250. Л.145.

¹⁰⁸ Там же. Л.138.

временно¹⁰⁹. В менее многочисленных селениях, например, таких как Старая Сердобряжка (84 двора) и Ясашная Сердобряжка (126 дворов), и днем, и вечером дежурило не более 2–3 человек¹¹⁰. Зимой количество караульных уменьшалось в 1,5 – 2 раза.

С целью самостоятельной борьбы с пожарным бедствием в селениях имелись инвентарь, огнегасительные снаряды. За пополнением комплектов следили сельские старосты и волостные правления, отчитывавшиеся об этом перед уездной земской управой¹¹¹.

Анализ деятельности Казанского уездного земства в отношении татарских деревень показывает, что основные усилия были сосредоточены в продовольственной сфере. В области образования земцы старались не вмешиваться в сложившуюся у татар школьную систему, так как видели противодействие с их стороны в этом вопросе. С возникновением земства в татарских деревнях стала оказываться профессиональная медицинская помощь. Однако для полного доверия не хватало кадров из татар. Поэтому оставались сильны позиции народных целителей. В области пожарной безопасности земские учреждения проводили перепланировку деревень, страховали имущество, производили посадку деревьев, поощряли огнеупорное строительство. Но успех сельского пожарного дела во многом зависел от сознательности самих жителей.

В целом, некоторое недоверие татар к русским, особенно к тем, кто обладал властью, снижало эффективность мероприятий земства по улучшению быта и экономического положения крестьян. Земство воспринималось как государственный орган власти, действия которого в глазах татарского крестьянина таили в себе подвох. По всей видимости, на крестьян повлияло и довольно жесткое подавление в 1878 году волнений в Мамсинской волости. В 1884 году сотрудники Статистического бюро Казанского губернского земства, проводившие сплошное исследование губернии, отмечали особую сложность работы в Казанском уезде «вследствие недоверчивого, а подчас и прямо враждебного отношения инородческого (татарско-

---

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.250. Л.145.

¹¹⁰ Там же. Л.172.

¹¹¹ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.679. Л.16; Д.604. Л.1.

го) населения»¹¹². Кроме того, возможности земств были невелики, они могли уговорить крестьян провести те или иные улучшения, но часто наталкивались на стремление делать все по старинке. Поэтому действия земств не приводили к быстрому улучшению качества жизни татарских крестьян.

Антиправительственные выступления

Е.В.Миронова, Х.З.Багаутдинова

В ходе социокультурного развития в рамках Российской империи у татар-мусульман Заказанья сформировалась устойчивая, самодостаточная система культурно-религиозной автономии, представленная религиозными и образовательными институтами (махалли, мечети, мектебе и медресе). Она позволяла им сохранять этнокультурную самобытность в условиях агрессивной политики самодержавия по религиозной и культурно-языковой унификации нерусских народов Волго-Уралья. Длительное время государство напрямую не вмешивалось в систему функционирования этих институтов, понимая сложность регулирования и администрирования этой весьма тонкой сферы культурной жизнедеятельности татарского общества.

Положение начинает меняться в пореформенный период. Вступление России в эпоху капитализма привело к росту общественного движения нерусских народов и его политизации, зарождению идеологии национализма. В этих условиях имперское руководство начало форсировать процесс инкорпорации «иностранческого» и «инославного» населения страны в социокультурное и политико-правовое поле империи. Осуществлялось это путем подчинения их культурно-религиозных институтов государственно-бюрократической системе самодержавия и использования национальной школы как основного канала христианизации. В учебных заведениях

---

¹¹² Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.39.

крещеных нерусских народов активно внедрялась система Н.И. Ильминского, а в мусульманских медресе навязывалось обучение русскому языку (как начальный этап будущей русификации). Естественной реакцией на эти мероприятия стал рост протестных настроений и социального напряжения в татарском обществе.

Свою лепту в это внесли и давние обиды татарского населения, в основе которых лежало экономическое и правовое неравенство. По средней величине земельного надела татары были равны с русскими удельными крестьянами и имели больше земли, чем владельческие крестьяне, однако по обеспеченности земельными угодьями среди нерусских народностей они занимали последнее место¹¹³. Кроме того, качество их наделов в сравнении с тем же русским населением было ниже, так как со времен Ивана Грозного государство вытесняло татар на менее плодородные земли. Примитивные орудия труда, малое количество скота и безлесные земли также не способствовали развитию татарского хозяйства. При этом татары платили больше всего податей с десятины¹¹⁴. В результате у большинства татарских деревень постоянно имелись долги перед правительством и земством. Так, в 1883 году среди селений, имевших продовольственный долг более 15 руб. на ревизскую душу, 75% были татарскими¹¹⁵.

Объективной причиной для недовольства татарского населения являлось малое представительство в органах управления. Татары составляли второй по численности народ в Казанской губернии, однако в уездном аппарате их было лишь 13%, тогда как русских – 74,1%. В 1887 году из 52 гласных Казанского уездного земства только 16 были татарами, причем большинство из них составляли

---

¹¹³ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып.3. Уезд Казанский. Казань, 1887. С.31.

¹¹⁴ Загидуллин И.К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992. С.76.

¹¹⁵ Из докладной записки состоящего при МВД бар. А.А. Искуль-Гильденбандта мин-ру внутренних дел гр. Д.А. Толстому об экономическом положении крестьянства (в частности татарского) Казанской губ. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.18.

мещане и купцы, проживавшие в городах. В 1912 году из 40 гласных только трое являлись мусульманами¹¹⁶. Непропорциональность представительства усугублялась тем, что на всех уровнях управления делопроизводство велось на русском языке, при том, что большинство татар были грамотными. В результате любое обращение к властям оборачивалось для татарского населения значительными издержками.

Свою лепту вносил и религиозный фактор. Хотя времена Луки Конашевича¹¹⁷ остались в далеком прошлом, татары, помня прежние обиды, настороженно относились к русским, особенно к начальству, ожидая в каждом законе и каждом предписании какой-либо подвох. Периодически среди них возникали слухи о якобы готовящемся массовом крещении мусульман. Пик их пришелся на годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов, которая была воспринята многими татарами как борьба православия с исламом.

Местные власти поначалу не придавали этим слухам значения. Начальник жандармского управления А.Н. Житков даже сообщал, что «...восточный вопрос при помощи нескольких турецких эмиссаров, хотя и возбудил в татарском населении некоторое сочувствие к своим единоверцам туркам, но не увлек никого пустыми надеждами. Такая пропаганда также не представляет никакой опасности потому, что руководители здешнего татарского населения не столько просты, чтобы рискнуть променять верное благосостояние на неверные льстивые обещания турок, кроме, быть может, тайного и то самого ничтожного денежного пожертвования в пользу единоверцев...»¹¹⁸.

---

¹¹⁶ Зайнуллина Ф.Г. Татарская деревня Казанской губернии: социально-экономическая и этнокультурная трансформация (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С.119.

¹¹⁷ Лука Конашевич – епископ Казанский и Свияжский в 1738–1755 гг., идеолог и руководитель кампании по христианизации нерусского населения, проводившейся в Среднем Поволжье в 1740–1750-е гг.

¹¹⁸ Из обзора начальника Казанского губернского жандармского управления А.Н. Житкова // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.346.

Однако уже вскоре необдуманные действия властей перевели тлевшее внутри татарского общества недовольство в открытый пожар. Осенью 1878 года в Казанском, Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии, а также в ряде мест Вятской и Самарской губерний начались волнения среди татарского населения.

Непосредственным поводом к волнениям стало решение Казанского губернского земского собрания от 9 марта 1877 года об обязательном страховании крестьянских построек от огня, которое было расценено татарами как норма, противоречащая шариату, а также принятие «Инструкции сельским обществам по выполнению возложенных на них законом обязанностей»¹¹⁹. Кроме прочего в ней содержался пункт, согласно которому все крестьяне губернии должны были нести повинности по содержанию церквей. При этом не была сделана оговорка, что у татар данная повинность шла бы на содержание мечетей. Для губернии, в которой половину населения составляли нерусские народности, такая ошибка могла иметь серьезные последствия.

Так и случилось. Документы были восприняты татарами-хлебопашцами как подготовка к насильственной христианизации и вмешательство органов власти в их внутреннюю духовно-религиозную и экономическую жизнь.

Усугубило ситуацию то, что инструкция не была оглашена сразу. Летом 1878 года она поступила в волостные правления и была роздана сельским старостам, однако довести ее содержание до сельских жителей предписывалось лишь осенью, после окончания сельскохозяйственных работ¹²⁰. Неудивительно, что слухи об инструкции просочились в крестьянскую среду раньше, во многом благодаря самим старостам и волостным чиновникам. Так, в Мамсинской волости волостной писарь Завалишин стал утверждать, что все татарское население должно принять православие в течение двух не-

---

¹¹⁹ Чернышев Е. Волнения казанских татар в 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1927. №7. С.182.

¹²⁰ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. С.163.

дель¹²¹. Русские солдаты, возвратившиеся домой после русско-турецкой войны 1878–1879 годов, так же говорили, что султана победили и теперь будут крестить татар. Такие заявления, скорее всего, делались с намерением подшутить над «инородцами».

Распространявшиеся слухи сильно искажали действительность. Крестьяне, приезжавшие из уездов в Казань, рассказывали, что магометанским сельским обществам раздавались какие-то книжки за подписью губернатора. В них приказывалось делать сборы на русские церкви и заводить школы, в которых Закону Божию будут учить русские священники. Поскольку у многих татар сохранялась вера в доброго царя, они считали эти распоряжения инициативой местных властей. Якобы у царя Александра II состоялся совет, на котором чиновники убеждали его крестить всех татар, однако царь не согласился, тогда они сами решили сделать это. Стихийно сложилось убеждение, что надо послать выборных к царю, чтобы рассказать о произволе¹²².

Выступления вначале прошли в двух волостях Спасского уезда – Марасинской и Полянкой. Здесь, кроме недовольства «Инструкцией», распространились слухи о том, что в приговорах сельских обществ по земскому страхованию, которые составлялись на русском языке, содержалось обязательство перейти в православие. Подобные слухи циркулировали и в Чистопольском уезде, но там дело ограничилось посланиями губернским властям с просьбой подтвердить их или опровергнуть. В Спасском же уезде в октябре 1878 года крестьяне стали самостоятельно снимать старост, заподозренных в сотрудничестве с русской администрацией. В последующем это явление распространилось и на Казанский уезд. Крестьяне перестали выполнять ряд натуральных повинностей (содержание пожарных сараев, отвод квартир полицейским урядникам и стражникам и пр.),

---

¹²¹ Чернышев Е. Указ. соч. С.196.

¹²² Донесение попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова мин-ру народного просвещения гр. Д.А. Толстому о влиянии волнений татар на русификаторские мероприятия МНП // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.357.

в которых не видели прямой необходимости и которые приносили ненужные затраты. Попытки увещевания со стороны полиции и волостного начальства не увенчались успехом. Такое положение продолжалось до декабря 1878 года¹²³.

В это же время в Чистополе действовала некая группа, в которую входили крестьянин Любимцев, нотариус Кабитович, польский мещанин Азаматов, мещанин Мясников и запасной солдат Мельников¹²⁴. По словам губернатора Н.Я.Скарятин, группа помогала татарским крестьянам составлять приговоры, посылать некие просьбы губернатору, оренбургскому муфтию, министру внутренних дел. На фоне начавшихся беспорядков эта группа показалась губернским властям опасной, и по ней началось следствие. Однако даже начальник III отделения Н.К.Шмит считал, что в волнениях виноваты губернские власти, а не указанные лица, в связи с чем их влияние на события было преувеличенным.

Тем не менее, центр распространения тревожных слухов, скорее всего, был, но возникал он не целенаправленно, а стихийно. В Казани на Сенном базаре, где обыкновенно собирались татарские сельские жители, информацию об «Инструкции...» распространяли приезжие крестьяне и муллы. Местные купцы пытались их успокоить, объясняя, что в документе говорится о русском населении¹²⁵, однако запущенный слух было уже не остановить, и он беспрепятственно распространялся по губернии.

В Казанском уезде волнения начались чуть позже – в конце ноября 1878 года. Беспокойство ощущалось во всех волостях с татарским населением, но взрывы недовольства произошли в трех из них – Мамсинской, Больше-Менгерской и Больше-Атнинской. География беспорядков отчасти совпадает с древней Ашитской конфедерацией.

---

¹²³ Чернышев Е. Указ. соч. С.177.

¹²⁴ Там же. С.177.

¹²⁵ Донесение инспектора татарских, башкирских и киргизских школ В.В. Радлова попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову о распоряжениях губ-ра, вызвавших волнения татар 12 ноября 1878 г. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.354.

рацией джиенных округов, но многие селения оставались спокойны. Кроме того, волнения четко локализовались по волостям, поскольку население считало виновными именно волостные правления, из которых и посылались инструкции сельским старостам. Так, хотя центром Ашитского джиенного округа было село Старый Ашит, относившееся к Больше-Менгерской волости, большинство селений округа административно входили в Мамсинскую волость, вследствие чего выступали отдельно.

Крестьянские волнения вспыхнули одновременно во всех трех волостях и проходили по схожим сценариям. Большую роль в выработке общей программы действий и консолидации татарского сельского населения сыграли местные базары (староашитский и большеменгерский), использовавшиеся как площадки для обсуждения сложившейся ситуации. Непосредственно перед волнениями, 23 ноября, сельским старостам были розданы дополнения к инструкциям, в которых разъяснялись вопросы, касающиеся сборов на содержание церквей. До народа эти сведения, очевидно, не дошли. Татарские крестьяне вначале потребовали от старост обнародовать инструкции, а затем стали ходатайствовать в волостных правлениях об их смещении. Жители некоторых селений самовольно отстранили своих старост от должности. В конце ноября в трех волостях Казанского уезда татары 45 деревень (11,5 тыс. душ м.п.) установили национальные «крестьянские республики», используя легитимные механизмы сельского самоуправления.

Для успокоения татар в Казанский уезд выехал исправник. Он велел прислать в правление каждой волости своих представителей, которым собирался объяснить безосновательность слухов о предстоящем крещении. Татарское население, однако, не ограничилось посылкой депутатов. В волостные центры стали стекаться жители окрестных деревень¹²⁶. Вероятно, их сбор начался еще до предписания исправника. Мамсинский волостной писарь И.С. Завалишин еще за день до описываемых событий получил информацию, что в Мамсе, куда он направлялся, собираются татары, чтобы побить за

---

¹²⁶ Рахим А. К вопросу о крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. №8. С.144.

«выдачу книг, противных их религии»¹²⁷. Завалишин сообщил об этом становому приставу и просил его поехать вместе с ним. Но пристав, явившись в Мамсю, не смог там долго находиться, поскольку его вызвал исправник в дер. Большой Менгер. Он велел волостному правлению передать крестьянам, которые должны были явиться на следующий день, чтобы они вернулись домой, и придти через день, когда он вернется. Однако крестьяне не стали расходиться. Фраза, что они собрались «не для того, чтобы назад ехать, а чтобы дело делать»¹²⁸, указывает на то, что они имели какую-то цель помимо выслушивания начальства.

Эта цель становится ясна по последующим действиям толпы. Она пошла к волостному правлению, набросилась на сторожа Гизетуллу Бабишина, попытавшегося не пустить их, и стала требовать Завалишина. Ворвавшись в правление, крестьяне схватили писаря, не жалея и тех, кто пытался им помешать, вытащили его на улицу и принялись избивать. Через некоторое время Завалишин вернулся в правление избитый, где его уложили на пол и укрыли шубой. Но народ на этом не успокоился – большинство осталось на ночь в деревне, на следующий день еще раз избили Завалишина и принялись за смену власти в волости.

Волостного старшину Галеева сменили на жителя дер. Файзуллинной Сулеймана Габитова¹²⁹. Кроме волостного старшины, от должностей отрешили сельских старост волости и поставили новых. На дорогах были выставлены караулы с целью не допустить представителей губернской власти. Из волости были изгнаны 12 русских ремесленников – кузнецы, лавочники и пр. Им заявили, что если они вернуться, то их убьют¹³⁰. В то же время следует отметить, что не все русские подверглись насилию. Так, фельдшер и священник, вызванные кем-то к

---

¹²⁷ Чернышев Е. Указ. соч. С.191.

¹²⁸ Там же. С.192.

¹²⁹ Там же. С.193.

¹³⁰ Донесение Казанского губернатора Н.Я. Скарятина управляющему МВД Л.С. Макову о мерах, принятых им при усмирении волнений татар в Казанском у. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.370.

избитому писарю, смогли проехать в Мамсю, обманув крестьянские караулы, которым говорили, что едут на стекольный завод или в Казань¹³¹. Причем били и татар, своих односельчан. Юсуп Биккенин и Садык Менняфов были избиты за то, что уговаривали народ не производить буйства, а старосту деревни Сосмак-Пшенгер Шигабутдина Гимадутдинова – за то, что он не сказал, где находится Завалишин. Причем последний позже был сослан на каторгу, так как чтобы избежать избиения, сам был вынужден бить писаря.

Крестьянская власть просуществовала в Мамсинской волости с 28 ноября по 3 декабря. Когда стало понятно, что силами, имеющимися на местах, с бунтовщиками не справиться, в охваченные волнениями волости направился сам губернатор Н.Я. Скарятин в сопровождении воинской команды. При его приближении крестьяне не оказывали сопротивления, были весьма напуганы и, похоже, не ожидали таких мер. Сохранилась жалоба татар на имя министра внутренних дел Л.С. Макова, в которой они заявили о посылке к губернатору депутатов, которым Скарятин разъяснил, что пункты «Инструкции» о сборах на церкви относятся только к православным, в чем дал им собственноручно подписанное заверение. Однако когда представители татар вернулись домой, чтобы успокоить односельчан, губернатор явился с солдатами, собрал всех жителей в возрасте от 11 до 80 лет, всего до тысячи человек, и, прохаживаясь между ними, наносил побои без разбора. Всего были наказаны розгами около 800 человек¹³².

Воспоминания жителя дер. Большой Менгер, отставного муллы Шагиахмета Мухаммедиева, дополняют и уточняют эти сведения. Он сообщал, что воинскую команду, возглавляемую губернатором, сопровождали два воза с розгами. Так же из окрестных волостей прибыли 500 русских крестьян, согнанных для экзекуции. Собранных жителей селений Больше-Менгерской волости заставили стать на колени перед Скарятиным. Губернатор принялся их ругать, произнеся следующие слова «Сделаю с вами, что хочу. Я ваш царь и

---

¹³¹ Чернышев Е. Указ. соч. С.194.

¹³² Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 году // Вестник научного общества татароведения. 1925. №1–2. С.38–40.

бог», которые оскорбили религиозные чувства мусульман. Затем, без следственных мероприятий, лишь по указке избитых крестьянами стражника, писаря и муллы, он приказал пороть собравшихся татар. По словам Мухаммедиева, в тот день было выпорото около 200 человек, некоторые получили по 200 ударов розгами, были и умершие. Напоследок Скарятин сказал крестьянам, что они могут жить спокойно и власти не собираются преследовать их религию. Однако эти слова, так расходившиеся с только что устроенной экзекуцией, не заставили людей переменить мнение, что их будут крестить. После этого русских крестьян отправили в дер. Мамся, где выпороти 800 человек¹³³. То же самое произошло и в Больше-Атнинской волости. Усмирив подобным образом татарских крестьян, губернатор Скарятин восстановил в прежних должностях все волостное и сельское начальство и отбыл в Казань.

Интересно, что к суду в качестве виновных привлекли лишь лиц, избивших Завалишина. Обвинение крутилось вокруг этого факта, не стремясь найти зачинщиков волнений. Возможно, это объясняется показаниями свидетелей, указавших причиной сбора в Мамсе желание избить писаря. В частности, такое объяснение дали житель дер. По речке Мамся Салик Мухамедсалихов, крестьяне Ибрагимов из дер. Байчуриной и Хусаин Шагеев из дер. Ясашная Сердобряжка¹³⁴. Можно было бы предположить, что Скарятину было выгодно представить события в трех татарских волостях Казанского уезда как хулиганство, а не восстание. Однако в отчетах в Министерство внутренних дел он прямо указывал, что причиной волнений являлись слухи о крещении.

Первоначально обвиняемых было 19, но затем их число сократилось до 9. В итоге все они были приговорены к различным видам наказания. Мухамедрахим Ибрагимов, Хамидула Габидуллин и Саин Шагиахметов были лишены всех прав состояния и сосланы на каторжные работы на заводах сроком на 4 года и 1 месяц каждый, с последующим вечным поселением в Сибири. Ихсана Исмагилова,

---

¹³³ Рахим А. К вопросу о крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. №8. С.146–148.

¹³⁴ Чернышев Е. Указ. соч. С.196.

Абдуллу Фаткулина и Шигабутдина Гимадутдинова после лишения всех прав состояния сослали на поселение в Томскую, а Насыбуллу Хамитова – в Иркутскую губернию. Муртазу Батыршина и Мухаметзяна Валишина приговорили к заключению в арестантское отделение гражданского ведомства на 3,5 и 1,5 года соответственно. Последнему после подачи кассационной жалобы в Сенат заменили наказание на 3 месяца ареста¹³⁵.

Волнения 1878 года в Казанском уезде непосредственно коснулись местных органов власти, в первую очередь сельских старост. Эта должность была в татарских селениях весьма обременительной, и от нее старались отказаться. С одной стороны, староста должен был проводить политику властей, с другой – он жил среди рядовых татар, которые относились настороженно к русской администрации. В беспокойные времена старосты одними из первых становились жертвами недовольства крестьян.

Если в Спасском уезде взбунтовавшиеся сельчане ограничились сменой только старост, то в Казанском уезде они пошли дальше и свергли волостное начальство. Данный шаг заставил губернатора Скарятину лично отправиться в восставшие волости, поскольку это уже угрожало спокойствию всей губернии. Примечательно, что особую ненависть крестьян Мамсинской волости вызвал писарь. Нередко именно писари являлись фактическими руководителями волостного правления и использовали свою должность для личного обогащения. Кроме того, Завалишин был русским и выказывал презрение к татарскому населению. Степень ощущаемой им безнаказанности проявилась в том, что он, ничего не опасаясь, пугал татар скорым крещением.

На самого Н.Я.Скарятину посыпались жалобы в Сенат со стороны татарского населения. Его обвиняли в личном нанесении побоев крестьянам, изъятии скота для прокорма солдат и прочих деяниях. В частности, по сведениям купца Нового Кинера Низаметдина Зайнегабдинова¹³⁶, Н.Я. Скарятин, прибыв в его родную деревню, «привел с собою военную команду и окрестных жителей не му-

---

¹³⁵ Чернышев Е. Указ. соч. С.197.

¹³⁶ См. Приложение №5.

сультманского населения эти последние, как и военная команда брали у нас скот, хлеб, разные продовольственные припасы и деньги, всего же набрали на 971 рубль 17 коп., в том числе деньгами 210 руб. 50 коп.»¹³⁷. Сам губернатор лично «кого рвал за бороду, кому наносил удары ногой, палкою в грудь и в лицо, не позволяя произнести слова», при этом он оскорблял религиозные чувства мусульман, приговаривая: «Вот вам Мухаммед, вот вам Коран, вот вам за непринятие шести параграфов данной вам инструкции»¹³⁸.

Эти жалобы в итоге оказали негативное влияние на карьеру губернатора. Для расследования обстоятельств расправы в ноябре 1879 года в Казанскую губернию прибыл сенатор Ковалевский. По результатам его ревизии Скарятина отрешили от должности, но татары надолго затаили на него обиду. Среди них даже родилась легенда, что спустя несколько лет татарские купцы, ездившие в Петербург, видели в поезде Скарятина в плохой одежде, опустившегося и угрюмого¹³⁹.

Относительно социальных сил, распространявших слухи о волнении, точных сведений не имеется. Губернатор обвинял в этом татарских купцов, особенно казанского купца второй гильдии Шамсутдина Сагадеева, который якобы дискредитировал представителей местной власти и вел агитацию среди татар о скором крещении. При этом Скарятин заявлял, что Сагадеев настолько хитер, что в суде его обвинить невозможно и следует выслать. В дальнейшем, в ходе проверки в отношении самого губернатора, выяснилось, что обвинения против купца голословны и не имеют никаких доказательств¹⁴⁰. Некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что татарское купечество все же было замешано в волнениях. Например, восставшие требовали избрать муфтия всеми мусульмана-

---

¹³⁷ РГИА. Ф.1356. Оп.1. Д.46. Л.1–2.

¹³⁸ Цит. по: Загидуллин И.К. Движения социального протеста против угрозы потери этноконфессиональной идентичности и за сохранение религиозно-культурной автономии // История татар с древнейших времен. Т.6. Казань, 2014. С.570.

¹³⁹ Рахим А. К вопросу о крестьянском движении 1878 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. №8. С.150.

¹⁴⁰ Чернышев Е. Указ. соч. С.201.

ми, чего добивалась и национальная буржуазия в январе 1879 года¹⁴¹, однако это требование не относилось к числу основных.

По отзывам губернатора Скарятин, мусульманское духовенство также не было причастно к волнениям. Большинство мулл содействовали власти в усмирении восставших. Были даже случаи избиения мулл, которые активно уговаривали крестьян прекратить беспорядки. Лишь один младший мулла дер. Кошар Больше-Менгерской волости Сабирзян Якупов, вместе с крестьянином дер. Большой Менгер Халитом Мусиным, распространял слухи и подстрекал крестьян к неповиновению. Однако прямых доказательств их вины не было, вследствие чего губернатор предлагал поступить с ними, как с Сагадеевым, т.е. выслать во внесудебном порядке¹⁴².

Также, по сообщению казанского уездного исправника, в дер. Балтаси, центре Балтасинской волости, 22 ноября 1878 года собрались все муллы волости. Якобы по их подстрекательству на следующий день татары пришли в волостное правление, чтобы избить писаря¹⁴³. Однако серьезных беспорядков в Балтасинской волости не произошло, и, возможно, эти сведения черпались лишь из слухов. Хотя духовенство и было кровно заинтересовано в недопущении крещения, однако открыто выступать против русских властей отважились лишь немногие муллы. Скорее всего, подстрекательства с их стороны были, но они не сыграли решающую роль в волнениях.

Ходили слухи и об эмиссарах турецкого султана, подталкивавших татар к восстанию, но достоверных сведений об их деятельности в Казанской губернии нет. Остается еще вопрос о степени влияния чистопольской группы на татар, но даже начальник III отдела

---

¹⁴¹ Загидуллин И.К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60–90-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992. С.147.

¹⁴² Донесение Казанского губернатора Н.Я. Скарятин управляющему МВД Л.С. Макову о мерах, принятых им при усмирении волнений татар в Казанском уезде // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.372.

¹⁴³ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.4345. Л.83 об.

ния А.Н. Дрентельн не верил в то, что они существенно повлияли на беспорядки¹⁴⁴.

Главной причиной волнений 1878 года в Мамсинской, Больше-Менгерской и Больше-Атнинской волостях Казанского уезда стала непродуманная политика властей всех уровней в отношении татарского населения. На губернском уровне органы власти не слишком заботились о дифференциации работы с населением по национальному признаку. В итоге неверное толкование выпущенной инструкции и породило беспорядки. Уездное, а особенно волостное начальство было безграмотно и заботилось больше о собственных нуждах, чем о благе населения. Например, когда крестьяне Чистопольского уезда обратились к уездному исправнику по поводу слухов о скором крещении и установке набатного колокола, на котором должен стоять железный крест, тот вместо разъяснений выгнал их. Он же в ответ на отказ татар деревни Муслюмкино подписать какой-то приговор, кричал «Я вас окрещу!», что было воспринято буквально¹⁴⁵. Про мамсинского волостного писаря говорилось выше.

Такое положение усугубилось окончанием русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Поражение Турции, покровительствовавшей мусульманам России, заставило говорить о скором насильственном крещении и подогревалось шутками русских солдат, возвращавшихся с войны, которые хотели подзадорить татар.

Голод 1877 года непосредственной причиной волнений не стал. Если спустя год в волнениях, имевших место в Спасском уезде, крестьяне отказывались платить подати, в частности не платили

---

¹⁴⁴ Донесение начальника Казанского губернского жандармского управления А.Н. Житкова в III отд. с.е.и.в. канц. о ходатаях по делам татарских обществ // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.367.

¹⁴⁵ Донесение помощника начальника Казанского губернского жандармского управления в Чистопольском у. Храповицкого начальнику этого управления А.Н. Житкову о волнении крестьян Чистопольского уезда // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.352.

страховых податей¹⁴⁶, то в Мамсинской волости в 1878 году никаких экономических требований восставшие не выдвигали. Проявлялось только общее недовольство властью, которая нарушала права мусульман. Бедность татарских крестьян, конечно, сыграла свою роль в волнениях, но она относилась к числу базовых причин недовольствия, которые действовали исподволь.

Волнения 1878 года охватили всю Казанскую губернию, но наиболее острые формы выступления приняли именно в Казанском уезде. Возможно, определенную роль в этом сыграли старые дженные связи, позволившие выступить трем волостям единым фронтом. Стоит также отметить, что если в других уездах крестьянские волнения не вполне улеглись и происходили еще долго после похода Скарятина, то Мамсинская, Больше-Менгерская и Больше-Атнинская волости в связи с беспорядками больше в официальных документах не упоминались. Именно здесь карательный отряд устроил наиболее жесткую расправу над крестьянами, и татары, пусть и затаив обиду, вынуждены были покориться грубой силе. Однако доверие к представителям русской администрации, а заодно и органам земского самоуправления, после подавления восстания существенно уменьшилось.

Жители деревень Ашитского джиена принимали участие и в последующих протестных акциях татар – против ужесточения контроля над культурно-религиозными институтами и проведения политики культурно-языковой унификации в школьной и духовной сферах. Местное население, благодаря тесным связям с представителями татарской торговой и промышленной буржуазии Казани и наличию больших базаров, которые в условиях отсутствия других достаточно значимых совещательных органов выступали в качестве основных площадок, на которых наиболее активная социальная прослойка татарского общества обсуждала и координировала свои

---

¹⁴⁶ Разбор шифрованной телеграммы казанского губернатора Н.Я. Скарятин министр внутренних дел Л.С. Макову о дальнейшем ходе крестьянских волнений в Спасском у. // Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.386.

действия по продвижению и отстаиванию культурно-религиозных и национальных интересов, активно участвовало в петиционной кампании 1880–1890-х годов по отмене дискриминационного законодательства в области школьного дела и в движении против проведения Первой всероссийской переписи населения 1897 года.

Рост социального недовольства и недоверия к действиям властей вылился в 1897 году в массовые акции неповиновения и открытые выступления татар Заказанья. Поводом к ним стало проведение Первой всероссийской переписи населения. Не имея достаточной информации о задачах переписи, татары-хлебопашцы восприняли ее как мероприятие, направленное на ограничение их прав и попытку их русификации и христианизации. В татарских селениях Казанского уезда в это время, согласно отчету местной переписной комиссии, мужчины и женщины приходили на сходы, вооружившись вилами и кольями, не пускали в деревни посторонних лиц¹⁴⁷. Движение приобрело настолько широкие масштабы, что казанскому губернатору П.А. Полторацкому пришлось организовать и направить на подавление движения и проведение переписи три воинские команды. Одна из них, в составе 160 штыков, под непосредственным руководством губернатора была направлена в Казанский уезд.

К счастью, конфликт между государством и татарами не перешел в острую фазу. Важную роль в этом в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях сыграли авторитетные члены местных поземельных общин. Например, сельский староста дер. Старый Ашит Самигулла Гизатуллин и крестьянин Гатаулла Галимов сумели отговорить местных жителей от «задуманной мысли противиться переписи». Благодаря их усилиям здесь статистическая операция прошла благополучно, без вмешательства воинских команд¹⁴⁸. Некоторые местные жители на безвозмездной основе записывались счетчиками, показывая своим примером безосновательность слухов об антитатарской направленности переписи. В частности, переписчиками стали муллы дер. Новый Кинер – Юсуп Миргазизович Арс-

---

¹⁴⁷ Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С.167.

¹⁴⁸ Там же. С.175.

ланов, Старый Кинер – Мухаметкамал Мухаметзакиров, Мамси – Шамсимухамет Шарафутдинов¹⁴⁹. Благодаря этому удалось избежать сценария 1878 года и безболезненно выйти из этой сложной ситуации.

Противоправные деяния

Е.В.Миорова

Волнения в Мамсинской волости 1878 года представляли собой неординарное событие. Причина выступления и его размах были обусловлены влиянием религиозного фактора. Татарские крестьяне, в большинстве своем законопослушные, были готовы идти на противостояние с властями, когда дело касалось мусульманской веры. В других же ситуациях они предпочитали придерживаться российских законов и предписаний шариата. Хотя, как и в любом обществе, среди татар находились люди, склонные к противоправным проступкам.

В целом уровень преступности является важнейшим показателем состояния общества. В стабильном традиционном обществе, в котором население привязано к месту жительства и своим общинам, мало развита городская жизнь, существует строгий социальный контроль, социальная структура иерархизирована, вертикальная социальная мобильность низка, общинные связи сильно развиты и общественные цели преобладают над личными, обычно наблюдается низкий уровень преступности. Наоборот, для индустриальных и урбанизированных обществ, в которых население социально и географически подвижно, сильно развит индивидуализм, население располагает большой свободой и инициативой, характерна более значительная преступность.

Анализ архивных источников позволяет утверждать, что для татарского населения Мамсинской и Больше-Менгерской волостей был характерен низкий уровень преступности, присущий традиционным обществам. Местные жители чаще всего совершали преступления, предусмотренные статьей 169 Устава о наказаниях – кражи

---

¹⁴⁹ ГА РТ. Ф.101. Оп.1. Д.1. Л.36 об.–37.

имущества на сумму до трехсот рублей. В таких случаях приговоры выносились мировыми судьями и предусматривали, как правило, от трех до шести месяцев тюрьмы¹⁵⁰. Другие статьи, по которым судили татарских крестьян, также были связаны с кражей, но совершенной при определенных условиях – во время пожара, с применением оружия и пр. Примечательно, что эти преступления совершались не только в родных краях, но также в Казани, Оренбурге и Троицке¹⁵¹, что следует рассматривать как следствие распространения такого явления, как отходничество. Большинство пойманных воришек были молодыми людьми в возрасте от 19 до 26 лет, реже попадались сорокалетние¹⁵². Чаще всего осужденные приговаривались к трем месяцам тюрьмы, очевидно, за небольшие кражи. Однако встречались и более жесткие приговоры. Так, неоднократно судимый житель дер. Старый Кинер Сабирзян Васылов, попытавшийся совершить кражу со взломом, получил 2 года 9 месяцев в исправительном арестантском отделении¹⁵³.

Помимо краж довольно распространенным видом противоправных действий среди жителей Мамсинской волости являлось дезертирство с военной службы. Такие факты, как правило, случались во время войн, особенно в период Первой мировой войны. Например, крестьянин дер. Кудайгулова Пустошь Ахметша Муртазин был предан военно-полевому суду за то, что симулировал неподвижность локтевого сустава после ранения. Его приговорили к лишению воинского звания, всех прав состояния, исключению с воен-

---

¹⁵⁰ Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями и позднейшими указаниями. В пяти книгах. Т. 15. СПб., 1912. С.229.

¹⁵¹ См.: Ведомость справок о судимости. 1901. Кн.11, ч.1. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1902. С.269; Ведомость справок о судимости. 1912. Кн.11. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1912. С.315; Ведомость справок о судимости. 1908. Кн.9. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1908. С.610.

¹⁵² Ведомость справок о судимости. 1916. Кн. 8. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1916. С.321.

¹⁵³ Ведомость справок о судимости. 1902. Кн. 5. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1902. С.117.

ной службы и ссылке на 4 года в каторжные работы¹⁵⁴. Крестьянин дер. Новый Кинер Мухаметвалей Тазенбетов был приговорен к лишению воинского звания, всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 15 лет за ряд самовольных отлучек со службы с целью вовсе ее избежать, за побег с гауптвахты и потерю казенных вещей¹⁵⁵. Впрочем, оба были освобождены от наказания по амнистии Временного правительства 17 марта 1917 года. Старались «откосить» от призыва и в мирное время. Крестьянин дер. Сосмак-Пшенгер Губайдулла Валлиулин и его брат Хабибулла еще в 1868 году, т.е. до введения всеобщей воинской повинности, были признаны негодными к строевой службе, поскольку у первого не было большого пальца на правой руке, а у второго на нем была болезнь. Их подозревали в преднамеренном членовредительстве, однако чем кончилось дело – осталось неизвестно¹⁵⁶.

Количество преступлений, совершаемых татарским населением, существенно возрастало в периоды кризисов, и ситуация в Заказанье мало отличалась от общероссийской. Б.Н. Миронов отмечал, что политизация общественной жизни при отсутствии или ущемлении гражданских прав служила важнейшим фактором возрастания случаев массового противоправного поведения¹⁵⁷.

Политизация в татарских волостях Казанского уезда выражалась в том, что в 1917 году участились случаи нападений на представителей власти. Так, крестьяне дер. Большая Атня Больше-Атнинской волости угрожали побоями волостному секретарю Вашарину с целью выжить его с должности. В дер. Старый Ашит Больше-Менгерской волости на базаре избili до полусмерти члена Казанского совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов¹⁵⁸. Уже после Октябрьской революции, в январе 1918 года, были сильно избиты три члена земельного комитета дер. По речке Шошма Мамсинской волости¹⁵⁹.

---

¹⁵⁴ ГА РТ. Ф.2. Оп.12. Д.1258. Л.2.

¹⁵⁵ ГА РТ. Ф.2. Оп.12. Д.1880. Л.4 об.

¹⁵⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.2112. Л.3.

¹⁵⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.2. СПб., 1999. С.86.

¹⁵⁸ ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.1290. Л.6 об.

¹⁵⁹ Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917 – 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С.165.

На фоне обнищания населения, вызванного Первой мировой войной, росло количество преступлений, совершенных с целью наживы. Так, в дер. Мендели Ковалинской волости были ограблены приезжие торговцы Хайретдин Мифтахутдинов и его спутники, у которых 7 местных жителей во главе с Сабирзяном Гайнуллиным отобрали товары и наличные деньги на сумму 4892,4 руб.¹⁶⁰ Напротив, в селе Апазово Балтасинской волости жители устроили самосуд над жителем дер. Казылино Кармышской волости Галимзяном Ахмедзяновым, заподозренным в карманной краже. В итоге Ахмедзянов отделался раной на голове¹⁶¹. То, что крестьяне решили сами разобраться с воришкой, можно рассматривать как проявление общественного правосознания, в соответствии с которым мелкие правонарушения не рассматривались как преступления и не сопровождалась иском в суд.

В целом ситуация с преступностью среди татарского населения Мамсинской и Больше-Менгерской волостей была во многом схожа с ситуацией в волостях с преобладанием русского населения. Исключение составляли такие специфические виды преступлений, как погромы помещичьих усадеб. Татары в них не были замечены, что объясняется лишь отсутствием подобных объектов в местах их компактного проживания.

---

¹⁶⁰ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.7 об.

¹⁶¹ Там же. Д.31. Л.269 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Р.Р.Салихов

На примере истории обычных, на первый взгляд, татарских деревень мы видим способы не просто физического выживания в непростых, подчас враждебных условиях, но и уникальные пути развития, реализуемые вне поддержки государства. Очевидно формирование своеобразного «сетевого» национального сообщества, основанного, в первую очередь, на тесных родственных и деловых связях. Поэтому в этот период существовала локальная сельская экономика со своими специфическими центрами и специализацией.

Большую консолидирующую и кооперационную роль в Мамсинской и Больше-Менгерской волостях Казанского уезда играл базар в дер. Старый Ашит. Он не только являлся местом притяжения сел Ашитского джиена, но и затыгивал в орбиту своего влияния населенные пункты всего северного Заказанья, а также деревни Уржумского уезда Вятской губернии.

Необходимо отметить весьма высокую мобильность крестьянского населения, его восприимчивость к новым веяниям, стремление к быстрым и эффективным решениям. Отсюда не удивительны разносторонние коммерческие связи татарских аулов Казанского уезда с рынками казахской степи и Средней Азии, а также растущий интерес к достижениям европейской экономики.

Среди приоритетных отраслей, дававших татарскому селу прибыль и гарантировавших зажиточность, воспроизводство торгового капитала, выделялось животноводство. Из него проистекали обработка и продажа животноводческого сырья, установление коммерческих связей крупных российских рынков с национальными селами, бесперебойное снабжение деревни товарами первой необходимости. То есть налицо опора татарского населения на традиции степной, номадической культуры, отражавшей склонность к мас-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

штабному скотоводству и стремлению к межрегиональным и международным торговым отношениям. Это было оправданно в связи с невысокой урожайностью земель Заказанья, обусловленной нахождением края в зоне рискованного земледелия.

Ключевым фактором успеха, на наш взгляд, являлась личная свобода крестьянина, чья зависимость от государства состояла лишь в выплате налогов. В самом татарском селе не существовало жесткой социальной иерархии, оно в целом представляло собой союз равноправных тружеников. Например, в крупнейшей деревне региона Новом Кинере, где было развито массовое предпринимательство, было всего два богатых купца, которые не имели доминирующего влияния в общине. Духовенство сел также нельзя было назвать исключительной лидерской силой. Оно выполняло педагогические, воспитательные, консолидирующие функции, но не могло управлять общественными процессами. Центром власти в приходах являлись мутаваллиаты и собрания общины, выступавшие с приговорами (заявлениями) перед органами государственной власти. В данных собраниях велико было влияние зажиточных родов. Вот почему, например, активные общественные протесты против «миссионерской» политики не могли погасить ни сельская администрация, ни имамы селений. Даже просветительские и крайне необходимые населению мероприятия земств рассматривались как посягательство на устоявшиеся социальные связи в деревне. Вероятно, поэтому в кругах интеллигенции бытовало мнение о крайнем консерватизме жителей татарских аулов Заказанья.

Хотя, в действительности, именно сельские общины, охваченные духом крестьянского предпринимательства, сами выступали инициаторами реформ в мектебе и медресе, способствовали созданию институтов, облегчающих и улучшающих жизнь людей. В Мамсинской волости это выразилось в появлении фельдшерского пункта, богадельни, русско-татарской школы и других учреждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, успешный экономический и общественный опыт дореволюционной татарской деревни, сумевшей в эпоху развития капиталистических отношений найти баланс между традицией и новаторскими методами хозяйствования, актуален и в современных условиях. Потенциал татарского села свидетельствует о возможности успешных экономических моделей, восходящих к ценностям крестьянского предпринимательства, с безусловным сохранением национальной и конфессиональной идентичности его жителей. Именно такая деревня может быть очагом постоянного воспроизводства национальной буржуазии и интеллигенции вне зависимости от курса государственной политики и бюджетного обеспечения.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

Приложение №1

Селения Мамсинской волости

№	Дореволюционное название	Современное название
1	Ашитбаш	Ашитбаш
2	Байчуринский починок (1-я часть), Починок на Окше (2-я часть)	Мамся
3	Березняк	Кысна
4	Ишнарлат (Жешнарлат)	Ишнарлат
5	Каратай	Каратай
6	Кудайгулова Пустошь (Кудайгулово, Ташкич)	Ташкичу
7	Малая Атня	Малая Атня
8	Мамся (По речке Мамся)	Новый Кинер
9	Новая Атня (Стоял Шора)	Новая Атня
10	Новый Ашит (По речке Шошме)	Новый Ашит
11	Новый Тазлар (По речке Ломбе, Ломба)	Байкал
12	Сосмак-Пшенгер	Пшенгер
13	Старая Сердобряжка (Сабакаева)	Пичментау
14	Ташлинурский починок (1-я часть, Кременский починок (2-я часть), Старая Шора (3-я часть)	Шура
15	Угузиловка	Угез-Елга
16	Урмяк (Шика)	Шека
17	Файзуллинский починок (Новая Серда)	Новая Сарда
18	Шинер-Кинер	Старый Кинер
19	Шишор (Бигашевская Пустошь)	Шурабаш
20	По обе стороны речки Шошмы (Шошмабаш))	Шушмабаш
21	Ясашная Сердобряжка	Сюрда

* Документы к публикации подготовили Х.З. Багаутдинова, А.И. Ногманов, Э.К. Салахова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Селения Больше-Менгерской волости

№	Дореволюционное название	Современное название
1	Бахтияр (Бехтияр)	Бахтияр
2	Большие Менгеры (1-я часть), Тарлово (2-я часть), Шигалеевский 1-й Починок (3-я часть)	Большой Менгер
4	Кошары (Кошары Служилые (1-я часть), Кошары Ясашные (2-я часть), Каменный Ключ (3-я часть)	Кошар
5	Кошлоуш	Кошлауч
6	Куюк	Новая Юльба
7	Мендюш	Мендюш
8	Мокша	Мокша
9	Новые Менгеры (1-я часть), Шигалеевский 2-й Починок	Новый Менгер
10	Отар Аты (1-я часть), Мухаметевский Починок (2-я часть)	Утар-Аты
11	Старый Ашит	Старый Ашит
12	Старый Кишит	Старый Кишит
13	Старый Тазлар	Таш-Чишма
15	Урнашбаш и Починок Кичертан	Урнашбаш

**Ташкичү авылы белән бәйле риваять
Ходайкол-Такшичү!¹**

Казан ханлыгы 1552 елда жиңелгәннән соң, татар халкы бик авыр хәлдә кала. Куркытып, акчага, жир-суга кызыктырып, урыслар татарларны үз якларына аудара башлаганнар. Күп кенә морзалар, үзләренең түбән вак жаннарын саклап, урыска хезмәт итә башлаганнар, үз диннәреннән ваз кичеп, христиан диненә күчкәннәр. Үзләренең диннәрен ташларга телә-мәгән Ашыт, Печмәнтау, Кенәр, Оры байлары гаскәр жыеп, хәзерге Иске Иябаш авылы янында урыс гаскәре белән сугышканнар. Сугыш бик каты булган: ике яктанда бик күп кешеләр һәлак булганнар, кан елга булып аккан. Чукундырырга дип килгән гаскәр төньякка таба үтеп керә алмаган. Татарлар моның вакытлыча икәнән аңлаганнар. Байлар һәм урта хәлле кешеләр гаскәр башының үзе белән сүз берләшеп яшерен генә килешкәннәр. Килешү көчен югалтмасын өчен бик яхшы матур ат белән ияр бүлэк иткәннәр. Ияр алтын белән бизәлгән булган. «Сез безне күрмәдегез, белмисез. Урап узасыз: Иябаштан Апазга, Сәрдәбашка, Марига». Шулай итеп тынычлык, вакытлыча гына булса да, алтынга сатып алынган.

Иван Грозный (Явыз Иван) үлгәннән соң, икенче патша вакытында, шулар арасында йөргән бер адәм бер фикер әйтә. Тәгаен, татар кешесе булгандыр, урыс ягына хезмәт итәргә күчкән. Татарны татардан башка тагын кем яхшырак белер. Урыс дәүләте басып алынган жирләрдән халыкларны христиан диненә күчәргә мәжбүр итү белән бергә, жирдән һәм халыктан күбрәк файда алу турында уйлаган: чукундырусыз һәм кан коймыйча гына үзләре буйсындыра алмаган авылдагы халыклардан, ничек булса да, ясак жыеп алырга. Моның өчен бүгенге көнне генә уйламыйча, алдагысын уйлап, үзләре керә алмаган авылларга керәшен дә, урыс та булмаган чын йөзле татар кешеләрен жиберәргә. Ислам динен тотучы, 20 яшьләрдәге, озын буйлы, таза, көчле егетләргә сайлап алганнар. Юк, бу егетләр сатлыклар түгел. Урысларның үзләренә дә кирәк булмаган сатлык-жаннар. «Бер сатылган – өч сатылыр» – ди. Үз сүзендә торучы, «әйткән сүз – аткан ук» дип яшәүче гаиләләрдән сайлап алганнар, чөнки аларда

---

¹ Риваять 2017 елгы экспедиция вакытында Ташкичү авылында яшәүче Вәзих Мәгъсүмовтан (1958 елда туган) язып алынды. Үзгәртелмичә бирелә.

² Марилар яшәгән якка – *ред.*

«вэгдә – иман» булган. Мөселман гаиләсендә үскән, горейф-гадәт, йола-ларны дин белән бергә алып баручы, сабыр, иң кирәклесе, авырлык килгәндә югалып калмыйча, кылычка тотынмыйча, аек асылда кала белүче, укый-яза, вакытында туктый ала торган, усалрак егет[ләр] булган. Аннан соң бу ир-егетләр урыска ясақ түләүдән тыш, исән калган татарларны саклап калырга, урыслар белән сату-алу эшенә өйрәтәп, тату гына яшәргә уйлаганнар. Ие [эйе – *ред.*], чыннан да, килгән ир-егетләр бөтенесе дә шундый булган, дип әйтә алмыйм. Алтын күрәп, шайтан да ауган. Әмма безнең нәселнең башы булган ир-егет [һәм] 2–3 ярдәмчесе шундый исәп-хисап белән хәзерге вакытта Ташкичү дип аталучы мари авылына, авылның олылары белән сөйләшәп-киләшәп, урнаша. Чөнки Ашыт, Печмәнтау, Кенәр, Оры авылларына барып урнаша алмаган. Жирләр бүленгән. Жир юк. Калганы кара урман. Ул вакытта, әйткәнәмчә, авылда марилар-чирмешләр яшәгән. Авыл урман эчендә булган. Чирмешләрне урман ашаткан да, киендергән дә.

Жайлап, әкрәнләп урманнарны төпләп, чәчү жирләре булдырып, мал асрап, көн күрә башлаганнар Үзләре дә эшлэгәннәр, ялланып эшләүчеләр булган. Хәзерге вакытта Кызыл-Яр авылы, мыскыл итеп әйтүем түгел, элек Коллар авылы исеме белән йөргән. Шунысын да әйтеп үтим, ул егеттә алтын ачкалар һәм тамга (клеймо) булган. Тормыш жайга салына башлаган. Өйләнешкәннәр, балалар үстергәннәр. Ләкин алар Ашыт, Оры байлары кебек артык баеп китә алмаганнар. Ташкичүнең таш мәчетен дә Оры бае салдырган. Дәлил шул. Чөнки урысларга ясақ түлисе бар – килешү шундый. Мәсәлән: уртача, төгәл дип әйтмим, 30 баш мөгезле эре терлек, 30 баш жылкы [елкыны] 2 елга бер Казанга илтәп бирәсе булган. Аннан соң бәхеткә, килгән егет, аның балалары, оныклары төпле, зирәк булганнар. Үзләре дә нәфселәнмичә яшәгәннәр, башкаларга да яшәргә ирек биргәннәр.

Бу хәлләр тиз генә булмаган. Дистәлэгән дистә елларга, озакка сузылган. Шулай итеп мариларның тыныч, жайга салынган тормышлары бозыла башлый. Тавышланмыйча, талашмыйча чирмешләр берәм-берәм төньякка таба, Оры авылыннан соң кара урманнарга күчә башлаганнар. Алар урынына башка авыллардан татарлар киләп урнаша торганнар. Авыл әкрәнләп үскән, кешеләр ишәйгән, хужалыклар саны арткан.

Безнең нәселгә билгеле булган, бер буыннан икенче буынга күчә-күчә миңа хәтле житкән Ходайколы атамасын аңлатып үтәм. Беренче булып чирмеш авылына киләп урнашкан һәм Ходайколы авылына нигез салучы кешене Мәскәүле дип йөрткәннәр. Менә шул Мәскәүле, үз милләттәшләре арасында яшәп, гомер итсә дә, үзе генә белгән, кешегә әйтәсе-белгертәсе [белдәртәсе – *ред.*] килмәгән, йөрәген чәнчеп, авырттырып торучы бер

ПРИЛОЖЕНИЯ

борчуы булган. Нәрсә әйтсәң дә, Мәскәүле үз халкына гына түгел, урыска да хезмәт иткән. Үз сүзендә торучы буларак, салым түләп, урыс дәүләтенә файда китергән.

Үзе нигез салган авылга чирмеш авылының исеме бирәсе килмәгән. Горурлыгы да ирек бирмәгән. Балаларына, читтән килеп урнашкан авылдашларына авылның исеме «Ходай колы» дип әйтеп сөйләшәргә кушкан. Әкрәнләп исем башка авылларга ишетелгән, белгәннәр һәм Ходайколы дип йөртелә башлаган. Ниге шундый исем дигәннәргә менә нәрсә: Мәскәүле әйткән: «Белегез: мин – урыс колы түгел. Исегездә калдырыгыз, онытмагыз: мин – Ходай колы. Авылның исеме дә «Ходай колы» булыр».

Ходайколы авылы югары очтагы Кәтәй елгасыннан Каравыл тавына кадәрге мәйданда урнашкан булган. Хәзерге мәктәп каршында каравыл тавыннан беренче йорт урынында каравыл өе булган. Чит кешеләр килсә, янгын чыкса, хәбәр итәргә каравылчысы сакта торган. Ат белән арба, чана өчен лапасы, ат өчен абзары булган. Каравыл тавы – исеме борынгы авылның кордашы.

1717 елда Ташкичүгә нигез салынды, дип әйтүләре каян килеп чыккандыр – белмим, миңа караңгы. 1717 елда Ходайколы авылы Ташкичү дип үзгәртелде, дисәк, менә бу дәрәжәгә охшар, туры килер иде. Чөнки Ашыттан килгән кеше каравыл тавының югары оч ягына урнаша алмаган – урын юк. Түбән оч урамында ике яклап, хәзерге зират тыкрыгыннан түбән очка таба, яз көне кар сулары ага торган коры елгага кадәр хужалыкларын тергезеп, тормышларын корып жибергәннәр.

Хәзерге зират тыкрыгы турысыннан Каравыл тавына таба койма белән әйләндереп алынган алгы яктан Вәлишә болынына кадәрге жир дә коймалы булган. Карда эчендә мал асрау өчен лапаслар, атлар өчен абзарлар, ашылыкка амбарлар, келәтләр булган.

Кайберүләр моны укыгач,
Уйдырма дип тамга сугарлар.
Суксалар сугарлар,
Бабайлардан килгән тарих
Менә шушылар!
(Имза).

**Извлечения «Из ведомости о числе мечетей, духовных лиц
и прихожан, состоящих в Казанском уезде за 1865 год»**

1) По речке Мамсе: мечеть соборная – 1, пятивременная – 1, медресе – 1. Число прихожан: 759 м.п., 711 ж.п. 1) Замалютдин Шамсутдинов имам, хатып и мударис с 1861 г. Утвержден 19 декабря за №9854. Содержание – 94 р. 2) Мухаметзакир Самигулов имам, зямиг, хатып и мугаллим с 1850 г. Утвержден 1 марта за №2097. Содержание – 88 р.

2) Шинер-Кинер: мечеть соборная – 1. Число прихожан: 188 м.п., 183 ж.п. Ахметзян Зябирова имам, зямиг и учитель с 1844 г. Утвержден 25 ноября. Содержание – 40 р.

3) Ташкич Кудайгуловская пустошь: мечеть соборная – 1, медресе – 1. Число прихожан: 422 м.п., 442 ж.п. Сагатдин Багаутдинов имам, зямиг, хатып и мударис с 1858 г. Утвержден 28 января. Содержание – 63 р.

4) Починок Байчуринский: мечеть соборная – 1, медресе – 1. Число прихожан: 167 м.п., 150 ж.п. 1) Исмагил Тагиров соборный имам, мухтясип и учитель с 1839 г. Утвержден 20 февраля за №1572. Содержание – 72 р.

Починок на Окше: мечеть соборная – 1. Число прихожан: 288 м.п., 315 ж.п. 2) Мирзян Исмагилов имам, хатып и мударис с 1860 г. Утвержден 26 января за №345. Содержание – 72 р.

5) Ашит: мечеть соборная – 1, медресе – 1. Число прихожан: 595 м.п., 540 ж.п. Абдулбасыр Абдулнасыров имам, зямиг и учитель с 1834 г. Утвержден 25 июня за №21560. Содержание – 72 р.

НА РБ. Ф.И-295. Оп.8. Д.240. Б/л.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №4

Описание селений с подразделением их на разряды. Мамсинская волость. 1872 г.

Название волостей и селений	Отметка о расположенных постройках с описанием числа колодцев и других водоемов	Имеются ли в селении заведения, представляющие опасность от огня	К какому разряду относится селение
Ясашная Сердобряжка	На речке Сердобряжке, два колодца, два пруда, но улицы узкие, постройки сплошные		К второму разряду ³
Шинерь-Кинер	При ключах, воды мало, постройки неправильные, улицы узкие		К третьему разряду
Байчуринский починок	На речке Мамсе, пять колодцев, постройки сплошные тесные, улицы узкие и кривые		К третьему разряду
Ташкич – Кудайгуловская Пустошь	При речке Ашите, колодцев нет, улицы узкие сплошные		К третьему разряду
Починок Сабакаев	На речке Сердобряжке, постройки тесны, улицы узкие, проулков мало		К третьему разряду

ГА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.128. Л.36–37.

---

³ 1 – построенных правильно и более безопасных от огня, а также хотя выстроенных и неправильно, но по расположению своему не представляющих опасности; 2 – селения, представляющие относительно меньшую безопасность от огня и 3 – селения, неправильно построенные, представляющие большую опасность от огня.

**По прошению поверенного от крестьян деревни
По речке Мамсе Низаметдина Зайнегабдинова
от 27 ноября 1880 г.**

Его Высокопревосходительству господину Сенатору, ревизующему
Казанскую губернию, тайному советнику и кавалеру
Михаилу Евграфовичу Ковалевскому

Просит поверенный от крестьян сельского общества
Казанского уезда Мамсинской волости
деревни по Речке Мамсе одноклассник их
Незаметдин Зайнегабдинов, живущий в той же деревне.

В декабре месяце четвертого числа тысяча восемьсот семьдесят восьмого года начальник Казанской губернии Николай Яковлевич Скарятин прибыл в нашу деревню для прекращения беспорядков, возникших в среде мусульманского населения по поводу объявления нам по инструкции, и привел с собою военную команду и окрестных жителей не мусульманского населения, эти последние, как и военная команда, брали у нас скот, хлеб, разные продовольственные припасы и деньги, всего же набрали на 971 рубль 17 коп., в том числе деньгами 210 руб. 50 коп.

Представляя при сем Вашему Высокопревосходительству приговор общества, данный мне, и подробный счет забранным припасам и деньгам, я имею честь покорнейше просить Вас рассмотреть сию мою просьбу в связи с другими жалобами на действия г. Скарятина по поводу беспорядков, возбужденных его инструкцией, сделать должны распоряжение об удовлетворении претензии моих доверителей. 1880 года ноября 27 дня. Подпись по-татарски.

По-русски значится поверенный крестьянин Незамутдин Зайнегадинов руку приложил.

С татарского перевел указанный мулла Гилязутдин Мухутдинов.

РГИА. Ф.1356. Оп.1. Д.46. Л.1–2.

Далее прилагается «Извлечение из списка...» по-татарски.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Писанное по-татарски по переводу на русский язык значит так: 1878 года декабря 4 дня в нашей деревне По речке Мамся во время пребывания Икезкутси⁴, взятые с каждого домовладельца выпись

1. Адей Валеева корову, гуся и курицу ⁵	30	00
2. Габит Абдрашитова гуся и курицу [...]	1	10
7. Хасан Абдульхаирова 10 куриц, 3 кар. хлеба, 2 руб. деньгами [...]	5	30
50. Насибулла Фаткуллина одна корова [...]	25	00
58. Сайфул-Габить Халитова одна корова [...]	30	00
64. Гайнулла Фаткуллина одна корова [...]	38	00
Итого	971	17

На 6-ти страницах.

Переводил крестьянин Свияжского уезда деревни Малых Ширдан Нигаметзян Хайбуллин в моем переводе на «4» странице снизу на 8-й строке слово «утки» и на 6-й странице, снизу на 6-й строке слово «Насибу» зачеркнуты мною. Хайбуллин.

РГИА. Ф.1356. Оп.1. Д.46. Л.7–9 об.

---

⁴ Вероятно, искаженное слово «Экзекуция».

⁵ Взято выборочно. Всего 118 фамилий.

№1

**По ходатайству крестьян Старо-Ашитского общества
о закрытии в д. Старый Ашит казенной винной лавки 1903 г.**

Приговор

1903 г. сентября «30» дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне-собственники Казанской губернии Казанского уезда, Больше-Менгерской волости, общества Старо-Ашитского, заключающего в себе 648 душ и 228 домохозяев, имеющих право голоса, быв сего числа в общем собрании на сельском сходе, в присутствии местного сельского старосты Абдулхалека Абдуллатыпова в числе 172 человек, т.е. не менее 2/3, имеющих право голоса на сходе, где между прочим имели суждение о том, что в нашем селении, в общественном доме, с 1-го июля 1901 года была открыта сроком по 31 декабря 1903 года казенная винная лавка, но в настоящее время мы пришли к такому заключению, что содержание в нашем селении винной лавки явилось во всем нежелательным, ибо она нам приносит исключительно только одни неприятности, потому что наше молодое поколение, благодаря дешевизне водки, стала пьянствовать, по ночам учинять безобразия; в базарные дни постоянно на улице происходят ссоры, драки, кражи, по поводу которых нам приходится усиливать надзор – по наблюдению за порядком, а также является и небезопасным в пожарном отношении, почему, пользуясь приближением срока аренды нашего дома, мы единогласно Постановили: в виду вышеизложенных причин ходатайствовать сим приговором пред подлежащим начальством о закрытии в нашем селении казенной винной лавки, в чем состава сей приговор, и подписуемся: 1. Гизетулла Файзуллин 2) Ахметзян Халимов ...⁶ 171) Самигулла Гизатуллин и 172) При составлении сего приговора находился и правильность онаго удостоверяю сельский староста Абдулхалека Абдуллатыпов.

Печать сельского старосты Старо-Ашитского общества Больше-Менгерской волости.

1903 года сентября 30 дня. Настоящий приговор к свидетельству в Больше-Менгерском волостном правлении явлен и в книгу приговоров сельского схода под №16-м записан, что сим и удостоверяется.

Волостной старшина Шамсутдинов

Печать Больше-Менгерского волостного правления Казанского уезда.

Волостной писарь (подпись)

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.2–4 об.

---

⁶ Далее следует список подписавшихся крестьян.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№2

Представление земского начальника 5-го участка Казанского уезда

№463

3 декабря 1903 г.

Его Превосходительству, господину казанскому губернатору

Вследствие предложения от 1-го декабря сего года за №7724 (по канцелярии) с приговором Старо-Ашитского сельского общества о закрытии винноторговли, имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что Старо-Ашитское сельское общество, как лично мне известно, действительно пожелало для прекращения пьянства и сопряженных с ним убытков закрыть винную торговлю.

Интерес отдельных личностей этим приговором не нарушается, а открытие чайной с продажей вина и пива, конечно, возможно, могущий произойти от этого вред будет меньше, так как покупка вина и пива делается для большинства менее возможной.

Приговор при сем предоставляется.

Земский начальник 5 участка Казанского уезда (подпись)

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.6–6 об.

№3

Управляющий акцизными дворами господину казанскому губернатору

№5954

29 декабря 1903 г.

С возвратом присланного при №8114 приговора крестьян Старо-Ашитского сельского общества Казанского уезда о воспрещении в дер. Старом Ашите винной торговли, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что с моей стороны не имеется препятствий к закрытию в означенном селении казенной винной лавки, при чем в виду неуказания в приговоре срока, на который желательно прекращение винной торговли, последний, в виду п.2. циркуляра г. Министра финансов от 26 июня 1898 г. за №260, действителен на один год, считая таковой с 1 января 1904 г.

Управляющий (подпись)

Помощник секретаря (подпись)

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.8.

№4

Постановление⁷ Старо-Ашитского сельского общества

3 января 1904 г.

Старо-Ашитское сельское общество Больше-Менгерской волости Казанского уезда по приговору от 30 сентября 1903 года возбудило ходатайство о недопущении в дер. Старом Ашите торговли крепкими напитками, мотивируя это тем, что существующая в названной деревне казенная винная лавка служит источником развития среди местного населения пьянства, пагубно отражающегося на экономическом и семейном быте крестьян.

Рассмотрев упомянутый приговор и приняв во внимание:

1) что ходатайство общества поддерживается местным земским начальником и

2) что управляющий акцизными сборами Казанской губернии, как видно из отношения его от 29 декабря 1903 года за №5954, не встречает препятствий к закрытию в дер. Старом Ашите казенной винной лавки на один год, я, руководствуясь 2 пунктом примечания к 626 ст. Уст. о акц. сбор., Св. Зак. т.V изд. 1901 г., по соглашению с управляющим акцизными сборами Казанской губернии, постановил: в черте усадебной оседлости крестьян дер. Старого Ашита Больше-Менгерской волости Казанского уезда, не допускать продажи питей с 1 января 1904 года сроком на один год.

Копию с настоящего постановления сообщить Управляющему акцизными сборами и земскому начальнику 5 участка Казанского уезда для объявления подлежащему обществу.

Губернатор (подпись)

Правитель канцелярии (подпись)

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.9.

№5

**Прошение крестьян дер. Старый Ашит
казанскому губернатору П.А. Полторацкому**

Его Превосходительству, господину казанскому губернатору

Прошение Общества крестьян деревни Старого Ашита Больше-Менгерской волости Казанского уезда

У нас в обществе до 1904 года была винная лавка, которая с 1 января закрыта. Имея в виду, что кто-либо из наших обывателей может сдать

---

⁷ Продлевали каждый год, а с 1 января 1906 года – сроком на три года, т.е. по 1 января 1909 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

квартиру под винную лавку, чего нам совершенно нежелательно для приведения нравственности молодых людей, мы представляя приговор свой, просим Ваше Превосходительство удовлетворить наше ходатайство, чтобы на 1905 год не разрешать от нашего общества винной торговли, при чем ставим на вид то важное обстоятельство, что мы, находимся в войне с Японией, и в этом должны умиляться, а не пьянствовать.

Июня 11 дня 1904 года.

Подписался доверенный общества Файзрахман Шигабудинов (потагарски)

Сельский староста Габдрахман Гумеров приложил печать.

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.12.

№6

Приговор Старо-Ашитского сельского общества

Перевод с татарского языка на русский

1904 года июня 9 дня, Казанской губернии Казанского уезда, Больше-Менгерской волости дер. Старого Ашита, все сельское общество составило приговор относительно кабака (винная лавка), чтобы не было в нашем обществе винной лавки, по закрытии винной лавки в нашей деревне стало спокойно, за что очень благодарим Его Превосходительство, господина Казанского губернатора и просим в нашей деревне, если кто из однообщественников допустит в своем доме открыть кабак – не разрешать, раньше в нашей деревне была винная лавка, тогда было беспокойно, а сейчас, как закрыли, стало очень спокойно, в чем грамотные подписуемся, а неграмотные заносим имена. Грамотные: 1) Ахметзян Галимов 2) Сафиулла Негаметуллин⁸ ... 203) Ибрагим Хасанов.

Сельский староста Абдрахман Гумеров (приложил должностную печать).

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.15.

---

⁸ Далее следует список подписавшихся крестьян.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№7

Рапорт Казанского уездного исправника

№3038

10 июля 1904 г.

Вашему Превосходительству, на предписание от 24 минувшего июня за №4824, имею честь донести, что ходатайство крестьян Старо-Ашитского сельского общества Больше-Менгерской волости Казанского уезда о продлении на 1905 г. действия постановления Вашего Превосходительства от 3 января сего года, на прекращение винной торговли в дер. Старом Ашите, с целью искоренения пьянства и чтобы в базарные дни не было нарушения общественной тишины и спокойствия пьяными приезжающими, заслуживает удовлетворения, так как с прекращением в этой деревне винной торговли пьянства и безобразий в базарные дни не бывает. Тайной торговли вином там также нет.

Уездный исправник (подпись)

ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1000. Л.20.

Приложение №7

Об определении крестьянина Казанского уезда д. Кудайгуловой (Ташкич) Абдулмукмина Садрутдинова⁹ 2 муллою к соборной мечети

Приговор

1890 года апреля 20 дня мы, нижеподписавшиеся Казанской губернии и уезда Мамсинской волости деревни Кудайгуловой (Ташкич) крестьяне, составляющие магометанский приход, заключающий в себе 135 домохозяев и ревизских душ 396, а наличных 439, быв сего числа в общем собрании на сельском приходском сходе в присутствии наших указного муллы Садрутдина Багаутдинова, сельского старосты Ахмадуллы Фахрутдинова и Мамсинского кандидата Волостного старшины Абдрахмана Абдулвалеева, где имели суждение о крайней необходимости иметь в нашем приходе при мечети еще второго муллу, в помощь настоящему мулле Багаутдинову, в виду его преклонных лет и больших трудов по исполнению обязанностей

---

⁹ Имам Абдулмукмин (1865–1956) – сын Садрутдина Багаутдинова (брата Марджани), мать Бибиасма бинте Ягъкуб (дочь имама дер. Кшкар).

ПРИЛОЖЕНИЯ

служения. Имея в виду человека вполне достойного на должность муллы и уважаемого нами в лице сына настоящего нашего муллы Багаутдинова – Абдулмукина, крестьянина нашего однообщественника, имеющего от роду 24 года и по учению своему признанного достойным со стороны Оренбургского Духовного Собрания. Посему с общего всех нас согласия постановили: 1) Ходатайствовать пред Правительством об определении в нашем приходе второго муллы – избранного нами крестьянина Абдул-Мукина Садрутдинова, коему и обязываемся давать установленное в нашем быту для муллы содержание и 2) просить местное Волостное правление приговор этот представить к подлежащему начальству. В чем, постановя сей приговор, подписуемся: 1) Хусаин Амитбаев, 2) Хасан Валитов, 3) Габидулла Фаткуллин, 4) Гилязутдин Зялялютдинов, 5) Назметдин Валитов, 6) Гизетулла Гузаиров, 7) Гизетулла Галеев, 8) Шарып Абдрашитов, 9) Габдулзяпар Баязитов, 10) Хисамутдин Шамсутдинов, 11) Хисметулла Насыбуллин, 12) Гимадутдин Зялялютдинов, 13) Рафик Яхъян, 14) Габдулла Гайнуллин, 15) Усман Шахмуратов, 16) Шагиахмет Нигметуллин, 17) Абдулсадык Гадельшин, 18) Абдулла Насыбуллин, 19) Мухамет Музафаров, 20) Ахметзян Халитов, 21) Шагиахмет Негаметуллин, 22) Мухамет Мазитов, 23) Ахмадулла Гайнуллин, 24) Гумер Шахмуратов, 25) Насрутдин Фахрутдинов, 26) Шариаздан Шарафутдинов, 27) Мухаметсафа Садьков, 28) Хусаин Насыбуллин, 29) Нигметзян Хасанов, 30) Ахмадулла Фахрутдинов, 31) Ахмадулла Негаметуллин, 32) Шигабутдин Зялялютдинов, 33) Фаткулла Галикеев, 34) Юсуп Абдулкаримов, 35) Шагимардан Назмутдинов, 36) Галей Абдулсаттаров, 37) Абдулсаттар Вагапов, 38) Насрутдин Зялялютдинов, 39) Шигабудин Шамсутдинов, 40) Абдул-Карим Абдул-Латыпов, 41) Галиахмет Негаметуллин, 42) Сайфутдин Сайфулмулюков, 43) Абдулла Шахмуратов, 44) Галимзян Халитов, 45) Фазылзян Сайфуллин, 46) Ситдек Разиков, 47) Хуснутдин Абдулнасыров, 48) Насрулла Хайбуллин, 49) Насрутдин Сайфутдинов, 50) Фазылзян Ахметзянов, 51) Муса Исхаков, 52) Абдулла Хайбуллин, 53) Гайнутдин Сайфуллин, 54) Халит Биккеев, 55) Ситдек Хусаинов, 56) Шигабутдин Тазетдинов, 57) Зялялетдин Фахрутдинов, 58) Валиулла Фазылов, 59) Загидулла Хамидуллин, 60) Ахметхан Ахметзянов, 61) Абдулменнан Валеев, 62) Бадретдин Насыров, 63) Халиулла Валиуллин, 64) Фазулла Губайдуллин, 65) Аглиулла Хайбуллин, 66) Фаткулла Ибегуллин, 67) Исмагил Ибрагимов, 68) Гибатулла Губайдуллин, 69) Аухадей Мухаметрахимов, 70) Назметдин Мазитов, 71) Мифтахутдин Галиакберов, 72) Садрутдин Шамсутдинов, 73) Халит Мазитов, 74) Бадретдин Бикчантаев, 75) Ахметгалей Мифтахутдинов, 76) Сафиулла Валитов, 77) Муллагалей Шарафут-

ПРИЛОЖЕНИЯ

динов, 78) Мухамадей Рахматуллин, 79) Ахметгалей Сафаргалеев, 80) Гайнетдин Губайдуллин, 81) Фазулла Ахметзянов, 82) Валей Ахметзянов, 83) Хабибулла Хамидуллин, 84) Абдрахман Байрамгалеев, 85) Хасан Байрамгалеев, 86) Сулейман Тимергалеев, 87) Тимергалей Абдул-Латыпов, 88) Файзулла Губайдуллин, 89) Шакир Абдуллатыпов, 99) Гайса Баязитов, 91) Исмагил Гайнуллин, 92) Ибрагим Мухаметгалеев, 98) Гизетулла Сайфуллин, 94) Хисметулла Сайфуллин, 95) Зялялетдин Губайдуллин, 96) Хамидулла Ибрагимов, 97) Назмутдин Ибрагимов, 98) Хусаин Хасанов, 99) Гилязутдин Багаутдинов, 100) Габзатулла Гайнуллин, 101) Хабибулла Галимов, 102) Сибегатулла Губайдуллин, 103) Сайфулла Губайдуллин, 104) Абдулла Гибадуллин, 105) Самигулла Гафуров, 108) Самигулла Габидуллин, 109) Гатаулла Зайнуллин, 110) Шакирзян Ахметзянов; в чем за себя и вышеписанных неграмотных по их доверию подписался Гизатулла Галиев, Кудайгуловский сельский староста Ахмадулла Фахрутдинов. (печать)

Мамсинский волостной старшина А.Валеев (подпись) (печать)

Ташкичү авылында указной имам Садреддин Баһаэддин углы
(текст по-татарски)

1890 года апреля 23 дня настоящий приговор к свидетельству в Мамсинском волостном правлении явлен и в книгу приговоров под №18-м записан.

Волостной старшина А. Валеев (печать)

Вол. писарь (подпись) (печать)

ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4033. Л.2–3 об.

Об исследовании степени политической благонадежности муллы дер. По речке Мамсе Хадея Хайруллина Ихсанова¹⁰

№1

Уведомление о возбуждении дознания от 22 апреля 1911 года за №698 приставом 2 стана Казанского уезда Казанской губернии

Секретно. Лит. А.

1) Наименование дознания¹¹.

На съезде в г. Нижнем Новгороде представителей мусульманской прогрессивной партии было решено проводить программу этой партии, между прочим, в среде татарского населения Казанской губ[ернии], на котором участвовал мулла гор. Казани Галимзян Мухаметзянов¹², который является главным деятелем в Каз[анской] губ[ернии], распространяя в населении программу партии ч[е]рез мулл, обучающих детей грамоте. У мулл имеются разные агитационные брошюры и прокламации, и они же производят с населения неразрешенные сборы и, между прочим, на турецкий флот. Главным помощником Мухаметзянова в его агитационной деятельности является в Казанском уезде мулла дер. По речке Мамсе Мамсинской волости Хадей Хайруллин Ихсанов, о котором мною и производилось дознание в порядке охраны.

2) Время возбуждения дознания.

22 апреля сего 1911 года.

3) Место возбуждения дознания.

Деревня по Речке Мамсе Мамсинской волости Казанского уезда.

---

¹⁰ Ихсанов Хади Хайруллин (15.1.1874–?), родился дер. Ахуново Тюрюшевской вол. Белебеевского уезда Уфимской губ. Начальное образование получил в дер. Килимовой Тюрюшевской вол. Белебеевского уезда Уфимской губ. (до 1886 г.). Затем учился в Салиховском и Апанаевском медресе г. Казани (1891–1904 гг.). Главный помощник муллы г. Казани Галимзяна Мухаметзянова.

¹¹ Здесь и далее: подчеркнуто в документе. – *Прим. сост.*

¹² Галимзян Мухаметзянов или Галимзян Баруди (Галиев Галимзян Мухаметзянович) (1857–1921) – татарский ученый-богослов, религиозный и общественный деятель, педагог. В 1917–1921 гг. – муфтий Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЯ

---

4) Кто производил дознание и кто наблюдающее за производством дознания лицо прокурорского надзора.

Пристав 2 стана Казанского уезда, а т.к. дознание производилось в порядке охраны, то наблюдения со стороны прокурорского надзора не требуется.

5) Основания возбуждения дознания.

Поручение г. Казанского уездного исправника от 8 сего апреля за №218, основанное на предписании г. Казанского губернатора от 1 сего апреля за №5798.

Пристав 2 стана Казанского уезда (подпись)

ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.790. Л.1-1 об.

№2 Протокол

1911 года мая 20 и 21 дня в гор. Казани, я, помощник начальника Казанского губернского жандармского управления в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах подполковник Добродеев, в порядке Положения об охране, в присутствии нижеподписавшихся понятых производил осмотр газет, брошюр и рукописей на татарском, арабском и турецком языках, приложенных к произведенному в порядке охраны Приставом 2 стана Казанского уезда расследованию о выяснении политической благонадежности муллы дер. По речке Мамсе Мамсинской вол[ости] Казанского уезда Хадея Хайруллина И х с а н о в а, и препровожденному г[осподином] Казанским губернатором 17 сего мая за №8580 на заключение начальника Казанского губернского жандармского управления, причем, по имеющимся в названном жандармском управлении сведениям, помянутые газеты, брошюры и рукописи оказались:

1) Две рукописные тетради в бумажных обложках, одна розового цвета, другая красного под заглавиями на русском языке «Тетрадь справочник». Рукописи в этих тетрадях на татарском и частью на арабском языках представляют ученические работы по упражнению в письме религиозного содержания. В одну из этих тетрадей вложено два печатных на татарском языке листка – приглашение на свадьбу.

2) Два номера газеты на арабском языке под заглавием «Алло‘а» за 1909 год. Издается в Египте. Газета политическая, литературная и торговая. В этих номерах чего-либо относящегося к делу названного Ихсанова

ПРИЛОЖЕНИЯ

не имеется. В номерах много отведено петита на отделы промышленности и религии.

3) Два номера газеты на кавказском наречии (близком к турецкому) под заглавием «Терджиман» от 31 марта и 7 апреля 1909 года за №№14 и 15. Газета издается в Бахчисарае и в настоящее время направления прогрессивного. В этих номерах чего-либо относящегося к делу Ихсанова не имеется.

4) Один номер газеты на татарском языке под заглавием «Идель» от 18 сентября 1909 года за №189. Издается в Астрахани и в настоящее время.

5) Картонная коробка и в ней: а) один подписной лист на татарском языке в пользу пострадавших от землетрясения. Всего собрано 10 руб. 19 коп.; б) Конверт с адресом: «Russie» Казанской губ. и уезда Мамсинской вол. дер. По речке Мамсе мулле Мухамед Гадии Ихсанову». В конверте письмо с датой: «19 октября 1907 г. Каир». Письмо воспроизведено красными чернилами на татарском языке за подписью: «Абдрахман Абдул Гиллямов». В этом письме автор сообщает Мухамед Гадью, что в Каире было многолюдное собрание мусульман со всех концов света и что на этом собрании был и Исмагил Гаспринский (редактор издающейся в Бахчисар[а]е газеты «Терджиман»), который призывал всех мусульман, но к чему именно в письме не сказано. Предложение Гаспринского было принято большинством голосов; в) Письмо на татарском языке с датой: «31 октября 1906 года», местность не указана. Подпись неразборчива. Адресовано на имя Мухамеда Гадья. В письме ничего нет, чтобы относиться к делу Ихсанова, но на одной странице письма карандашом на татарском языке написано: 1) Мулла Мухамед Гадый – 1–50; 2) Хальфа (что значит учитель) – 2–50; 3) Муарель – 3–50; 4) Тавриз (женское имя) – 4–50; 5) Муфтар мулла – 5–50; 6) Мингаз – 6–50; 7) Гимадый слепой – 18; 8) Касым муазин (что значит пономарь) – 7–50; 9) Зариф мулла – 8–50; 10) Гимади мулла – 9–50; 11) Гадый маэзин – 37»; г) несколько рукописных листов заключают в себе проповеди муллы, как о благотворительности, так и о вреде пьянства, о воровстве и др. пороках; д) записная карманная книжка заключает в себе рукописи на религиозные темы; е) остальные письма частного и семейного характера.

б) Один номер иллюстрированного журнала на татарском языке под заглавием на русском языке «Ялт-Юлт» от 1 декабря 1910 года №18. Издается в Казани. В номере ничего нет, что бы относилось к делу Ихсанова.

7) Один номер того же журнала «Ялт-Юлт» от 1 июля 1910 года №8.

8) и 9) Две тетради с рукописями на татарском языке и частью на арабском религиозного содержания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

---

10) Книга в обложке зеленого цвета с красными полосами на татарском языке под заглавием «Члены 1, 2 и 3 Государственной Думы от мусульман» с портретами их и описаниями деятельности их в этих Думах. Лито-типография Харитоновна, г. Казань.

11) Тетрадь с рукописями на татарском языке, представляющими ученические упражнения в письме.

12) 43 брошюры разного наименования на татарском языке, учебники, религиозные по гигиене, закон 9 ноября 1906 г.

О чем и составлен настоящий протокол.

Верно:

Отдельного корпуса жандармов подполковник Добродеев

ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.790. Л.16–17.

№3

Отношение начальника жандармского управления господину казанскому губернатору от 24 мая 1911 года за №5056¹³

Секретно

Возвращая препровожденное мне при предложении от 17 сего мая за №8580 производство о мулле дер. По речке Мамсе, Казанского уезда, Хадее Хайруллине И х с а н о в е с вещественными по этому делу доказательствами, отобранными при обыске в квартире этого мุลлы, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что названный Ихсанов по делам вверенного мне Управления не проходил.

Из произведенного расследования совершенно не видно, чтобы Ихсанов распространял среди населения программу мусульманской прогрессивной партии, брошюры и прокламации противоправительственного содержания и производил бы сборы в пользу турецкого флота, а потому я полагаю бы это дело, в порядке 34 ст. Положения об охране, дальнейшим производством прекратить и все взятое у Ихсанова по обыску возвратить ему, за исключением упоминаемого ниже письма из гор. Каира (Египет).

По осмотре и переводе при вверенном мне управлении брошюр и рукописей с татарского на русский язык, оказалось между прочим: 1) Письмо, которое само никакого значения для дела не имеет, но на одной странице этого письма написано на татарском языке несколько имен и против этих фамилий написаны цифры, вероятно означающие суммы денег: 1–50,

---

¹³ На №8580 и в дополнение №4927.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2–50, 3–50 и т.д. И поэтому надо полагать, что по этому списку производились сборы или пожертвования (п.5в протокола помощника моего подполковника Добродеева от 20–21 сего мая) и 2) подписной лист на татарском языке в пользу пострадавших от землетрясения. Всего собрано 10 руб. 19 коп. (пункт 5а того же протокола).

В виду сего, я полагал бы, прежде чем дело это прекратить в порядке названной выше ст. 34 Положения об охране, произвести дополнительное расследование для выяснения: 1) что означает список имен с цифрами против: 1–50, 2–50, 3–50 и т.д., и если по этому списку производились сборы или принимались пожертвования, то на какой именно предмет, было ли на это получено разрешение и когда, куда и кому деньги эти были отправлены и 2) когда, куда и кому были сданы или отправлены 10 руб. 19 коп., собранные в пользу пострадавших от землетрясения.

Вместе с сим имею честь сообщить, что значащееся в п.5б протокола осмотра вещественных доказательств от 20–21 сего мая письмо отправлено на распоряжение начальника Таврического губернского жандармского управления.

О последующем распоряжении Вашего Превосходительства прошу приказать не оставить поставить меня в известность.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) производство, 2) вещественные по делу доказательства и 3) протокол подполковника Добродеева.

СПРАВКА: Записка моя от 20 мая 1911 года за №4927.

ПОДПИСАЛ: полковник КАЛИНИН

ВЕРНО: Отдельного корпуса жандармов подполковник Добродеев

ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.790. Л.35–36.

Вақыфнамә. 1917 ел

Казан губернасы вә өязе Мәңгәр волосте вә Иске Ашыт авылының хажи Төхфәтулла Гайнулла мәрхүм углы Хәсәнев мин үз милкемдә улган сатып алган жиремне Вятская губерна вә Уржум өязе вә Хлебниковский волостыта Ульяновларның жирләре илән чиктәш улган йөз ун алты 116 дисәтинә жиремне урманы илән хассәтән Аллаһы Тәгалә ризалыгы өчен түбәндәге мәзкүр мәсжедләргә вә мәктәпләргә вақыф иттем вә ниятемнән кайтмаска шарт кылдым. Шөһүде мөслимнәр хозурында вә ул йөз ун алты дисәтинә жиремне урман илә вақыф иткән мәсжед вә мәктәпләр әүвәле – Мәңгәр волосте Иске Ашыт карьясенәң ике мәхәллә мәсжеденә вә янадан салыначак мәктәбенә вә икенчесе – Шөңше волосте Байлар Орысы икенче мәхәллә мәсжеденә вә өч мәктәбенә вә өченчесе – Шөкше волосте Иске Коллар карьясенәң икенче мәхәллә мәсжеденә вә ике мәктәбенә вә дүртенчесе – Түрәк волосте Иске Авыл мәсжеденә вә бер мәктәбенә вә бишенчесе – Мәмсә волосте Ашытбашы карьясенәң мәсжеденә вә алтынчысы – Арча волосте Наласа карьясенәң. Түбән мәхәллә мәсжеденә вә жиденчесе – Мамадыш өязе Чуриле волосте Нижний Утар карьясенәң мәсжеденә вә сигезенчесе – Балтач волосте Хәсәншәех карьясенәң икенче мәхәллә мәсжеденә вә мәктәбенә.

Вә кинә бу йөз ун алты дисәтинә жирем вә урманымнан хасыйл улган вирадәгнәң нәзарәт вә тәкъсиме шул мәзкүр мәсжед вә мәктәпләргә үзем сәламәт вақытымда үз кулымда улып вә үзем фәүтдән соңра углым Әхмәджанның тәхете нәзарәт вә тәкъсимендә улмак 18 шарт илән шөһүде мөслимнәр хозурында кулым куйдым. Төхфәтулла Гайнулла улы Хәсәнов.

Вә бу югарыдагы мәзкүр вақыфка бән әһлиясе Бибифатыйма Сәфәргали мәрхүм кызы риза улып кулымны куйдым [Имза].

Вә бән хажи Төхвәтулла углы Фазулла риза улып кулым куйдым [Имза].

Вә бән хажи Төхвәтулла углы Әхмәджан әткәмнәң мәзкүр вақыфына риза улып кулым куйдым [Имза].

Вә шаһидләре: Мөхәммәдгалим Габденнасыр углы.

Хәкимжан Сәфәргали углы Сабитов.

Газиз бине Әхмәджан Хәсәни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1918 ел, гыйнвар 16-ында. Резолюция

Казан губернасы һәм өязе Мәңгәр волосте Иске Ашыт иленең Төхфәтулла Гайнулла углы Хәсәневнең 1917 нче ел тарихлы вакыф-намәсенә бинаән: мәзкүр Төхфәтулла Гайнулла углы Хәсәнев тарафыннан берничә мәсҗед вә мәктәпләр файдасына йөз дә ун алты дисәтинә жир вакыф кыйлынган.

Карар: бу вакыф жиргә мөтагалликъ булдыгыннан учредительное собраниеда жир мәсьәләсе бертөрле хәл кыйлынганга тукталып тора.

Диния нәзарәтендә рәис: Галимҗан бин Мөхәммәдҗан әл-Баруди әл-мөфти.

Казыйлар:

Кәшшаф Тәрҗемани.

Мөхлисә Габделгалләи кызы.

Салихҗан Урманов.

НА РБ. Ф. И-295. Оп.10. Д.375. Б.л.

Приложение №10

Извлечения из журнала о проверке торговых, промышленных предприятий и личных промысловых занятий

а) Лавки на Ашитском базаре с мануфактурными, галантерейными, бакалейными товарами

Владелец	Наемная плата в год за помещение (в руб.)	Приказчик, годовое жалованье	Оборот за прошлый год (в руб.)	Примечание
1902–1906 гг.				
Кр. поч. Байчуринского Мухаметгалей Сафаргалеев	25	кр. д. По речке Мамся Хаким Латыпов, приказчик II кл., 142 р. с пищей	1000	постоянно торгует в поч. Байчуринском, временно на базарах: Больше-Атнинском, Больше-Менгерском

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кр. поч. Байчуринского Мухаметвафин Бикмухаметов	25	кр. поч. Байчуринский Залялютдин Бикмухаметов (родной брат), приказчик II кл., без жалованья	1000	постоянно торгует в поч. Байчуринском, временно на базарах Казанского уезда
Кр. поч. Байчуринского Халиуллы Сафиуллин	8	торгует сам	80	постоянно в поч. Байчуринском, временно на Атинском базаре
Кр. поч. Байчуринского Залялютдин Вафин Бикмухаметов	25	кр. д. Байчуриной Хабибрахман Галиакберов, д. Старый Турналей Низамутдин Мухаметзянов, приказчики II кл., 200 р., пища	1200	постоянно в поч. Байчуринском
Кр. д. Мамся Негаметзян Фахрутдинов Утяганов	20	торгует сам	не указан	постоянно торгует в д. Мамся, временно на базарах: Арском, Апазовском, Балтасинском
Кр. д. По речке Мамся Мухаметзян Хасанов	13	торгует сам	110	постоянно д. По речке Мамся, временно на Апазовском базаре
Кр. д. Старый Ашит Гизетулла Файзуллин	собственная лавка, за место 30 р.	торгует сам	250	
Кр. д. Старый Ашит Фазулла Тохватуллин Хасанов	собственная лавка	кр. д. Старый Ашит Габдуллазан Тохватуллин Хасанов (родной брат), приказчик II кл., без жалованья	1200	постоянно в д. Старый Ашит, временно на базаре Арском
Кр. д. Старый Ашит Ахметзян	25	кр. д. Уры Салахутдин Маматов,	не указан	постоянной торговли нет,

ПРИЛОЖЕНИЯ

Гизетуллин Хасанов		приказчик II кл., 60 р., 70 р. пища		временно на базарах: Боль- ше-Атнинском, Балтасинском
Кр. д. Старый Ашит Мухамет- Юсуп Якупов ¹⁴	5	торгует сам	100	постоянно в д. Старый Ашит, временно на базаре Ат- нинском
Кр. д. Старый Ашит Хайрулла Хабибуллин	5	1 ¹⁵ , 40 р.	180	постоянно в д. Старый Ашит
Кр. д. Старый Кинерь Гатаул- ла Нугуманов	5	торгует сам	100	постоянно в д. Старый Ки- нерь, временно на базаре Апа- зовском
Кр. Тетюшко- го у. поч. Нов. Ишеева, в про- жив. в д. Таш- кич Мухаметза- кир Хусаинов	5	торгует сам	110	постоянно в д. Ташкич
Кр. д. Ташкич Гумер Шагиму- ратов (Шаги- марданов)	7	торгует сам	180	постоянно в д. Ташкич
Кр. д. Шинер- Кинерь Мулла- галей Байрам- галеев	7 р. 50 к.	торгует сам	100	постоянно в д. Шинер- Кинерь, вре- менно на Боль- ше-Атнинском базаре
Кр. д. Шинер- Кинерь Заги- дулла Вильда- нов	7	торгует сам	60	постоянно в д. Шинер- Кинерь
Пивная лавка принадлежит к заводу «Вос-	200	заведует приказ- чик I кл. V раз. Арский мещ. Лука	700	

¹⁴ Раньше торговлю производил отец Якуп Фазылзянов.

¹⁵ Имя не указано.

ПРИЛОЖЕНИЯ

точная Бавария» Каз. купцу 2-й гильдии О.Э.Петцольду		Васильев Щелкин, 180 р., на своем содержании		
Лавка при складе ¹⁶ кр. д. Старый Ашит Тохватулла Гайнуллин Хасанов	собственная лавка	Фазуллa Тохватуллин Хасанов (родной сын), приказчик II кл., без жалования	1600	при складе постоянно в д. Старый Ашит
Базарная площадь и весы. Арендатор кр. д. Старый Ашит Фатрахман Шигабутдинов	1761		80	
Базарная площадь и весы. Арендатор кр. д. Старый Ашит Тохватулла Габидуллин (проверить)	1030		75	
1911–1916 гг.				
Кр. д. Байчуриной Залялнотдин Бикмухаметов	30	Кр. По речке Мамся Абдрахман Сафиуллин	1500	постоянно в д. Байчуриной
Кр. д. Байчуриной Сибгатулла Валитов	12		1000	
Кр. д. Байчуриной Мухаметгалей Валитов	30		1560	торговля перешла от кр. Шингер-Кинерь Шарифзяна Сабирзянова
Кр. д. Поч. Байчуринского Бибихадыча Ибрагимова Бикмухаметова	25	кр. д. Старый Кырлай Минька Мукаев, приказчик II кл., 120 р. с пшцей	1300	постоянно

¹⁶ Имеет два складное помещение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кр. д. По речке Мамся Мухаметзян Хасанов	10		400	
Кр. д. По речке Мамся Мифтахутдин Багаутдинов Абдрашитов ¹⁷	30	кр. д. Старый Ашит Гатаулла Хасанов, 100 р.	1500	
Кр. д. Старый Ашит Ахметзян Гизетуллин Хасанов	30	Приказчик I кл., Салахутдин Махмутов, Касим Якупов, приказчик II кл., 300 р.	4000	
Кр. д. Старый Ашит Хакимзян Ахметзянов	25		4000	
Кр. д. Старый Ашит Хайрулла Хабибуллин	4		150	
Кр. д. Старый Ашит Гайнулла Хайбуллин	16		3000	
Кр. д. Старый Ашит Мухарлям (Мухаррям) Насрутдинов Габидуллин	9		300	
Кр. д. Старый Ашит Тохватулла Гайнуллин Хасанов ¹⁸	соб.	сын Фазулла Тохватуллин Хасанов (без жалованья), кр. Новый Кинерь Зариф Сабиров, приказчик II кл., 48 р.	30000	
Кр. д. Старый Ашит Мухаметгалей Ахметгалеев	соб.		500	постоянно в д. Старый Ашит

¹⁷ Есть складочное помещение.

¹⁸ Есть складочное помещение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кр. д. Старый Ашит Зайнулла Ахмадуллин	соб.		300 р	
Кр. д. Старый Ашит Валиулла Фаткуллин	5		вновь	
Кр. д. Ташкич Мухаметзакир Хусаинов	5	-	500	постоянно в д. Ташкич
Кр. д. Ташкич Гумер Ишмухаметов	8		400	
Кр. д. Ташкич Гумер Шагимарданов	5		130	на Ашитском базаре
Кр. д. Шинер-Кинерь Шарипзян Сабирзянов	16		1500	
Кр. д. Шинер-Кинерь Байрамгалей Габдулхаликов	3		200	
Кр. д. Ташкич Каюм Габидуллин	10		300	
Кр. д. Ташкич Габдулбарей Каюмов	8		вновь	
Кр. д. Ташкич Гумер Ишмуратов	6		400	

ПРИЛОЖЕНИЯ

б) Лавки в домах с продажей бакалейного, хлебного, галантерейного, мануфактурного товара

Местонахождение	Владелец	Приказчик, годовое жалованье	Оборот за прошлый год	Примечание
1902–1906 гг.				
д. Байчуриной в доме кр. Сафаргалея Валитова	Сибгатулла Сафаргалеев, торгует сам	–	1000 р.	раз в неделю на Ашитском базаре
д. Байчуриной в доме кр. Сафаргалея Валитова	Мухаметгалей Сафаргалеев	кр. д. Шинер-Кинер Шарифзян Сабирзянов ¹⁹ , приказчик II кл., 50 р., на хозяйских хлебах	9000	на базарах: Ашитском, Менгерском, Атнинком
д. Байчуриной в доме кр. Вафа Бикмухаметова	Зялялютдин Вафин Бикмухаметов	Хабибрахман Галиакберов, 50 р., на хозяйских харчах	9000	на базарах: Ашитском, Апазовском
д. Кудайгулово в доме кр. Хусаина Гумерова	Мухаметзян Хусаинов, торгует сам		500	на базарах: Ашитском, Апазовском
д. Кудайгулово в доме кр. Шакирзяна Ахметзянова	Шакирзян Ахметзянов, торгует сам		500	
д. По речке Мамся Новый Кнерь тож в доме кр. Мифтахутдина Багаутдинова Абдрашитова	Мифтахутдин Багаутдинов Абдрашитов ²⁰ , торгует сам		2000	
д. По речке Мамся, Новый	Незамутдин Зайнегабди-		2000	

¹⁹ С 1915 года имеет собственную лавку.

²⁰ С 1906 г. Гатаулла Гайнуллин Хасанов – приказчик II кл. с жалованьем 200 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кнерь тож в доме кр. Незамутдина Зайнегабдинова Ермакова	нов Ермаков, торгует сам			
д. По речке Мамся Новый Кнерь тож в доме кр. Мухаметша Садыкова	Мухаметша Садыков, торгует сам		1500	
д. По речке Мамся Новый Кнерь тож в доме кр. Мухаметзяна Хасанова	Мухаметзян Хасанов, торгует сам		1000	
д. По речке Мамся Новый Кнерь тож в доме кр. Абдулвахита Баязитова	Абдулвахит Баязитов, торгует сам		300	
д. По речке Мамся Новый Кинер тож в доме кр. Закира Шакирова	жена Бибизюгра Искакова, торгует сама		100	
д. Старый Ашит каменная лавка ²¹ в своем доме	Арский 2-й гильдии купец Гатаулла Гайнуллин Хасанов	кр. д.Большой Атни Шакир Закиров, д. Старый Ашит Валиулла Фатхуллин, приказчики II кл., 120 р., 160 р. пищей	1600	
Кр. д. Старый Ашит в доме Ахметгарея Ахметгалеева	Ахметгарей Ахметгалеев, торгует сам		130	временно на Атнинском базаре

²¹ Мануфактурными товарами и азиатской обувью. Имеет складочное помещение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

д. Шинер-Кинерь в доме кр. Гатауллы Нугуманова	Гатаулла Нугуманов, торгует сам		400	временно на Ашитском базарах
д. Шинер-Кинерь в доме кр. Байрамгалея Халикова	Муллагалей Байрамгалеев, торгует сам		400	временно на Апазовском и Ашитском базаре
д. Шинер-Кинерь в доме кр. Загидуллы Вильданова	Загидулла Вильданов, торгует сам		400	на Ашитском базаре
д. Старый Ашит чайное заведение в доме кр. Фатыха Ибрагимова			90	помещается в 1 комнате с продажей горячей воды и белого хлеба в базарные дни
д. Старый Ашит чайное заведение в доме кр. Мухаметгалея Абдулхалекова			вновь	с торговлей белым и ржаным хлебом и отпуск горячей воды для чая в базарные дни
д. Старый Ашит чайное заведение в доме кр. Мухаметзяна Сулейманова			вновь	с торговлей белым и ржаным хлебом и отпуск горячей воды для чая в базарные дни
д. Старый Ашит чайное заведение в доме кр. Мухаметь Аминь Гадеева			вновь	с торговлей белым и ржаным хлебом и отпуск горячей воды для чая в базарные дни

ПРИЛОЖЕНИЯ

д. Старый Ашит чайное заведение в доме кр. Шагимардана Мухаметгалеева			вновь	с торговлей белым и ржаным хлебом и отпуск горячей воды для чая в базарные дни
1916 г.				
д. Байчуриной в своем доме	кр. д. Байчуриной Хабибулла Сафиуллин, заведует сам		400	
д. Байчуриной в своем доме	кр. д. Байчуриной Габдрахман Ахметзянов, заведует сам		вновь	
д. Байчуриной в своем доме	кр. д. Байчуриной Мухаметгалей Сафаргалеев Валитов, заведует сам		16000	
д. Байчуриной в своем доме	кр. д. Байчуриной Зяллютдин Вафин Бикмухаметов, заведует сам		9000	
д. Байчуриной в своем доме	кр. д. Байчуриной Сибегатулла Валитов, заведует сам		1800	
д. Кудайгуловой в своем доме	кр. д. Ташкич Гумер Ишмуратов, заведует сам		1500	временно на Ашитском базаре
д. Кудайгуловой в своем доме	кр. д. Кудайгулово Шакирзян Ахметзя-		250 р.	

ПРИЛОЖЕНИЯ

	нов, заведует сам			
д. Кудайгуловой в своем доме	кр. д. Кудайгулово Мухаметзян Хусаинов, заведует сам		800	
д. Кудайгуловой в своем доме	кр. д. Кудайгулово Габдулкаюм Габдуллин, заведует сам		850	
д. По речке Мамся в своем доме	кр. д. По речке Мамся Мухаметша Садыков, заведует сам		5000	
д. По речке Мамся в своем доме	кр. д. По речке Мамся Минсылу Сайфутдинова, заведует сама		200	временно на Ашитском базаре
д. По речке Мамся в своем доме	кр. д. По речке Мамся Садрутдин Низамутдинов Ермаков, заведует сам		8 000	
д. По речке Мамся в своем доме	кр. Вятской губернии Уржумского у. Турекской вол. д. Кошкиной Натальи Васильева Домрачева, заведует сама		600	
д. По речке Мамся в своем доме	кр. Абдуллизан Сулейманов, заведует сам		200 р.	

ПРИЛОЖЕНИЯ

д. Шинер-Кинерь в своем доме	кр. Шинер-Кинерь Абдулвахит Баязитов, заведует сам		200	
д. Шинер-Кинерь в своем доме	кр. Шинер-Кинерь Байрамгаей Габдулхаликов, заведует сам		200	

в) Рогожное производство с отдачею мочала по домам

1902–1906 гг.

д. Байчуриной	Залялютдин Вафин Бикмухаметов, заведует сам	В 10-ти домах по 2 р. 50 к. за 100 рогож весом в 5 пуд.	12000 шт. рогож	500	
д. Байчуриной	Валиулла Зайнуллин, заведует сам			вновь	
д. Кудайгулово	Шакирзян Ахметзянов, заведует сам	В 9-ти домах по 2 р. за 100 рогож	5 000 шт. рогож	250	

1916 г.

д. Байчуриной, скупка и продажа мочала и рогож	Залялютдин Вафин Бикмухаметов, заведует сам	в 10-ти домах	2 р. 50 к. за 100 рогож до 5 пуд., в год 10000 рогож	1000	
– « –	Хабибулла Сафиуллин, заведует сам	в 2-х домах	2 р. за 100 рогож, до 2000 рогож	100	

ПРИЛОЖЕНИЯ

г) Водяная мукомольная мельница

1902–1906 гг.

д. Байчуриной	Арендатор кр. Зялялютдин Вафин Бикмухаметов, заведует сам			300	
На речке Ашит принад. Старо-Ашитскому общ-ву 125 дюймов	арендатор кр. Старый Ашит Галей Басыров ²² , заведует сам, за аренду 30 р.	1 мельник, 144 р., 120 р. пищей	15 тыс. пудов размалывается разного зернового хлеба, 500 пуд. собирается лопаточной муки	396	
На речке Ашит принад. Кошарскому сельскому общ-ву 136 дюймов	арендатор кр. д. Шинер-Кинерь Галим Нафиков, заведует сам, за аренду 50 р.	1 мальчик, 100 р., 100 р. пищей	200 пуд.	600	
На речке Мамся о 3-х поставах 128 дюймов	арендует кр. д. Байчуриной Вафа Бикмухаметов, заведует сам, за аренду 50 р.	1 мельник, 80 р., на хозяйских харчах	15 тыс. пудов размалывается разного зернового хлеба, 500 пуд. собирается лопаточной муки	300	
На речке Ашит о 3-х поставах 139 дюймов	арендует кр. д. Кудайгулово Сабирзян Шафиуллин, заведует сам, за аренду 53 р.	1 мельник	15 тыс. пудов размалывается разного зернового хлеба, 500 пуд. собирается лопаточной муки	350	
На речке Ашит о 3-х поставах 118 дюймов	арендует кр. д. Кудайгулово Гатаулла Губайдуллин,	1 раб. 50 р., на хозяйских харчах	10 тыс. пудов размалывается разного зернового хлеба,	280	

²² В 1916 году существовал.

ПРИЛОЖЕНИЯ

	заведует сам, за аренду 50 р.		400 пуд. собирается лопаточной муки		
При Шошма-башской мукомольной мельнице солодовенный завод	арендует кр. По речке Мамся Низамутдин Ермаков	2 мельника	—	400	сушильня и растильня

1916 г.

Нефтяная мукомольная мельница в д. По речке Мамся шведской нефтяной двигатель Экваль 2-х тактный в 20 силах молочных 2 пары ...	кр. По речке Мамся Галим Нафикович Нафиков, заведует сам	2 мельника 450 р., на прод. хозяина	до 20000 пуд. размалывает разного зерна, до 1000 п. лопаточной муки	2200	собственный
На речке Ашитке в 3-х поставах диаметр всех пар камней 139 дюймов	заведует арендатор Мамад у. Ново-Чурилинской волости д. Сикертан Сабирзян Шафигуллин, за наем 53 р.	1 мельник	до 10 000 пуд. размалывает разного зерна, 500 пуд. лопаточной муки	500	
д. Старый Ашит о 4 поставах на р. Ашит, 140 дюймов	арендатор кр. д. Старый Ашит Гагаулла Хасанов, за аренду 140 р.	1 мельник, 100 р.	до 10 000 пуд. размалывает разного зерна	500	
По речке Мамся о 3-х поставах в диаметре всех	арендатор местный крестьянин	1 мельник, 80 р., на	до 10 000 пуд. размалывает	500	

ПРИЛОЖЕНИЯ

пар жерновов 128 дюймов	Зялялютдин Бикмухаметов, за наем 50 р.	содер. хоз-на	разного зерна, до 500 пуд. лопаточной муки		
При Шошмабашской мукомольной мельнице солодовенный завод	кр. По речке Мамся Серазетдин Низамутдинов Ермаков	2 мельника по 50 р. каждому, содер. хоз.	до 800 пудов солода ценою по 6 руб. за пуд	1800	сушильня и растильня

*Источник: ГА РТ. Ф.3. Оп.1.
 Д.13606. Л.546–616 (за 1902–1904 годы);
 Д.2440. Л.441–485 (за 1904 год);
 Д.9401. Л.1–38 (за 1915 год);
 Д.13832. Л.549–637 (за 1904 год);
 Д.13948. Л.663–701 (за 1906 год);
 Д.5753. Л.1–52 (за 1912 год);
 Д.11469. Л.1–27 (за 1916 год);
 Д.11559. Л.1–35 (за 1916 год);
 Д.13960. Л.521–540 (за 1906 год).*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
ГАКО – Государственный архив Кировской области
МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи.
Собрание 2-е
ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи.
Собрание 3-е
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦПиМН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

История селений Ашитского джиена Заказанья

Коллективная монография

Научное издание

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Корректор – *С.А. Ярмухаметова*

Подписано в печать 15.12.2017 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 15,0 Тираж 250 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46,

231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф